

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»
Северо-Кавказский филиал

Кафедра уголовного права

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ
РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«Эффективность российского правосудия по уголовным делам:
современное состояние и перспективы совершенствования»
(27 мая 2021 г.)

Сборник статей

Краснодар
2022

УДК 343.2
ББК 67.515
Э 94

Ответственный редактор
Генрих Наталья Викторовна, заведующая кафедрой уголовного права
Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «РГУП»,
доктор юридических наук, доцент

Э 94 **Эффективность российского правосудия по уголовным делам: современное состояние и перспективы совершенствования** : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Эффективность российского правосудия по уголовным делам: современное состояние и перспективы совершенствования (27 мая 2021 г.). Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Генрих; СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2022. – 244 с.

ISBN 978-5-91718-696-2

Сборник содержит материалы Всероссийской научно-практической конференции «Эффективность российского правосудия по уголовным делам: современное состояние и перспективы совершенствования», состоявшейся 27 мая 2021 года в Северо-Кавказском филиале Российского государственного университета правосудия. Сборник материалов включает статьи российских юристов – научных и практических работников, преподавателей высших учебных заведений Российской Федерации.

Представляет интерес для специалистов в области уголовного права, криминологии, аспирантов, соискателей, студентов юридических вузов.

ББК 67.515
УДК 343.2

ISBN 978-5-91718-696-2

© Коллектив авторов, 2022
© Оформление ООО «Издательский
Дом – Юг», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Генрих Наталья Викторовна Уголовный закон и права человека	7
Бузько Николай Михайлович Некоторые проблемы практического применения уголовного законодательства в судах	26
Гельдибаев Мовлад Хасиевич Уголовная ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте	36
Дикаев Салман Умарович Об эффективности обеспечения общественной безопасности и общественного порядка при проведении официального спортивного соревнования	43
Топильская Елена Валентиновна Криминологическая модель противодействия организованной преступности в сфере спорта	50
Грошев Александр Васильевич Новеллы уголовного законодательства в области противодействия организованной преступности на постсоветском пространстве	57
Кобец Петр Николаевич Особенности криминологической модели Канады по противодействию киберпреступности	69
Кашкаров Алексей Александрович Причинно-факторный сотрудников органов внутренних дел в совершение преступлений коррупционной направленности ..	76
Кашкаров Александр Александрович Вовлечение в преступную деятельность, как способ совершения преступления	80
Капитан Михаил Юрьевич Уголовно-правовая характеристика объекта преступлений в сфере государственных закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд ..	82

Киселев Сергей Сергеевич Виктимологическая профилактика онлайн угроз несовершеннолетних	90
Ругина Ольга Анатольевна Актуальные вопросы судебной практики по делам о мошенничестве, присвоении и растрате	97
Бушков Денис Валерьевич Ошибки судебных приговоров по составу мошенничества, на примере конкретного уголовного дела	103
Донская Ольга Геннадьевна, Москалева Елена Николаевна Перспективы противодействия преступности в условиях цифровизации	114
Донская Ольга Геннадьевна Реализация принципа гуманизма в уголовном праве России ..	119
Рублев Андрей Геннадьевич Особенности противодействия киберпреступности во Франции в контексте вызовов и угроз современности	125
Лапин Алексей Алексеевич Обеспечение безопасности от преступности как приоритетный ориентир в правоохранительной деятельности	129
Шумаков Сергей Александрович Новые векторы уголовной политики в отношении лиц, уличенных во взяточничестве	137
Клюев Андрей Александрович Некоторые аспекты неприменения уголовной ответственности за отказ свидетеля от дачи показаний	141
Петровский Антон Владимирович Отражение в уголовном наказании принципиальных положений обычного права	147
Григорьев Александр Николаевич, Огородников Александр Владимирович К вопросу о назначении обязательных работ	153

Эфрикян Рубен Альбетович Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего хищение на железнодорожном транспорте	157
Капица Вячеслав Станиславович К вопросу совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия терроризму и экстремизму	163
Миллерова Елена Александровна Вопросы уголовно-исполнительной политики в свете положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года	173
Миллеров Евгений Владимирович, Миллерова Елена Александровна К вопросу об эффективности особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением	178
Аведян Аркадий Аведикович Организационное обеспечение виктимологического предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД	182
Карчевский Кирилл Александрович Особенности квалификации преступлений в сфере производства лекарственных средств и медицинских изделий, подлежащих лицензированию	187
Деревянская Татьяна Павловна Вопросы дифференциации ответственности за незаконное обращение лекарственных средств и медицинских изделий	193
Капица Татьяна Александровна Некоторые аспекты квалификации убийства матерью новорожденного ребенка	199
Рудик Михаил Викторович, Иликбаева Евгения Сергеевна Генезис выдачи преступников (экстрадиции) как правовой институт уголовного права	204
Юшина Юлия Владимировна Отдельные вопросы целесообразности законодательного уточнения диспозиции ч. 1 ст. 150 УК РФ	210

Котляр Анастасия Ильдаровна Сотрудники подразделений правового обеспечения системы МВД России как субъекты уголовной ответственности	213
Крюк Виктория Сергеевна Криминологические аспекты семейно-бытового насилия	218
Цыганков Анатолий Юрьевич Формы множественности преступлений в законодательстве континентальной правовой семьи: сравнительный анализ	225
Абисова Кристина Сергеевна Понятие насильственного способа осуществления террористической деятельности	233
Старостенко Олег Александрович IT-мошенничество: анализ преступных схем и методов борьбы	238

**По материалам
всероссийской заочной
научно-практической конференции
«ЭФФЕКТИВНОСТЬ РОССИЙСКОГО
ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ»
(27 Мая 2021 г.)**

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Генрих Н.В.

д-р юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар

Криминализация общественно опасных деяний и как один из видов деятельности законодательной власти, и как ее итог в виде содержания уголовного закона определяется правами человека.

Раскрытие этой, на первый взгляд, простой формулы, требует, прежде всего, уяснения содержания и смысла исходного понятия – «права человека». Этому сложному вопросу посвящен обширный массив литературы, полноценный анализ которой выходит далеко за рамки нашего профессионального интереса. В контексте обсуждения проблем взаимосвязи прав человека и криминализации достаточно обратить внимание на два принципиально различающихся, но вместе с тем, взаимосвязанных аспекта толкования прав человека: а) ограничивается ли сфера прав человека исключительно отношениями между личностью и государством, очерчивая границы свободы личности от государственного вмешательства, или же она включает в себя и область взаимоотношений частных лиц, создавая рамку их поведения по отношению друг к другу; б) предполагает ли концепция прав человека, по общему правилу, невмешательство государства в свободу лично-

сти и каждый раз развернутого обоснования необходимости такого вмешательства, или же, напротив, она настоятельно требует от государства выполнения некоторых активных действий и соответственно легитимации отказа или воздержания от их выполнения. В кратком изложении – является ли доктрина прав человека «вертикальной» и требующей лишь «негативных обязательств» государства или же это «горизонтальная» доктрина, требующая от государства исполнения «позитивных обязательств».

Такие оценки прав человека могут рассматриваться в качестве полярных, задавая некую рамку для их теоретического обсуждения. Некоторые авторы, как известно, утверждают о недопустимости ссылок на права человека в отношениях физических лиц между собой, поскольку это привело бы, по их мнению, к ограничению свободы человека в ситуации, когда права одной личности стали бы источником обязательств для другой. Другие специалисты, напротив признают отправной точкой в понимании прав человека их прямое «горизонтальное» действие и допускают трактовку прав человека как объективных принципов, имеющих обязательную силу для субъектов гражданского общества и способных служить основой для их исков друг к другу. Наконец, в науке представлена и компромиссная позиция, интегрирующая эти подходы. Причем, важно отметить, что в немногочисленных работах по проблемам уголовного права и криминологии именно она используется в качестве основы. На совмещении подходов к пониманию прав человека при обсуждении проблем преступности настаивает В.В. Лунеев. С развернутым обоснованием интегративного понимания прав человека выступила Е.Н. Рахманова. Автор указывает, в частности: «сфера проявления (приложения) прав человека не ограничивается исключительно «вертикальными» отношениями личность – государство, она значительно шире, поскольку охватывает собой все те отношения и связи, в которых человек принимает участие. ... Именно этот подход является наиболее предпочтительным в криминологических исследованиях. Он позволяет обсуждать проблему соотношения прав человека и преступности в широком контексте, включая в предмет рассуждений не только проблемы соблюдения прав человека государством в процессе предупреждения преступлений, изобличения и наказания лиц, их совершивших, также проблемы защиты прав человека от самой преступности».

Очевидно, что в реальной нормативной и гуманитарной практике отмеченные полярные концепции никогда не были реализованы в «чистом виде», очевидно также, что компромиссный подход не создает единственно возможной модели доктрины прав человека и всегда представлен множеством теоретических концепций, поразному выстраивающих баланс между крайностями. Вместе с тем, также очевидно, что каждый из заявленных подходов задает свое особенное понимание связи прав человека и криминализации, прежде всего, с точки зрения оценки криминализации как действий по защите и (или) ограничению прав человека.

В содержательном отношении эта связь может быть исследована посредством обсуждения нескольких фундаментальных тем: является ли криминализация общественно опасных деяний, как элемент охранительной функции, правом или обязанностью государства; выступает ли криминализация средством защиты прав человека или средством их ограничения, а если она совмещает в себе оба этих аспекта, то насколько криминализация сбалансирована, какова содержательная динамика связи прав человека и криминализации. Учитывая относительно самостоятельный характер каждого из этих направлений анализа, уделим им отдельное внимание.

Вопрос о том, относится ли криминализация к области дискреции государства или является частью его конституционных обязательств, не так прост. В его разрешении, на наш взгляд, стоит отталкиваться от принципиального различия, с одной стороны, действий государства по обеспечению прав человека и поддержанию общественного правопорядка, а с другой стороны, собственно, действий, связанных с установлением уголовной ответственности за то или иное деяние.

Поддержание порядка, обеспечение коллективной безопасности, защита прав человека – это собственно то, ради чего и во имя чего создано и функционирует современное государство. Это его неоспоримая обязанность, невыполнение которой делегитимирует государство, создает предпосылки для его ответственности перед человеком и (или) международным сообществом, а порой и создает угрозу самому существованию государства. Однако, криминализация общественно опасных деяний как уголовно-правовое средство выполнения этой обязанности, всегда мыслилась как один из возможных, причем крайних, методов государ-

ственного управления. Тезис об уголовном праве как об *ultima ratio* власти прочно вошел в арсенал всех рассуждений о криминализации, а уголовное право всегда рассматривалось как объективизация именно права, а не обязанности государства применять публичное уголовное наказание.

На этих принципиальных позициях и сегодня строится конституционная концепция российского уголовного права. Так, Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал: федеральный законодатель, в рамках своих полномочий самостоятельно определяя содержание уголовного закона, устанавливает преступность тех или иных общественно опасных деяний, их наказуемость¹, учитывая при этом значимость охраняемых законом ценностей, степень распространенности деяний, которые на них посягают, существенность причиняемого вреда, а также невозможность преодоления таких деяний с помощью иных правовых средств²; само по себе неустановление федеральным законодателем уголовной ответственности за те или иные деяния не нарушает конституционные права граждан, в отношении которых эти деяния совершены, и не препятствует использованию ими в целях

---

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 3.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2015 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.

защиты своих прав и законных интересов иных правовых средств¹.

Вместе с тем, анализ решений Конституционного Суда РФ позволяет выявить и иной, не вполне традиционный и в полной мере не осмысленный наукой, взгляд на компетенцию государства в сфере криминализации. В ряде решений Суд признавал: Конституция РФ, утверждая приоритет личности и ее прав во всех сферах, обязывает государство охранять достоинство личности как необходимую предпосылку и основу всех других неотчуждаемых прав и свобод человека, условие их признания и соблюдения; поскольку ничто не может быть основанием для ущемления достоинства личности, постольку никто не может быть ограничен в защите законными способами своего достоинства, а также всех связанных с ним прав и свобод². С этим связано и иное суждение Суда: любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы является одновременно и наиболее грубым посягательством на человеческое достоинство, поскольку человек как жертва преступления становится объектом произвола и насилия, а следовательно, государство обязано способствовать устранению нарушений прав потерпевшего от преступления; ограничение же доступа к правосудию является одновременно и ограничением фундаментального права на защиту достоинства личности; непринятие своевременных мер к выявлению и устранению нарушений прав и свобод в тех случаях, когда в дальней-

---

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.05.2007 № 515-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Трехсваякова Андрея Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 293 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL : <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFD ecision16584.pdf> (дата обращения: 13.03.2021).

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3.05.1995 № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 2–3; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2001 № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 5.

шем их восстановление оказывается невозможным, означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством, а также должно расцениваться как невыполнение государством и его органами своей конституционной обязанности¹.

Интерпретация этих правовых позиций Конституционного Суда РФ дает основания для вывода, последовательное толкование и практическое воплощение которого может иметь далеко идущие последствия. Если преступное посягательство на личность, ее права и свободы является одновременно посягательством на человеческое достоинство, то, во-первых, концепция прав человека оказывается приложимой к сфере «горизонтальных» отношений между отдельными людьми, и во-вторых, принятие государством мер по недопущению преступных посягательств на личность становится частью его конституционных обязательств по защите прав человека. С этой точки зрения криминализация утрачивает свойство метода, использование которого находится в свободном усмотрении государства. Закономерно напрашивается вывод о том, что криминализация общественно опасных деяний, по меньшей мере, тех, что представляют собой нарушение прав и свобод человека, является обязанностью государства, частью его «позитивных обязательств» по защите прав человека и достоинства личности.

Косвенное подтверждение этого тезиса можно вывести из интерпретации положений Международного пакта о гражданских и политических правах. Согласно п. «а» ч. 3 ст. 2 этого универсального документа, «каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в настоящем Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном каче-

---

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2.07.2013 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 6.

стве»¹. Обратим внимание на слова «даже если». «Даже если» – это значит, «не только в данном случае», но и в любой другой ситуации, когда нарушители прав человека действовали «не в официальном качестве». Иными словами, эффективные средства правовой защиты должны быть (!) предоставлены в случаях посягательств на гарантированные Пактом права со стороны частных лиц. Такие средства с необходимостью включают в себя криминализацию посягательств, что оправданно как традиционными для российской науки представлениями о характере и степени общественной опасности посягательства, так и соображениями, связанными с толкованием понятий «правовое благо» и «публичный интерес».

Теоретически допустимый взгляд на криминализацию деяний, нарушающих права человека и посягающих на достоинство личности, как на обязанность государства ставит целый ряд важных вопросов, связанных, прежде всего, с дополнительным и развернутым толкованием самих прав человека: что должно считаться «правом человека», в чем отличие прав человека от более «скромных» в юридическом отношении притязаний (законных интересов) личности, все ли права или какие их них обуславливают необходимость защиты средствами уголовного закона. Уяснение всех этих нюансов необходимо для ответа на вопрос о том, когда и в каких случаях само отсутствие уголовной ответственности за посягательство на то или иное право человека со стороны частного лица может рассматриваться как нарушение прав человека со стороны государства.

Формально можно было бы утверждать, что права человека, закрепленные в универсальных международных документах, то есть права общепризнанные, как раз и составляют область прав, посягательство на которые требует криминализации. К такому выводу склоняются некоторые отечественные авторы. Однако, как иронично замечают иные специалисты, «документы по правам человека могут быть ошибочными: они могут как институционализи-

---

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/racpol.shtml (дата обращения: 10.03.2021).

ровать притязания, которые на самом деле не являются правами человека, так и напротив, не институционализировать притязания, которые в реальности являются правами человека». Не случайно, Конституция РФ в ч. 1 ст. 55 признала открытый характер перечня конституционных прав человека: перечисление в ней основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Путем толкования и раскрытия смысла Конституции РФ номенклатура конституционных прав человека пополняется, среди прочего, за счет решений Конституционного Суда РФ.

Также формально можно было бы утверждать, что криминализации в любом случае подлежат посягательства на права на человека, которые относятся к разряду так называемых «негативных» и гарантируют свободу и автономию личности без вмешательства со стороны кого бы то ни было. Однако и эта попытка обречена на неуспех. Как замечают специалисты, практика обеспечения различных категорий прав человека в современном мире показывает, что теоретическое деление на негативные и позитивные права носит условный характер и постепенно утрачивает свой смысл.

Можно уверенно утверждать, что в гуманитарном и конституционном праве, да и в целом в политико-правовом пространстве нет на сегодняшний день прочных универсальных концепций, которые могли бы содержательно наполнить тезис о том, что криминализация посягательств на права человека является обязанностью государства. Существует только самое общее понимание, что в ряде случаев такая криминализация действительно составляет обязанность государства. В этой связи «криминализация как обязанность» должна рассматриваться, по-видимому, в качестве одного из современных направлений или векторов развития уголовного права на стыке с правами человека, причем направления малоисследованного и таящего в себе множество «подводных камней», пока еще не выявленных наукой в полной мере.

Как бы то ни было, можно резюмировать: в современном мире криминализация общественно опасных деяний уже не может рассматриваться как инструмент, который находится в полном усмотрении государства. Развитие прав человека диктует возникновение нового подхода, в рамках которого установление уголовной ответственности за нарушение прав человека рассматривается

как часть позитивных обязательств публичной власти. Такая ситуация создает новую исследовательскую рамку для изучения криминализационных процессов и в целом для понимания роли уголовного права в реализации охранительной функции государства.

Исторические сложившееся понимание криминализации общественно опасных деяний как проявления полной свободы усмотрения государства в установлении уголовно-правовых запретов на определенном этапе общественного развития было существенным образом скорректировано гуманистической политико-правовой мыслью. Ее ярчайшим выразителем в области уголовно-правовой доктрины по праву считается Ч. Беккариа, чей известный труд «О преступлениях и наказаниях» можно смело считать интеллектуальной основой современного уголовного права, установившей вполне четкий раздел между архаичным подходом к криминализации и подходом, который можно считать современным, и который до недавнего времени мыслился едва ли как не единственно допустимый. Именно Беккариа, пусть и не используя напрямую концепт «права человека», способствовал развитию теории, которая опиралась на представления о свободе личности в качестве значимого ограничения наступательных криминализационных амбиций государства.

Суть этой теории в кратком и вольном изложении раскрывается в совокупности следующих положений:

– криминализация деяний может считаться допустимой только в том случае, если она закреплена в законе («власть их издания может принадлежать только законодателю как представителю всего общества, объединенного общественным договором»);

– криминализации подлежат только те деяния, которые причиняют обществу вред («единственным истинным мерилom преступлений является вред, который они приносят нации»);

– криминализация требует установления соразмерных и не мучительных наказаний исключительно на уровне закона («несправедливо наказание, выходящее за пределы закона, так как оно явилось бы другим наказанием, не установленным в законе», «следует употреблять только такие наказания, которые при сохранении соразмерности с преступлениями производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на душу людей и были бы наименее мучительны для тела преступника»);

– криминализация требует вместе с тем установления надежной и законной процедуры расследования преступлений и установления вины преступника.

Эти тезисы в своем последовательном развитии привели к особому соотношению гуманитарного и уголовного права, в котором права человека стали восприниматься в качестве феномена, устанавливающего границы криминализации. В рамках либеральной парадигмы взаимоотношений человека и государства уголовное право стало восприниматься как феномен, онтологически затрагивающий и ограничивающий основные права человека – на свободу, безопасность, выражение мнений и т.д. Уголовный закон в интересах общественного блага существенным образом ущемляет основные права правонарушителя: запрет на совершение преступления ущемляет свободу действий по своему усмотрению, клеймо, связанное с осуждением по уголовному делу, ущемляет достоинство, а наказание ущемляет право на свободу передвижения и дополнительные права. Отсюда – представления об уголовном праве и криминализации как о «последнем доводе власти» и всемерное стремление ограничить основание и масштабы применения уголовно-правовых норм в целях обеспечения максимально возможной свободы человека. «Свобода человека не должна быть принесена в жертву интересам общества, – писал Ф. Лист. – Как ни различны были границы защиты этой свободы в различные времена в зависимости от различия взглядов на задачи государства и права, не может подлежать сомнению, что в правовом государстве причинение зла кому-либо может быть оправдано лишь тогда, если данный субъект доказал свое враждебное обществу настроение в определенном, в законе точно описанном деянии». Фактически о том же пишет через сто лет Д. Хьюсак: факт того, что уголовно-правовые положения угрожают основным правам человека, влечет за собой минимизацию криминализации и использование ее лишь в качестве последнего инструмента из многих предлагаемых социальной политикой.

Ограничительная роль прав человека в процессе криминализации проявляет себя двояко.

Во-первых, утверждение прав человека, конкретизация и эволюция их содержания расширяют представления о границах свободы человека, в результате чего уголовно-правовое воздействие на

эту область свободы становится недопустимым вмешательством государства в автономию личности, свидетельством неконституционного ограничения или непризнания прав человека.

История и современность дают массу свидетельств развития такой ограничительной практики в процессах криминализации. Наиболее яркими ее проявлениями можно считать постепенное утверждение мнения о недопустимости криминализации богохульства и оскорбления религии, как противоречащего свободе выражения мнений, о недопустимости криминализации гомосексуализма как противоречащего праву человека на свободу сексуального самоопределения, о недопустимости криминализации свободного перемещения человека в пределах государства и за его границы¹ и др.

В ситуациях подобного рода концепция прав человека создает своего рода «броню», защищающую поведение лица от криминализационных притязаний государства. Проблема, однако, в том, что однозначного и универсального представления о границах свободы поведения человека, которое могло бы быть применимо для решения вопросов криминализации, не существует в принципе. Понятия «свобода поведения» или «автономия личности» не имеют заданного содержания и не закреплены нормативно. Они исторически изменчивы и во многом конвенциональны. В то время как государство неоспоримо обладает свободой усмотрения в установлении оснований уголовной ответственности, в том числе и за действия, которые могут потенциально восприниматься в качестве проявления свободы поведения человека (амбивалентное отношение государств к криминализации абортов или потребления наркотических средств – тому отчетливое подтверждение). Вместе с тем, концепция прав человека в данном случае предъявляет повышенные требования к обоснованию криминализации: государство должно обосновать тот публичный интерес, который оно защищает, ограничивая автономию личности, и убедительно доказать, что значимость этого публичного

---

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта "а" статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 54.

интереса существенно перевешивает значимость индивидуальной свободы, причем ссылок на свободу усмотрения государства при проведении криминализации, а равно ссылок на исторические или этические традиции здесь явно недостаточно.

Второе направление, по которому права человека ограничивают криминализацию, связано с феноменом уголовного наказания. Наказание есть санкционированное государством ограничение или лишение человека его прав и свобод. «Поскольку наказание может иметь тяжелые последствия для отдельных лиц, для него существует некий внешний предел, а именно уважение основных прав человека. Законность наказания основывается на его способности эффективно достигать своих целей, оставаясь при этом в установленных для него внутренних и внешних пределах».

Связанные с наказанием правоограничения могут быть считаться обоснованными, если они отвечают всем требованиям, установленным в конституционных актах и универсальных международных документах о правах человека. Эти требования, в частности, были многократно артикулированы Европейским Судом по правам человека и предполагают не только формальную определенность наказания в законе, но также соответствие законодательных предписаний о наказании условиям «необходимости в демократическом обществе» и «правомерной цели». Они призваны ограничить возможности государства в конструировании уголовно-правовых запретов в тех спорных ситуациях, когда уголовное наказание предположительно будет применяться для защиты ценностей или интересов, которые содержательно и аксиологически менее значимы, чем ценность прав человека, а равно в тех ситуациях, когда применение уголовного наказания является явно непропорциональной мерой для защиты таких ценностей.

В качестве примеров, демонстрирующих ограничение криминализации по этому основанию, можно привести, например, отказ государства от криминализации изготовления, сбыта, хранения крепких спиртных напитков домашней выработки (ст. 158 УК РСФСР 1960 г.) или декриминализацию нарушения правил пользования радиоустановками на водных судах (ст. 75.3 УК РСФСР 1926 г.) и др.

Эти два отмеченных направления ограничения криминализационной практики правами человека тесно связаны, раскрывая раз-

личные элементы ограничительного механизма. В одном случае государству надо доказать, что формулируемый им запрет на проявление свободы личности необходим в целях охраны тех или иных публичных интересов, в другом случае – требуется доказать, что охрана публичных интересов возможна лишь путем уголовного наказания, ограничивающего права и свободы личности. В своей совокупности эти две предпосылки создают представление о классической либеральной модели уголовного права, которая основана на идее максимально допустимого ограничения права государства на уголовное наказание и защиты личности, ее прав и свобод от злоупотребления этим правом со стороны государства.

Развитие и концептуализация представлений о правах и свободах человека именно как об отрасли права (прежде всего, международного) существенным образом повлияло на всю правовую сферу, включая состояние и тенденции развития уголовного права и практику криминализации общественно опасных деяний. Право в целом нацелено на обеспечение прав человека, их защиту, и остается таковым, если защищает права людей, – обоснованно признают специалисты. Этот правозащитный потенциал права во многом способствовал фундаментальному сдвигу в понимании роли и значения уголовного права в деле обеспечения и защиты прав человека.

Благодаря широкому толкованию положений о правах человека международные органы по наблюдению за соблюдением прав человека постепенно начали формулировать явно позитивные обязательства государства применять уголовный закон и систему уголовного правосудия в отношении не только должностных, но частных лиц, которые действовали вопреки ценностям, на которых основаны эти права. Позитивные обязательства стали включать в себя обязанности государства по уголовному расследованию, судебному преследованию, уголовному суду, осуждению и наказанию этих лиц за целый ряд преступлений. Логика, лежащая в основе этих позитивных обязательств, очевидна: они обеспечивают дополнительную защиту особенно уязвимым лицам от серьезного вреда со стороны других лиц, а судебные преследования в области прав человека «необходимы для предотвращения будущих нарушений» и «оказывают сдерживающее воздействие». В этом контексте уголовное наказание постепенно

стало рассматриваться как решающий инструмент для запрещения практики нарушения прав человека, угнетения и насилия, а также для содействия справедливости и миру.

Обязательства государств по криминализации тех или иных общественно опасных посягательств формируются в качестве одного из элементов их обязанностей по защите прав человека в нормах международного и конституционного права. Осуществляется это несколькими способами.

Во-первых, через механизмы, связанные с разработкой, принятием и последующей имплементацией положений международных правовых актов по правам человека. Соответствующая практика стала значимым дополнением к обязательствам государств по криминализации наиболее опасных преступлений против мира и безопасности человечества и получила широкое распространение в виде формирования перечня конвенционных преступлений, установление ответственности за совершение которых рассматривается как прямая обязанность государства. Так, например, ст. 6 Конвенции о рабстве¹ предписывает: «Те из Высоких Договаривающихся Сторон, законы которых в настоящее время не предусматривают соответствующих положений о наказании за нарушение законов и постановлений, введенных в силу с целью осуществления целей настоящей Конвенции, обязуются принять необходимые меры для введения сурового наказания, которое может быть применено в отношении таких нарушений». Лансаротская конвенция² требует от участников принятия всех необходимых законодательных или иных мер, обеспечивающих установление уголовной ответственности за определенные виды опасных сексуальных практик с несовершеннолетними.

Во-вторых, через толкование и развитие посредством внутреннего права конвенционных норм о правах человека, через выявление и интерпретацию содержания позитивных обязательств государства по защите прав человека. В данном случае речь идет

---

¹ Конвенция о рабстве. Подписана в Женеве 25.09.1926 г. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/convention_slavery.shtml (дата обращения: 12.03.2021).

² Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений. ETS № 201 (Лансароте, 25.10.2007). URL : <https://base.garant.ru/70359656/> (дата обращения: 12.03.2021).

о тех положениях международных конвенций, которые не предписывают прямо криминализировать то или иное деяние, но устанавливают обязательства государства по «принятию всех необходимых мер» по защите закрепленных в этих конвенциях прав. К примеру, ст. 11 Конвенции о правах ребенка устанавливает, что «государства-участники принимают меры для борьбы с незаконным перемещением и невозвращением детей из-за границы»¹. В ст. 1 Всемирной конвенции об авторском праве² провозглашено, что «каждое Договаривающееся Государство обязуется принять все меры, необходимые для обеспечения достаточной и эффективной охраны прав авторов и всех других обладателей авторских прав на литературные, научные и художественные произведения, как-то: произведения письменные, музыкальные, драматические и кинематографические, произведения живописи, графики и скульптуры».

В-третьих, через развитие представлений о содержании прав человека и обязательств государств по их соблюдению и защите в практике международных судов. Защищая права отдельных лиц по искам против государства в ситуациях, когда его правовая система позволяла или способствовала нарушению правовой безопасности, международные органы юстиции дают такое истолкование прав человека и корреспондирующих им обязательств государства, такое истолкование понятия «эффективное средство правовой защиты», которые приводят фактически к выводу о необходимости, обязательности криминализации тех или иных посягательств на личность. На примере глубокого анализа практики Межамериканского суда по правам человека и Европейского суда по правам человека эта тенденция убедительно доказана в литературе. Она подтверждается позицией международных судов в части признания элементом «эффективного средства правовой защиты прав человека» обязанности государств по предупрежде-

---

¹ Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20.11.1989. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 12.03.2021).

² Всемирная конвенция об авторском праве (Женева, 6.09.1952). Пересмотрена Всемирной конвенцией об авторском праве (Париж, 24.07.1971). URL : <https://base.garant.ru/105255/1cafb24d049cd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 12.03.2021).

нию посягательств на эти права посредством криминализации, в частности, пыток, проводимых частными лицами, убийств, исчезновений и похищений людей, супружеского изнасилования, любых иных насильственных сексуальных преступлений, бытового насилия и др.

Наконец, еще один (четвертый) вариант влияния прав человека на криминализацию в рассматриваемом аспекте состоит в развитии конституционного права государства и автономной (без влияния норм международного права) конституционализации права уголовного. Поскольку государства относительно свободны в нормативном закреплении номенклатуры конституционных прав личности и обладают широкой дискрецией в формировании уголовно-правовых запретов, они могут использовать и реально используют возможности криминализации для защиты этих прав. Так, например, положение ст. 25 Конституции РФ о том, что «никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц» служит прямым основанием для криминализации незаконного проникновения в жилище (ст. 139 УК РФ) а включенное в раздел о правах человека положение ч. 2 ст. 34 Конституции РФ, согласно которому «не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию» служит предпосылкой для криминализации ограничения конкуренции (ст. 178 УК РФ) и т.д.

Анализ показывает, что использование уголовного закона для защиты прав человека в сфере так называемых «горизонтальных» отношений между отдельными людьми стало не просто тенденцией, но свершившимся фактом. Появилась отчетливая новая функция прав человека: они стали триггером к применению уголовного законодательства и уголовно-правовые меры все чаще стали рассматриваться в качестве предпочтительных средств обеспечения защиты прав человека.

Развитие уголовного права и криминализации в этом направлении привело, как минимум, к двум значимым изменениям.

Во-первых, уголовное право стало восприниматься не столько как средство защиты личности от произвола государства в области охраны публичных интересов (средство защиты индивида от государства), сколько как средство защиты прав человека и общественных интересов от произвола отдельной личности

(средство защиты государства от индивида). В итоге, права человека перестали контролировать и сдерживать государственную власть; отныне они в значительной степени легитимируют использование силы государства для оправдания всех видов правоограничительных мер, которые оно применяет.

Во-вторых, уголовное право стало терять качества «последнего довода» власти в поддержании порядка и приобретает свойства желательного, а порой и предпочтительного, приоритетного средства правовой защиты. Это влечет за собой такие взаимосвязанные эффекты, как игнорирование осуществления иных, кроме уголовного права, мер, требуемых в качестве «эффективных средств правовой защиты» прав человека, и утверждение подчеркнуто репрессивной модели решения социальных проблем, а также развитие феномена «сверхкриминализации». Как справедливо отмечают специалисты: позитивная обязанность защищать, таким образом, обеспечивает оправдание для курса действий, который ведет к увеличению уголовно-правовых санкций, в то время как между количеством криминализации, необходимой с точки зрения прав человека, и криминализацией, которая обусловлена чистой карательностью или идеей секьюритизации, существует тонкая грань.

Такое соотношение целей и средств в конфигурации взаимодействия прав человека и криминализации приводит, как пишет М. Пинто, к «опрокидыванию либеральной модели уголовного права» и являет собой пример «оскорбительной роли прав человека в уголовном правосудии». Фактически под влиянием происходящих изменений формируется новая модель уголовного права, которая не осмыслена в полной мере, и для обозначения которой еще не выработано даже соответствующего термина. Условно, для демонстрации ее противоположных либеральному уголовному праву качества, такую модель можно именовать «авторитарной». Ее основные характеристики могут быть представлены в виде совокупности следующих положений:

– закрепленный в конституционных и международных нормах приоритет интересов личности вовсе не означает вторичного и подчиненного характера публичных интересов и интересов «большинства», а потому требуется корректировка либерально-индивидуалистического подхода к пониманию права [46] ;

– необходимость защиты коллективных интересов как условие выживания и общества в целом, и отдельного человека,

снижает порог чувствительности для ограничения (в том числе уголовно-правового) индивидуальных прав и свобод;

– гуманизированное уголовное наказание с имеющимися гарантиями социальной реабилитации и реинтеграции преступника утрачивает свойство «карающего меча», превращаясь в ординарное средство социального управления.

Широко распространено мнение о противопоставлении функции «щита» и функции «меча» прав человека в применении уголовного права. Как замечают некоторые авторы, имеется некая «фундаментальная двусмысленность», присущая правам человека: как ограничивающим государственную власть, так и требующим ее. В контексте уголовного правосудия, в то время как права человека традиционно использовались для ограничения государства, они все чаще представляются как позитивные обязательства, способствующие расширению уголовного права. «Права человека играют как оборонительную, так и наступательную роль, нейтрализуя и стимулируя применение уголовного права», – заключают иные исследователи. «Если это действительно парадокс, а не просто противоречие, то следует попытаться не разрешить его, а разрешить примириться с ним, осознавая при этом всю сложность вытекающих из него последствий, и прояснить его в свете необходимого баланса между его составными частями».

Действительно, как было показано в предшествующем изложении, права человека способны выступать и ограничителем, и стимулом в развитии криминализационных процессов. Две представленные модели криминализации (и в целом модели уголовного права) могут быть описаны в терминах, обладающих противоположным, разнонаправленным значением.

Так, для описания либеральной модели криминализации может быть использован следующий понятийный ряд: индивид, права обвиняемого, принцип законности и правовой определенности, правовое государство, либерализм, свобода. Для описания авторитарной модели в большей степени подходящими являются понятия: общество, права потерпевшего, принцип гуманизма и справедливости, социальное государство, коммунитаризм, безопасность.

Вполне очевидна, на наш взгляд, и корреляция этих моделей с историческими вехами в развитии уголовного права: либеральная модель знаменует переход от средневекового права к праву

буржуазной демократии, авторитарная модель – от права либеральной демократии к праву всеобщего благосостояния.

Между тем, вряд ли есть основания считать, что описанные модели являются взаимоисключающими. Равно как в истории уголовного права имеется очевидная преемственность между каждым последующим и предыдущим этапом, равно как каждый этап истории права, следуя диалектическому учению, в «снятом виде» содержит в себе и все достижения предыдущего и потенциальные характеристики грядущего, так и в ситуации с рассматриваемыми моделями уголовного права и криминализации можно утверждать, что разрешение противоречий между ними должно приводить к определенному синтезу, а не взаимоисключению. Акцент на противоположности в характеристиках рассматриваемых моделей и стремление описать их проявление в реальной жизни посредством дилеммы «или – или» может свидетельствовать о дискретном, прерывистом развитии уголовного права, что отражает значимую методологическую ошибку.

Конституционные доктрины современных государств и современные правовые теории не расположены к жесткому противопоставлению правового и социального государства, личности и государства, прав и обязанностей. Они строятся на основе синтеза этих фундаментальных категорий. Современное уголовное право также должно строиться в рамках этого подхода. Как верно замечают исследователи, «настало время более последовательно подумать о том, чтобы подвергнуть криминализацию конституционным ограничениям, и развивать правозащитный дискурс в области материального уголовного права».

Представляется, что в основе синтеза должно лежать две идеи, которые не противоречат, но взаимно дополняют друг друга: 1) права человека должны стимулировать государство к проведению криминализационной практики, ибо в противном случае уголовно-правовое бездействие государства может расцениваться как невыполнение им своих позитивных обязательств по всемерной защите прав и свобод личности; 2) криминализация вместе с тем должна по-прежнему рассматриваться государством в качестве крайнего, последнего из доступных средств защиты прав человека, ибо в противном случае она трансформируется в свою противоположность в форме ограничения индивидуальных прав и свобод.

Идеи расширяющегося спектра позитивных обязанностей государства и незыблемости восприятия криминализации в качестве «последнего довода власти», во-первых, вполне органично сочетаются, во-вторых, синтезируют лучшие достижения апробированных моделей уголовного права, в-третьих, детерминируют активизацию научного поиска в направлении отбора и раскрытия содержания прав человека, требующих охраны, а также поиска средств их защиты, альтернативных уголовному наказанию. Совмещение этих идей обеспечит двусторонний правозащитный потенциал уголовного права: защиту прав человека от криминальных посягательств и защиту прав человека от неоправданных государственных ограничений.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СУДАХ

Бузько Н.М.

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар

Правовая политика государства находит свое практическое применение и реализацию в повседневной работе правоохранительных органов и судебной системы. Понятно, что от ее фактического исполнения зависит напрямую и положение дел в государстве и, следовательно, уровень жизни его населения. Правильно определить задачи правовой политики, найти пути и средства для их осуществления, реализовать поставленные планы является задачей первоочередной важности для любого государства.

Каково же положение дел в осуществлении правовой политики в нашем государстве? Однозначного ответа, по мнению автора, на этот вопрос нет. С одной стороны, достаточное время назад было объявлено о реализации судебной реформы в российском государстве и были сделаны многие важнейшие шаги. Тем не менее, на

сегодняшний день у практических работников, по-моему, нет четкого ответа на вопрос – в какой стадии на сегодняшний день находится проведение судебной реформы, когда и чем она должна закончиться.

С этим предположением напрямую связаны и многие проблемы, которые имеются в практической работе наших судов. Почему в данной статье мы в качестве одного из положений упомянули проводимую судебную реформу – ответ на это достаточно прост: сам по себе факт проведения судебной реформы – одно из наибольших завоеваний нашего общества в последнее время. Проведенные преобразования и переоценка правовых ценностей, новая расстановка приоритетов в уголовной и уголовно-процессуальной политике – это важнейшие приобретения в сфере построения государственных интересов. В конечном итоге вся работа правоохранительных органов и судебной системы направлена на укрепление нравственной природы общества и государства и, следовательно, создание предпосылок для его поступательного развития, в связи с чем проведение судебной реформы является одним из важнейших условий развития нашей страны.

Тем не менее, в связи с этим возникает ряд вопросов, напрямую связанных с проводимой судебной реформой. В чем здесь суть?

Одним из приоритетных направлений в осуществлении судебной реформы являлось изменение уголовно-правовой политики и соответственно, изменение уголовно-процессуального законодательства. В этом направлении законодателем были сделаны важные шаги, и они принесли ощутимые плоды. Так, были изменены важнейшие акценты – во главу угла был поставлен судебный контроль и суд провозглашен важнейшей частью уголовного процесса и всей уголовной политики. В связи с этим весь институт предварительного следствия и главенствующая роль в проведении в жизнь этого института была передана суду. Однако, по мнению автора, принятые меры были, как в большинстве своем все проводимые на протяжении длительного времени в России реформы, половинчаты. С чем связано это предположение и в чем видятся проблемы?

Принятый в 2001 г. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации внес важные коррективы в действовавшую

систему правосудия: суд был признан гарантом обеспечения конституционных прав и свобод личности, в том числе в сфере уголовного судопроизводства, где законом предусмотрены значительные ограничения таковых со стороны компетентных органов государства. В связи с этим были расширены контрольные функции суда, в компетенцию которого в соответствии с ч. 3 ст. 29 УПК РФ вошло рассмотрение в досудебном производстве жалоб на действия (бездействия) и решения прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя. Судебный порядок такого рассмотрения установлен в ст. 125 УПК РФ.

Судебная практика показывает, что, несмотря на существование обжалования действий и решений должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство на досудебных стадиях, еще в период действия УПК РСФСР, эта судебная процедура до сих пор остается несовершенной. Дважды с момента вступления в действие нового Уголовно-процессуального кодекса в ст. 125 вносились изменения: была уточнена подсудность жалоб, их рассмотрение было передано только районным (городским) судам независимо от категории уголовного дела¹, было расширено действие гласности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства², однако это не устранило множества проблем в означенной сфере. Вопросы возникают уже при подаче жалобы, поскольку в законе не установлены требования, которым она должна соответствовать, и не определены действия судьи при отсутствии в жалобе необходимых для ее разрешения сведений³. Все это в практической деятельности приводит к неоднократным случаям возвращения заявлений по надуманным основаниям.

Также остается не разрешенным вопрос о сроках рассмотрения жалобы. Законодатель устанавливает его в пределах пяти дней,

---

¹ Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.07.2003 № 92-ФЗ // СПС «Консультант плюс».

² Федеральный закон «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 08.12.2003 № 161-ФЗ // СПС «Консультант плюс».

³ Малинин В.Б. Проблемы применения ст. 125 УПК РФ // Пенитенциарная наука. 2012. № 18. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-st-125-upk-rf>

однако не указывая пресекающий этот срок или нет, а также не учитывая при этом ряд важных положений: если рассмотреть жалобу после принятия решения по уголовному делу, в пределах которого она заявлена, то возможны взаимоисключающие решения по одному и тому же обстоятельству.

Надо ли выносить постановление о назначении жалобы? Решая положительно этот вопрос, нельзя забывать, что, например, постановления о назначении судебного заседания по уголовному делу подлежат обжалованию. Как быть в этом случае, если учесть, что судья допускает отказы в приеме жалобы к производству и также выносит постановления об этом? Логично предположить, что противоположная заявителю сторона может не согласиться с принятым решением о назначении жалобы к слушанию и вправе требовать обжалования соответствующего постановления.

Какие права необходимо разъяснить участвующим в судебном процессе сторонам и кто, наконец, эти стороны, кроме заявителя? Очевидно, что в любом случае следует привлекать всех заинтересованных лиц, в первую очередь потерпевшего, если он имеется. В то же время должностные лица, чьи решения или действия обжалуются, не могут привлекаться к участию в деле. В силу ч. 1 ст. 37 УПК РФ к участию в процессе должен привлекаться прокурор, осуществляющий надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, действия которых обжалуются.

И тут возникает закономерный вопрос: исходя из каких критериев определен пятидневный срок рассмотрения жалобы?

В связи с этим практическая реализация идей, провозглашенных в ст. 125 УПК РФ, по мнению автора, далека от идеала и не в должной мере отвечает требованиям соблюдения принципа защиты прав и интересов граждан.

Каким образом, например, осуществлялся ранее прокурорский надзор за следствием и дознанием на предварительном следствии. Согласно существовавшей практике, основывавшейся на действовавшем уголовно-процессуальном законодательстве, он был достаточно требовательным и, в случае надлежащего исполнения, действенным. Полномочия прокурора в данной области были четко прописаны в законе и касались практически всех направлений деятельности органов следствия и дознания. При

этом надзирающий прокурор был в состоянии самостоятельно, по изучению отказного материала или уголовного дела принять любое процессуальное решение о возбуждении уголовного дела, его прекращении, отмене постановления о возбуждении либо прекращении уголовного дела и так далее, а сам процесс принятия решения был достаточно скоротечен.

Так, согласно существовавшим приказам Генерального прокурора, а также требованиям Закона о порядке рассмотрения обращений граждан, срок разрешения жалобы, затрагивающей основные конституционные права граждан, исчерпывался всего тремя днями и достаточно неукоснительно соблюдался. Для сравнения скажем, что депутатам государственной службы дается 5 дней, военнослужащим 10 дней, а общий срок 30 дней. Право обжалования таких решений прокурора для заявителя сохранялось и выражалось в праве гражданина обратиться в вышестоящую прокуратуру.

К чему привело изменение в этой части уголовно-процессуального законодательства и какие проблемы в связи с этим возникают? Провозгласив быструю и действенную защиту прав граждан основной целью, законодатель в сегодняшнем виде существования закона и его исполнения достиг, на взгляд автора, прямо противоположных целей. С одной стороны, была провозглашена благородная цель – судебная защита прав граждан и было заявлено, что только лишь судебный порядок даст возможность полностью осуществить защиту прав граждан. Однако, что же произошло на самом деле и в чем автор видит проблему?

Прокурорский надзор предполагал практически полный контроль за следствием и дознанием, начиная с отслеживания поступления заявлений и сообщений граждан в дежурные части органов УВД, контроль за своевременностью и правильностью их разрешения и вынесения решений об отказе возбуждении уголовного дела, контроль за законностью возбуждения уголовного дела, что осуществлялось, например, таким простым способом как то, что уголовное дело не могло быть зарегистрировано и ему не мог быть присвоен порядковый номер без подписания надзирающим прокурором статистической карточки. Таким образом, надзор этот зависел не только от обращений граждан по конкретным случаям, а происходил и сам по себе, и в этом случае государство защищало права граждан, так скажем, превентивно, даже порой и не спрашивая самого заявителя.

Новая процедура, прописанная в ст. 125 УПК РФ, предполагает явочный порядок судебного контроля, то есть реагирования суда только после заявления гражданина. Это естественно и правильно и на этой стадии все, так сказать идет хорошо. Однако дальше, по мнению автора, возникают некоторые проблемы.

Первая из них, как уже было упомянуто ранее, выражается в сроках рассмотрения материалов по ст. 125 УПК РФ. Законодатель сделал, казалось бы совсем незначительную поправку, увеличив срок разрешения заявления с указанных в законе трех прокурорских дней до пяти дней, в течение которых жалоба должна быть рассмотрена судом. Однако вот здесь возникли сразу некоторые затруднения. Во-первых, в законе недостаточно четко прописано понятие данных пяти дней и момента их исчисления – с момента поступления жалобы в суд или с момента назначения дела к слушанию. Во-вторых, сам механизм судебного разбирательства, предполагающий механизм назначения дела, извещения сторон достаточно сложен и зачастую не может уложиться в прописанные по закону пять дней, так как суд элементарно не успевает известить заявителя и других заинтересованных лиц. В-третьих, существует несколько проблем толкования полномочий суда, обусловленных исполнением ст. 125 УПК РФ, которые и хотелось бы назвать в качестве основных, влияющих на эффективность судебного контроля и, таким образом, на качество работы органов дознания и следствия, и в конечном итоге на эффективность защиты прав граждан. Речь идет о толковании объема и прав суда при рассмотрении заявлений граждан, оспаривающих некоторые основополагающие процессуальные решения – речь идет о постановлениях о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении либо приостановлении предварительного следствия, о привлечении в качестве обвиняемого и так далее.

В Пленуме Верховного суда от 10.02.2009 года № 1 законодатель дает разъяснение, что при рассмотрении доводов жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица судье следует проверять, соблюден ли порядок вынесения данного решения, обладало ли должностное лицо, принявшее соответствующее решение, необходимыми полномочиями, имеются ли поводы и основание к возбуждению уголовного дела, нет ли обстоятельств, исключающих производство по

делу. При этом судья не вправе давать правовую оценку действиям подозреваемого, а также собранным материалам относительно их полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, поскольку эти вопросы подлежат разрешению в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела.

Тем не менее, суд лишен возможности, например, в должной мере оценить правильность принятого решения о возбуждении уголовного дела, потому что полномочия суда ограничиваются толкованием позиций – надлежащим ли лицом принято решение, правильно ли составлен процессуальный документ с точки зрения соблюдения формальностей и т.д., при этом запрещается вникать в оценку материала либо уже собранного, либо даже того, который послужил основой для принятия решения о возбуждении уголовного дела, так как якобы при этом суд входит в оценку доказательств.

Но при таком толковании закона и полномочий суда на этой стадии упускается из виду, что оценка постановления о возбуждении уголовного дела по формальным признакам носит такой же формальный характер и не решает сути вопроса – дачи ответа о наличии повода и оснований для возбуждения уголовного дела. При этом надо заметить, что заявители в своих обращениях по такому поводу, как правило, приводят доводы, свидетельствующие о незаконности принятого решения, однако исследовать эти вопросы суд лишен возможности из-за якобы вхождения в пресловутую оценку доказательств. Хочется возразить сторонникам такого трактования, что оценивая поводы и основания для возбуждения дела, суд не может входить в полную оценку доказательств, потому что процесс собирания их по делу не завершен, а иногда еще и не начинался. Таким образом, трактование по формальным принципам обжалования данных постановлений – о возбуждении дела, прекращении, приостановлении и так далее существенно снижает эффективность судебного контроля.

В этой же плоскости лежат и еще два вопроса, о которых хотелось бы упомянуть: это решение вопроса о заключении под стражу и продлении данного срока. Вновь хочется сказать, что при исполнении предыдущего уголовно-процессуального закона, следователь, обращаясь к прокурору о заключении под стражу, обязан

был представить надзирающему прокурору материалы всего уголовного дела. В настоящий момент этот вопрос почему-то отдан на откуп следователю, он решает и формирует тот материал и его объем, который он обязан предоставить судье.

Такой же порядок соблюдается и при продлении срока содержания под стражей, что, по мнению автора, является явно неправильным.

В предыдущей редакции УПК право на продление срока следствия принадлежало прокурору и в практической деятельности это играло существенную роль, а сегодня срок следствия продляется по ведомствам и суды вынуждены буквально идти у них на поводу.

Во время судебных заседаний о продлении срока содержания под стражей от стороны защиты и самого обвиняемого неоднократно, помимо оспаривания таких обоснований применения этой меры пресечения, как возможность влиять на свидетелей, возможность скрыться и так далее, приходится слышать о неэффективности следствия.

Речь, как правило, идет о том, что с обвиняемым длительное время не проводится следственных действий, что необходимые доказательства по делу собраны и на этот процесс обвиняемый уже не может повлиять. Тем не менее, вникать и решать этот вопрос суд также не может, потому что несмотря на имеющиеся ссылки в Постановлении Пленума ВС РФ от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» об оценке эффективности работы следователя, суд оценивая эту сторону, поневоле таким образом оценивает и необходимость в содержании под стражей. Однако в практической деятельности суд, тем не менее, достаточно редко входит в эти оценки, во-первых, чтобы избежать упреков во влиянии на интересы следствия и, во-вторых, также чтобы не иметь упреков в том, что он вновь вошел в оценку доказательств.

Проанализировав судебную практику за последние 5 лет с 2017 по 2021 год (за 2017 – 92, 2018 – 100, 2019 – 99, 2020 – 211 дел) можно сделать вывод, что с каждым годом увеличивается количество дел о продлении меры пресечения с выше одного года. Согласно статистическим данным предоставленными отделом информатизации, судебной статистики, анализа и обобщения су-

дебной практики по уголовным делам Краевого Краснодарского суда, в судебной коллегии по уголовным делам в 2017 году было рассмотрено 49 дел превышающего годичного срока содержания под стражей. Вместе с тем, согласно сведениям предоставленных за первый квартал 2021 года рассмотрено – 43 дела с превышением срока свыше одного года, то есть практически данные цифры в 2021 году за 3 месяца равны годичным данным в 2017 году. Данные сведения подтверждают тот факт, что с каждым годом продолжительность расследования уголовных дел увеличивается. В настоящее время данная продолжительность расследования все чаще связана с неэффективной организацией предварительного расследования (неэффективная организация расследования уголовных дел).

Второй проблемой, по мнению автора является проверка оснований продления меры пресечения в виде заключения под стражу. В Пленуме Верховного суда РФ от 24.05.2016 № 23 разъяснено, что проверка обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению не может сводиться к формальной ссылке суда на наличие у органов предварительного расследования достаточных данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению. Рассматривая ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья обязан проверить, содержит ли ходатайство и приобщенные к нему материалы конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному преступлению именно этого лица, и дать этим сведениям оценку в своем решении. Оставление судьей без проверки и оценки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению должно расцениваться в качестве существенного нарушения уголовно-процессуального закона (части 4 статьи 7 УПК РФ), влекущего отмену постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

При проверки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица. Но на практике вопрос о виновности лица не обсуждается и судьи его не затрагивают. При принятии решения по ст. 125 УПК РФ суд рассматривает только те обстоятельства по делу, которые затрагивают правомерность действий следователя в отношении подозреваемого. Обстоятельства

виновности либо невиновности подозреваемого устанавливаются при рассмотрении дела по существу.

В целях полноценного рассмотрения вопроса о применении меры пресечения, у судов апелляционной инстанции зачастую возникает необходимость в исследовании всех материалов дела, в связи с чем направление судом первой инстанции только копий части материалов дела ограничивает суд в установлении необходимых обстоятельств. В данном случае стоит вопрос не виновности подозреваемого, а вопрос прав человека, свобод граждан. В свою очередь Верховный суд не учел приведенные выше обстоятельства и ограничил полномочия судов при рассмотрении указанных вопросов.

Каков же выход из создавшегося положения? По мнению автора, их два, и они предполагают следующие решения либо направление решения данных вопросов. Первое – это изменение судебной практики разрешения судами данных вопросов, формирование нового взгляда на решение этих проблем, может быть, какое-то изменение в сторону расширения компетенции суда. Наверное, этот путь можно назвать эволюционным, подсказанным данным течением событий. Однако более правильным видится подход, который сегодня уже звучит со стороны ученых – это вопрос создания института следственных судей.

Как видится автору, данный шаг позволит в более полном объеме решать вопросы защиты прав и интересов граждан на стадии досудебной подготовки. Конечно, большой проработки требуют вопросы, связанные с изменением уголовно-процессуального законодательства и определением компетенции следственных судей. В тех предложениях, с которыми было можно познакомиться, по мнению автора, не все положения в равной степени верны и требуют еще тщательного и взвешенного подхода к их разрешению.

Однако в целом, когда мы ставим во главу угла самое ценное, что есть у общества – защиту законных интересов и прав граждан, в том числе и на стадии досудебной подготовки в уголовном процессе – это кажется правильным и приемлемым решением в том числе и тех проблем, которые были описаны выше в этой статье.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СКЛОНЕНИЕ СПОРТСМЕНА К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ СУБСТАНЦИЙ И (ИЛИ) МЕТОДОВ, ЗАПРЕЩЕННЫХ В СПОРТЕ¹

Гельдибаев М.Х.

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права,
Северно-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Санкт-Петербург

Современное человеческое общество сложно представить без спорта, являющегося важным и необходимым фактором, способным влиять на его развитие, а также на внешнюю и внутреннюю политику отдельно взятого государства и мирового сообщества.

Спорт, безусловно, вышел на такой уровень, что по своим отдельным видам он, по сути, является профессиональным, высокооплачиваемым, приносящим крупные прибыли, разнообразностью бизнеса.

При этом, спорт в целом и его отдельные виды в частности, являются основным источником дохода и образом жизни для его представителей, в том числе, к сожалению, и сферой тех или иных криминальных проявлений.

Известно, что ситуация, сложившаяся в спорте в настоящее время, требуют от международного сообщества принимать решения, направленные на противодействие различным негативным проявлениям в данной сфере².

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-00414 А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта».

² См., напр.: Конвенция против применения допинга (ETS N 135) (Страсбург, 16 ноября 1989 г.) // Бюллетень международных договоров. 2000. № 2. С. 3–26; Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте, принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО в Париже 19 октября 2005 г. // Бюллетень международных договоров. 2007. № 9. С. 20–46; Всемирный Антидопинговый Кодекс, 2015. URL : <http://www.flgr.ru/antidoping/Doc/2147.html> (дата обращения 07.07.2020); Международный стандарт по тестированию и расследованиям (01 Января 2019). URL :

Кроме того, на национальном, внутригосударственном уровне принимаются также соответствующие меры.

Так, 17 января 2019 г. приняты Общероссийские антидопинговые правила¹, а чуть ранее, в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) внесены изменения, устанавливающие ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (ст. 230.1 УК РФ), а также за использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (ст. 230.2 УК РФ). Обозначенные изменения внесены Федеральным законом от 22 ноября 2016 г. № 392-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил)»². Перечень субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1, 231.2 УК РФ утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 339³.

За незначительный период действия рассматриваемых норм уголовного законодательства (ст. ст. 230.1 и 230.2 УК РФ) судебная практика их применения практически отсутствует.⁴

Однако, в порядке административного судопроизводства удовлетворительно рассмотрены иски по результатам прокурорской

<http://www.flgr.ru/antidoping/Doc/4724.html> (дата обращения 07.08.2020); Международный стандарт по соответствию Кодексу (01 Января 2019). URL : <http://www.flgr.ru/antidoping/Doc/4725.html> (дата обращения 07.08.2020); Стратегия «РУСАДА» по предотвращению использования допинга (01 Января 2019). URL : <http://www.flgr.ru/antidoping/Doc/4726.html> (дата обращения 07.08.2020).

¹ Общероссийские антидопинговые правила с 17 января 2019 года. URL : <http://www.flgr.ru/antidoping/Doc/4722.html> (дата обращения 07.08.2020).

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 48. Ст. 6732.

³ См.: Постановление Правительства РФ от 28 марта 2017 г. № 339 «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230¹ и 230² Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 14. Ст. 2074.

⁴ Монгуш А.А. К вопросу о квалификации деяний, предусмотренных ст. 230.1 и ст.230.2 УК РФ // Молодой ученый. Международный научный журнал. 2019. № 14(252). С. 185–187.

проверки, связанные с распространением информации (сведений) посредством системы «Интернет» о реализации на территории страны для питания спортсменов, содержащих запрещенные для использования в спорте вещества, в частности, анаболические препараты, оксандролон, станозолол, болденон, тренболон и др., в том числе произведенные за пределами Российской Федерации.¹

Кроме того, имеются теоретические исследования уголовного законодательства об ответственности за деяния, связанные с допингом² и комментарии соответствующих статей УК РФ.³ При этом, отдельные исследователи ставят вопрос о формировании

---

¹ Решение № 2А-6736/2020 2А-6736/2020~М-5667/2020 М-5667/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 2А-6736/2020. Набережнoчелнинский городской суд (Республика Татарстан) – Гражданские и административные. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/Mm41Spi4tqbL/> (дата обращения 30.05.21 г.); Решение № 2А-2490/2020 2А-2490/2020~М-2169/2020 М-2169/2020 от 2 июля 2020 г. по делу № 2А-2490/2020. Йошкар-Олинский городской суд (Республика Марий Эл) – Гражданские и административные. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/72YtvYqLDCdu/> (дата обращения 30.05.21).

² См., напр.: Амиров И.М., Поезжалов В.Б. Совершенствование уголовного законодательства в сфере борьбы с допингом в спорте // Спорт: экономика, право, управление. 2016. № 4. С. 8–10; Иликбаева Е.С., Прохорова М.Л., Полтавец В.В. Уголовно-правовое определение понятия «допинг» // Наркоконтроль. 2019. № 2. С. 3–7; Кошаева Т.О., Ямашева Е.Б. К вопросу об установлении уголовной ответственности за нарушение законодательства о допинге // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 97–105; Песков А.Н., Брусникина О.А. Проблемы борьбы с допингом в спорте : монография / ред. и вступ. С.В. Алексеев. М., 2016; Решетников А., Возняк А. Противодействие нарушениям антидопингового законодательства уголовно-правовыми средствами // Уголовное право. 2017. № 3. С. 57–62; Федоров А.В. Уголовная ответственность за использование в отношении спортсмена допинга // Российский следователь. 2017. № 12. С. 34–39; Федоров А.В. Допинг и наркотики // Наркоконтроль. 2017. № 2. С. 10–21; Федоров А.В. Уголовная ответственность за преступления, связанные с допингом // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 3. С. 26–42.

³ См., напр.: Грачева Ю.В., Князев А.Г., Чучаев А.И. Комментарий к изменениям и дополнениям Уголовного кодекса Российской Федерации (2014–2017) / отв. ред. В.В. Малиновский; науч. ред. А.И. Чучаев. М., 2017. С. 160–163; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. С.В. Дьякова и Н.Г. Кадникова. М., 2017. С. 689–700.

т.н. спортивного уголовного права (профессор Федоров А.В.)¹ и спортивной криминологии (профессор Клейменов М.П.)².

Полагаем, что эти вопросы уже сами по себе подчеркивают значимость рассматриваемых проблем, безусловно, требующих самостоятельного предметного изучения.

Анализируемые нормы уголовного закона (ст. 230.1 и ст. 230.2 УК РФ) включены в главу 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», что представляется правильным.

Следует согласиться с А.В. Федоровым в том, что ст. 230.1 УК РФ «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» обосновано включена в главу 25 УК РФ, поскольку основным непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность здоровья населения, а дополнительным непосредственным объектом являются общественные отношения, обеспечивающие законный порядок в сфере спорта³.

Внесение изменений в уголовное законодательство путем включения обозначенных статей в УК РФ предопределило появления вопросов, недостаточно исследованных и, соответственно, неразрешенных в правоприменительной деятельности.

В числе этих вопросов, как нам представляется, можно обозначить и те, что позволяют выявить отношение общественности к «допингу» как таковому и необходимость правовой ответственности за склонение спортсмена к его использованию.

---

¹ См., напр.: Федоров А.В. Спортивное уголовное право: основания и пределы криминализации деяний, связанных с допингом // Юридический мир. 2018. № 7. С. 28–35; Федоров А.В. Спортивное уголовное право: криминализация и квалификация деяний, связанных с допингом // Спорт в национально-правовом и международно-правовом измерении: актуальные проблемы: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 4 апреля 2018 г.) / под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2019. С. 92–120.

² Клейменов М.П. Спортивная криминология за рубежом // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 2 (31). С. 256–257; Алексеева А.П. Спортивная криминология : монография. М., 2017.

³ Федоров А.В. Уголовная ответственность за склонение к использованию допинга // Российский следователь. 2017. № 11. С. 39.

В целях изучения этих вопросов, а также для поиска возможных вариантов их решения на законодательном уровне, в правоприменительной практике и выработки предложений и рекомендаций по противодействию использованию «допинга», нами были проведены исследования.

В процессе исследования опрошены 60 человек с различным уровнем образования, являющиеся представителями различных профессий и 50 человек юристов (судьи, прокуроры, адвокаты и др.) в 18 российских регионах, а также отдельных государствах – членах Содружества Независимых Государств. Наибольшее количество ответов поступило из Санкт-Петербурга – 40, Вологодской области – 8, Тамбовской области – 7, Республики Беларусь – 24.

Данные исследования показали, что по мнению лиц из числа юристов (судьи, прокуроры, адвокаты и др.) 65,9 % считают, что меры уголовной ответственности, установленные за склонение к использованию спортсмена «допинга» или использование «допинга» в отношении спортсмена, являются достаточными.

Вместе с тем, значимая часть респондентов (26,8 %) выступила за ужесточение уголовной ответственности.

При этом, большая часть респондентов (41,5 %) полагает, что деяния, связанные с использованием «допинга» лично спортсменом, и обусловленные этим обстоятельством отношения нужно регулировать административно-правовыми нормами. По мнению меньшей части респондентов (36,6 %) данные отношения, возникающие в связи с совершением этого деяния должны регулироваться нормами уголовного права, а часть респондентов (19,5 %) считает, что использование «допинга» является личным правом спортсмена и не причиняет вред общественным отношениям.

По нашему мнению, последнее обстоятельство должно настораживать, поскольку может являться фактором, способствующим наркомании среди спортсменов.

Данное обстоятельство объясняется тем, что часть запрещенных в спорте субстанций признаются наркотическими средствами или психотропными веществами или могут быть их аналогами.

Соответственно, в отношении спортсменов может возникнуть уголовная ответственность за приобретение, хранение наркотических средств или психотропных веществ либо их аналогов, а также за иные деяния, предусмотренные ст. 228 УК РФ,

несмотря на то, что за их употребление уголовная ответственность действующим законодательством не предусмотрена.

Применение уголовно-правовых мер противодействия склонению спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте, представляется проблематичным.

Данное обстоятельство подтверждается и тем, что на сегодня практически отсутствуют уголовные дела по ст. 230.1 и ст. 230.2 УК РФ, по которым судом постановлены приговоры, в том числе, обвинительные.

В ходе исследования выяснилось, что из числа граждан, не имеющих юридического образования, но проявляющих интерес к спорту и к известным спортсменам, 83,3 % высказали мнение, что употребление, склонение к потреблению и использованию «допинга» в отношении спортсмена влияет на результаты спортивных соревнований.

Между тем, достижение высоких спортивных результатов подобным образом нельзя признать оправданным и, тем более, правомерным.

Вместе с тем, вопрос применения того или иного вида юридической (административной или уголовной) ответственности требует более предметного изучения с учетом практики применения административного и уголовного законодательства и иных обстоятельств.

В этой связи, представляет интерес мнение респондентов по виду юридической ответственности за деяния, связанные с допингом. Так, большинство респондентов (64,6 %) полагает, что за употребление спортсменом «допинга» достаточно применения административно-правовых мер, тогда как по мнению каждого пятого из числа опрошенных (20,8 %) за употребление спортсменом «допинга» должна наступать уголовная ответственность.

Однако, употребление спортсменом «допинга» не является уголовно-наказуемым деянием в соответствии со статьями 230.1 и 230.2 УК РФ.

Кроме того, «употребление» как способ совершения наркопреступлений, посягающих на здоровье населения, не предусмотрен и в других нормах действующего уголовного законодательства (ст. ст. 228-233 УК РФ).

В то же время, склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в

спорте (ст. 230.1 УК РФ) и использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте (ст. 230.2 УК РФ), является уголовно-наказуемыми деяниями. Общественная опасность этих преступлений заключается в том, что они причиняет вред здоровью спортсмена, а также отношениям, регулирующим установленный порядок проведения спортивных соревнований, физкультурных мероприятий и зрелищ, подрывает основы спортивной жизни и физической культуры общества, а также способствует несправедливому и неправомерному достижению высоких спортивных результатов.

Считаем, что уголовно-правовые меры противодействия к склонению спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте и использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте, представляются необходимыми.

При этом, самого спортсмена, в отношении которого использован «допинг» путем приема во внутрь таблеток или порошка, введения инъекций и т.п. независимо от его согласия или способа совершения неправомерных деяний, по сути, направленных против его здоровья, следует признать потерпевшим от этих общественно-опасных деяний, что соответствует диспозициям, рассматриваемых уголовно-правовых норм.¹

---

¹ Фазлиев А.А., Крылов Е.С. Признаки объекта преступлений в статьях 230.1–230.2 УК РФ / Казанский юридический институт МВД России. URL : <https://izron.ru/articles/osnovnye-problemy-i-tendentsii-razvitiya-v-sovremennoy-yurisprudentsii-sbornik-nauchnykh-trudov-po-i-sektsiya-6-ugolovnoe-pravo-i-kriminologiya-ugolovno-ispolnitelnoe-pravo/priznaki-obekta-prestupleniy-v-statyakh-230-1-230-2-uk-rf/> (дата обращения 30.05.21 г.).

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОФИЦИАЛЬНОГО СПОРТИВНОГО СОРЕВНОВАНИЯ

Дикаев С.У.

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права,
Северо-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Санкт-Петербург

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00414 «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта».

Обеспечение общественной безопасности и общественного порядка всегда было и остается важнейшей задачей правоохранительных органов, предопределяющей установление специальных правовых режимов, рассчитанных на различные случаи жизни. Режим безопасности всегда «настроен» на возможные конкретные угрозы. Выявление этих угроз и диагностика возможных сценариев их протекания требуют наличия специальных аналитических служб (мониторинговых центров), позволяют совершенствовать правовое обеспечение системы безопасности, «затачивать» уполномоченные органы на упреждение угроз и нейтрализацию последствий в случаях, когда система не смогла обеспечить безопасность.

Угроза общественной безопасности тем выше, чем менее устойчива и менее прогнозируема среда пребывания человека. К числу непредсказуемых относится и спортивная среда, особенно в период наивысшей точки своего психо-эмоционального состояния. Оказавшись в такой среде, отдельная личность или отдельная группа людей теряет свою индивидуальность и становится движимой стадным инстинктом. Исследования психиатров показывают: при анализе некоторых групповых преступлений выясняется, что реальные мотивы их совершения глубоко скрыты в сфере бессознательного, а потому не осознаются виновными. Эти

мотивы могут быть выявлены лишь при специальном психологическом исследовании смысловой сферы¹.

Спортивная среда – это искусственная масса (толпа²), образовавшаяся на основе естественных потребностей – удовлетворение потребности в зрелище и острых ощущениях. По утверждениям психоаналитиков³, есть массы примитивные, расчлененные, высокоорганизованные, существующие очень непродолжительное время и существующие очень долго, естественные и искусственные. Хотя в морфологии масс еще многое не исследовано и не описано, однако, основываясь на имеющихся достижениях психологии масс, можно отметить, что простое скопление в одном месте большого числа людей (например, прогуливающихся по проспекту), не есть еще масса. Таковой она станет тогда, когда появятся эмоциональные привязанности – между руководителем и индивидами, между самими индивидами, что и дало основание Г. Лебону назвать такую толпу психологической массой. В таких случаях происходит объединение людей против их воли под воздействием законов подражания и мимизма. Именно к такой массе следует отнести собрание в одном месте большой или малой группы людей, движимой временным интересом удовлетворения эмоциональных потребностей совместного сопереживания процессом спортивного состязания. Но массы этого рода не имеют руководителей (или вождей), соответственно и рассчитанных на длительное время внутренних привязанностей, потому существуют недолго и по мере удовлетворения этой потребности распадаются также стихийно, как и возникают. Единственная противозаконная деятельность, на которую может пойти масса без во-

---

¹ Гомонов Н.Д. Психические девиации и преступное поведение (криминологический и уголовно-правовой анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб. : СПбУ МВД России. 2002. С. 21; Лебон Г. Психология народов и масс: Психология толп. М. : КСП+, 1998. 416 с.

² Под толпой в психологии понимают временное бесструктурное скопление незнакомых между собой людей, не имеющих конкретно осознаваемой общей цели, но взаимосвязанных сходным эмоциональным состоянием и общими объектами внимания. См.: Подлиняев О.Л. Психология толпы и специфика ее разновидностей // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 125.

³ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное: Сборник / Пер. с англ. СПб., 1997. С. 69–80; Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995, С. 21–22; Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии // Преступная толпа. М., 1998. С. 16–24.

ждей, – это массовые беспорядки. Любые иные формы групповой противоправной деятельности требуют организатора. Массовые беспорядки на Манежной площади в Москве (декабрь 2010 года), где за короткое время собралось до пятидесяти тысяч агрессивно настроенных лиц, никак не могли произойти из-за убийства Е. Свиридова без организующей и направляющей силы. О том, что протестная масса была хорошо организована, что кем-то была проделана работа по обеспечению эмоциональной связи между участниками массовых беспорядков, говорило то, что незаконные акции длились две недели и проходили более чем в 20 городах России и даже в Беларуси¹.

Классики психологии Г. Лебон и З. Фрейд выявили такие характеристики искусственной массы, как «заражаемость» и «внушаемость», которые рассматривались ими как феномены суггестивного порядка (гипнотического рода). В толпе заразительно каждое действие, каждое чувство, при этом в такой сильной степени, что индивид легко жертвует своим личным интересом². В случаях проведения спортивных мероприятий, особенно международного уровня, финальных матчей и турниров, степень «зараженности» и градус «внушаемости» зрителей-толпы значительно повышается. Практика показывает, что даже незначительный повод может породить угрозы одновременно для большого числа людей, что требует создания таких мер безопасности, рассчитанных на недопущение массовых беспорядков, приводящих к панике, давке, причинению вреда здоровью, уничтожению имущества и т.д.

---

¹ Дикаев С.У., Дикаева Д.М. О некоторых политико-правовых механизмах предупреждения экстремизма // Мобилизация этнокультурного ресурса как важнейший фактор противодействия экстремизму и терроризму: сборник научных статей III Международной научно-практической конференции (Грозный, 6–7 декабря 2019 года). Грозный : ГУП «Книжное издательство», 2020. С. 145–154; Дикаев С.У. О квалификации экстремистских проявлений в спорте // Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в спорте (30 октября 2020 года, г. Санкт-Петербург) : сборник материалов Всероссийского научно-практического стола / под ред. Е.Н. Рахмановой. Санкт-Петербург, 2020. С. 35–39; Дикаев С.У. Экстремизм в спорте как социальное явление и как категория криминологического анализа // Журнал правовых и экономических исследований (Journal of Legal and Economic Studies). 2020. № 4(55). С. 15.

² Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия / пер. с нем. А.А. Гугнина. М. : Прогресс, 1992. С. 262.

Наглядным примером, подтверждающим сказанное, является случай, произошедший 26 февраля 2021 года в городе Каспийск (Республика Дагестан). Во время проведения первенства юниоров Северокавказского Федерального округа по дзюдо произошла массовая драка между находившимися на одной трибуне осетинскими и дагестанскими болельщиками. В результате несколько человек получили травмы¹. Поводом для массовой драки стало выкрик «ура» одного из дагестанских болельщиков, что не понравилось болельщику из Северной Осетии. Драка сопровождалась выкриками экстремистского содержания, несколько десятков человек получили травмы, было повреждено имущество спортивного объекта. Примечательно то, что на выкрик дагестанского болельщика среагировал только один из болельщиков Осетии, но словесная перепалка между ними привлекла внимание и остальных болельщиков с обеих сторон, которые в принципе не знали и не могли знать, что стало причиной конфликта, но, тем не менее, стадный инстинкт сработал безотказно. Специально разработанные Правила поведения зрителей² устанавливают для них запреты и обязанности, которые минимизируют риски возникновения подобных ситуаций. В частности, зрителям в местах проведения официальных спортивных соревнований запрещается находиться в состоянии опьянения, бросать предметы в других зрителей, оскорблять других лиц, совершать действия экстремистского характера, скрывать свои лица и т.д.

Специалисты в области психологии отмечают, что «агрессивность со времен раннего человека так же, как и его социальность, служит средством борьбы за выживание. Она в процессе эволюции не затухает, а приобретает характер насилия в целях удовлетворения, прежде всего надбиологических, социальных потребностей: в статусе, престиже, самоутверждении»³. Потребность самоутверждения характерна для лиц, участвующих в различных действиях, содержащих признаки экстремизма, в ходе или после проведения

---

¹ Акулов А. Массовая драка на турнире по дзюдо в Дагестане. URL : <https://sportrbc.ru/amp/news/603b3a9f9a7947fecbbd4d02> (Дата обращения 24.03.2020).

² Постановление Правительства РФ от 16.12.2013 № 1156 (ред. от 30.01.2014) «Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований». URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 04.05.2021).

³ Политическая психология / Под общ. ред. А.А. Деркача, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева. М. : Академический проект, 2001. С. 350.

спортивных мероприятий¹. Эти лица должны устанавливаться и ставиться на профилактический учет. Весьма затруднительно организовать работу по установлению всех нарушителей общественного порядка непосредственно на месте проведения соревнования. Решить эту задачу силами правоохранительных органов по окончании соревнования в рабочем режиме призваны положения Приказа МВД России от 17.11.2015 № 1092² о требованиях, предъявляемых к техническому оснащению спортивных объектов. В частности, спортивные объекты должны быть оснащены системой охранной телевизионной, включающей в себя такие основные технические средства, как видеокамеры, устройства передачи видеоизображения и видеокommunikации, устройства видеозаписи, видеомониторы, видеосерверы и др. (п. 51). Система охранная телевизионная должна соответствовать множествам параметров, в том числе должна предусматривать и видеоидентификацию граждан при проходе на объект спорта и во время их нахождения на таком объекте (п. 52.5).

Положения приведенного Приказа МВД России детализируют требования, содержащиеся в Постановлении Правительства РФ от 18.04.2014 № 353³. Пункт 8 указанного Постановления устанавливает, что в целях обеспечения общественной безопасности и общественного порядка при проведении соревнований объекты спорта, помимо прочего, должны быть оборудованы системой видеонаблюдения, «позволяющей осуществлять идентификацию физических лиц во время их нахождения в местах проведения соревнований, с выводом в помещение, предназначенное для работы организатора соревнований или координационного органа». Собственник (пользователь) объекта должен иметь пас-

---

¹ Дикаев С.У., Дикаева М.С. Об уголовной политике реагирования на преступность несовершеннолетних в современной России // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 5. С. 687–698.

² Приказ МВД России от 17.11.2015 № 1092 «Об утверждении Требований к отдельным объектам инфраструктуры мест проведения официальных спортивных соревнований и техническому оснащению стадионов для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 12.04.2021).

³ Постановление Правительства РФ от 18.04.2014 № 353 «Об утверждении Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 12.04.2021).

порт безопасности объекта спорта¹, разработанный в соответствии с Федеральным законом «О противодействии терроризму».

Эти и другие требования, предъявляемые к спортивным объектам, к организации спортивного мероприятия и зрителям подчинены задачам, во-первых, обеспечения общественной безопасности и общественного порядка; во-вторых, оперативного реагирования соответствующих служб на различного рода эксцессы; в-третьих, установления причин и условий, приведших к нарушению установленных норм и правил; и, в-четвертых, выявления, установления лиц, причастных к нарушению норм и правил поведения и привлечения их к ответственности.

Обязанность контролировать соблюдение режима запрета на посещение спортивных объектов лицам, которым назначенная данная мера административного наказания (ст. 20.31 КоАП РФ), возложена на службу участковых инспекторов. Согласно Приказу МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности»² участковый уполномоченный полиции обязан проводить индивидуальную профилактическую работу с лицами, совершившими административные правонарушения, посягающие на общественную безопасность и общественный порядок при проведении спортивно-массовых мероприятий. Основанием для ее проведения является информация, полученная от уполномоченного лица, на которое возложены соответствующие обязанности обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении спортивных мероприятий. Такая информация является основанием для постановки лица на профилактический учет. В случае, если лицо повторно совершило подобное же нарушение, участковый уполномоченный обязан посещать такое лицо не реже одно-

---

¹ Постановление Правительства РФ от 28.09.2020 № 1552 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства юстиции Российской Федерации и формы паспорта безопасности объектов (территорий) Министерства юстиции Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 12.04.2021).

² Приказ МВД России от 29.03.2019 N 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 11.01.2021 г.).

го раза в квартал по месту его жительства или пребывания в течение года (ст. 36.6 Приказа). Наставление по организации службы участковых уполномоченных полиции¹ обязывает должностных лиц территориальных органов МВД России ежемесячно запрашивать информацию о лицах, в отношении которых имеются вступившие в законную силу решения о привлечении к административной ответственности за совершение правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность при проведении спортивно-массовых мероприятий.

Приказ МВД РФ № 205 определяет формы профилактического воздействия – правовое информирование, профилактическая беседа, объявление официального предостережения и профилактический учет (ст. 35). Опрос участковых уполномоченных показал, что основной формой профилактики является профилактическая беседа, в редких случаях ими выносятся официальное предостережение. Отчасти это связано с тем, что процедура вынесения предостережения была определена только 4 марта 2020 года, а начала действовать с 4.07.2020 года², и слишком усложнена. Опрошенные считают, что сам факт посещения ими лиц, на которых наложен запрет на посещение мест проведения официальных спортивных мероприятий, оказывает на них профилактическое воздействие.

---

¹ Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции») // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 04.05.2021).

² Приказ МВД России от 04.03.2020 № 119 «О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения» (вместе с «Порядком объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, включая порядок его направления (вручения)») // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 03.05.2021).

Вместе с тем полагаем, что, с учетом специфики субъектов, неоднократно допустивших нарушение правил пребывания на спортивных объектах в дни проведения официальных соревнований, в содержание профилактической беседы необходимо включить не только разъяснение о его «моральной и правовой ответственности перед обществом, государством, социальных и правовых последствий продолжения антиобщественного поведения», но еще и беседы просветительского характера. В частности, разъяснение им существующие правила поведения на спортивных объектах в дни проведения официальных спортивных мероприятий, об ответственности за их нарушение, а также об особенностях психологии поведения индивида-зрителя спортивного мероприятия.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ СПОРТА¹

Топильская Е.В.

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права,
Северо-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Санкт-Петербург

Спорт – это вид человеческой деятельности, не имеющий границ; это не только активность, направленная на развитие и совершенствование физических и умственных качеств и улучшение здоровья, но и массовый зрелищный досуг, а также и высокодоходный бизнес. Наличие в спорте соревновательного элемента в сочетании с глобальным охватом человечества, на фоне гигантских денежных сумм, вкладываемых в эту сферу общественной жизни, делает ее весьма привлекательной для орга-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00414 А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта».

низованной преступности, трансграничный характер которой коррелирует с интернациональностью спорта. Исследователи отмечают, что опасные преступные организации больше не локализируются на территории одного государства, а объединяются в сетевые сообщества, не имеющие границ.¹

Спортивная общественность вместе с международными полицейскими организациями уже давно и серьезно обеспокоена растущим негативным влиянием транснациональной организованной преступности на принципы честного и равного соревнования в спорте путем фальсификации результатов спортивных соревнований, распространения запрещенных в спорте препаратов, незаконного букмекерства. Еще в 2014 г. на конференции в Международном центре спортивной безопасности генеральный директор Всемирного антидопингового агентства Д. Хоумен назвал организованную преступность главной угрозой для спорта, и вынужден был признать, что по меньшей мере 25 % мирового спорта находятся под контролем преступных группировок.² По понятным причинам, их деятельность особенно активизируется во время спортивных мероприятий европейского и мирового масштаба. Так, во время чемпионата Евро-2016 криминальными букмекерами было обработано ставок на сумму 649 млн долларов. В результате почти четырех тысяч рейдов, проведенных под руководством Интерпола в Китае (включая Гонконг и Макао), Франции, Греции, Италии, Малайзии, Сингапуре, Таиланде и Вьетнаме, были арестованы более четырех тысяч человек, и изъяты 13,6 млн долларов США как преступные доходы.³ В целом же в ходе серии полицейских операций по борьбе с организованными преступными

---

¹ См.: Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности : дисс. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2018. С. 4.

² Генеральный директор ВАДА: «Организованная преступность – главная угроза для мирового спорта», 11 октября 2014 г. // Олимпийский комитет России. Официальный сайт. URL : <https://olympic.ru/news/news/generalniy-direktor-vada-organizovannaia-prestupnost-glavnaia-ugroza-dlia-mirovogo/> (дата обращения: 10.05.2021).

³ См.: More than 4,100 arrests in INTERPOL-led operation targeting Asian illegal gambling networks // Интерпол. Официальный сайт, 18.07.2016. URL : <https://www.interpol.int/fr/Actualites-et-evenements/Actualites/2016/More-than-4-100-arrests-in-INTERPOL-led-operation-targeting-Asian-illegal-gambling-networks> (дата обращения 10.05.2021).

сетями под общим названием «SOGA» (название является сокращением слов «soccer gambling» – ставки в американском футболе) было произведено более 12 500 арестов и изъято около 53 млн долларов преступных доходов, что красноречиво свидетельствует о масштабах распространения преступных синдикатов, обеспечивающих работу подпольных игровых заведений,¹ причем размах преступных действий с каждым годом увеличивается. Эта проблема находит отражение не только в полицейских отчетах, но и в международных договорах. В Конвенции Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями, подписанной в 2014 г. в Маглингене, также выражена обеспокоенность преступными действиями транснациональных организованных групп в сфере спорта. И даже успешные операции Интерпола по их разоблачению не решают в полном объеме задачу противодействия организованной преступности в спорте, так как деятельность по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений представляет лишь одно из направлений противодействия – борьбу с преступностью. Противодействие же включает в себя не только борьбу, но и минимизацию вреда от преступлений, и предупредительную деятельность.

В такой ситуации следует делать упор не на реактивные, а на проактивные, предупреждающие меры противодействия преступности, для чего необходимо выстроить криминологическую модель реализации таких мер, с учетом специфики сферы их приложения.

Особенности криминологической модели противодействия организованной преступности в сфере спорта в России в первую очередь упираются в чрезвычайно высокую латентность этой области криминальной деятельности. А проблема выявления действительного объема скрытых от учета преступлений такого рода уходит корнями, во-первых, в недостатки статистического мониторинга организованной преступности. Специалисты уже неоднократно замечали, что уголовная статистика до сих пор не дает представле-

---

¹ More than 4,100 arrests in INTERPOL-led operation targeting Asian illegal gambling networks // Интерпол. Официальный сайт, 18.07.2016. URL : <https://www.interpol.int/fr/Actualites-et-evenements/Actualites/2016/More-than-4-100-arrests-in-INTERPOL-led-operation-targeting-Asian-illegal-gambling-networks> (дата обращения 10.05.2021).

ния о реальной картине в области борьбы с организованной преступностью, следственные и судебные органы не вели и не ведут отдельного учета показателей, характеризующих организованную преступность, и тем более не выделяются преступления в сфере спорта (например, коррупционные деяния или распространение запрещенных в спорте препаратов), если только они не подпадают под признаки составов, предусмотренных ст. 184, 230.1 или 230.2 УК РФ. Несмотря на то, что в отчеты включается показатель количества преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами, за счет смешения понятий «организованная группа» и «преступное сообщество» сведения, попадающие в статистику, в действительности носят случайный характер и не отражают реальной картины: в этой графе учитываются равно деяния, совершенные организованной группой, то есть устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения пусть даже одного преступления, что на самом деле лежит за пределами организованной преступной деятельности, – и преступным сообществом, которое обладает совсем иными качествами. Это размывает криминологическую характеристику организованной преступности, основанную на официальной статистике. Как указал Ю.Г. Васин, абсолютные показатели, характеризующие количество доказанных преступлений, совершенных организованными группами, не отражают реального состояния криминогенной обстановки в данной области.¹

Кроме того, латентность организованной преступной деятельности усугубляется такой особенностью спортивного мира как его закрытость от социального контроля. Это выражается, в частности, в существовании специальных органов для разрешения конфликтных ситуаций, носящих характер правонарушений, в спорте без участия правоохранительных служб: например, созданный в России в 2019 г. Департамент защиты игры, который должен осуществлять профилактику договорных матчей в футболе и попыток влияния на результат, а также анализировать информацию, полученную от букмекерских компаний, и контролировать деятельность субъектов футбольного рынка, или нацио-

---

¹ См.: Васин Ю.Г. Криминологические модели противодействия организованной преступности: практические аспекты реализации // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 26.

нальные антидопинговые агентства, наказывающие дисквалификацией за фактические преступления, связанные с применением запрещенных в спорте препаратов.

Существование проблемы закрытости сферы спорта от социального контроля подтверждается результатами изучения общественного мнения: около половины респондентов из числа болельщиков и лиц, интересующихся спортом, опрошенных при реализации научного проекта «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта», указали на непрозрачность работы спортивных организаций как на условие коррупционных проявлений в спорте, и треть опрошенных в качестве такого условия назвали недостаточный общественный контроль за сферой спорта.¹

Негативную роль играет и несовершенство правовых норм и даже международных стандартов: так, Конвенция ООН против коррупции содержит ряд антикоррупционных запретов для должностных лиц, но эти запреты не распространяются на руководителей международных и национальных организаций олимпийского движения, поскольку это – общественные организации.

В связи с изложенным, первым шагом к построению криминологической модели противодействия организованной преступности в спорте должно стать выявление уровня латентности и восстановление реального объема преступлений, совершаемых организованными преступными группами. Достижение этой цели возможно путем массированного использования методов частно-криминологических исследований: социологических опросов, получения экспертных мнений, наблюдения и т.п. Ценную информацию можно извлечь методом контент-анализа прессы, в первую очередь – спортивной, а также путем изучения онлайн-контента, исходящего от спортивных болельщиков. Так, в ходе конкретных криминологических исследований, проведенных в рамках реализации научно-

---

¹ См.: Рахманова Е.Н., Филатова Н.Ю., Цветков П.В. Преступность в сфере спорта: результаты криминологического исследования // Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в спорте: сборник научных статей по результатам Всероссийского научно-практического круглого стола (Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Санкт-Петербург, 31 октября 2020 г.). СПб. : Астерион, 2020. С. 5–18.

го проекта «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта», было установлено, что латентность преступлений, предусмотренных ст. 230.1 (склонение спортсмена к использованию субстанций, запрещенных в спорте, тренером или специалистом в области физической культуры и спорта) и 230.2 УК РФ (использование тренером или специалистом в области физической культуры и спорта таких субстанций в отношении спортсмена, независимо от его согласия) составляет почти 100 %. Эти данные получены путем опроса 100 молодых профессиональных спортсменов и спортсменов-любителей – представителей различных видов спорта; по результатам опроса выявлено, что 98 % респондентов хотя бы однократно (а многие – систематически) принимали допинг по предложению тренера или спортивного врача. Сопоставление этих данных со статистическими показателями (по одному возбужденному уголовному делу по ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, последнее было прекращено с назначением судебного штрафа, – за все время существования этих норм в уголовном законе¹), с материалами о допинговых скандалах на международном и национальном уровнях, и дальнейшая экстраполяция результатов дают основания полагать, что у распространения и применения запрещенных в спорте препаратов – высочайший уровень латентности.

То же относится и к преступлениям, предусмотренным ст. 184 УК РФ, – к случаям неправомерного влияния на результаты спортивных соревнований: отсутствие данных о возбужденных уголовных делах и об осужденных за это преступление, на фоне сообщений прессы о том, что договорные матчи играют годами, различные спортивные клубы в разное время были уличены в нарушениях принципа честного состязания², на фоне мне-

---

¹ См.: Первое дело по антидопинговой статье передали в суд // Право.ру. URL : <https://pravo.ru/news/211077/> (дата обращения 16.06.2021); До суда доведено первое дело по статье 230.2 УК РФ // РУСАДА, официальный сайт, 18 июня 2019 г. URL : <https://rusada.ru/news/press-releases/the-first-case-under-article-230-2-of-the-criminal-code-of-the-russian-federation-brought-to-court/> (дата обращения 16.06.2021).

² 15 российских клубов обвинили в договорных матчах. Они играли их годами // Спорт24, 20 ноября 2018 г. URL : <https://sport24.ru/news/football/2018-11-20-dogovornyye-matchi-s-uchastiyem-rossiyskikh-klubov-na-kipre-organizovyvali-podstavnyye-sudi> (дата обращения 20.05.2021).

ний специалистов о том, что «глобальное спортивное сообщество все чаще сталкивается с ростом числа договорных матчей, инцидентов и обвинений в коррупции... Появляется все больше организованных преступных групп, причастных к коррупции в спорте и договорным матчам в массовом масштабе. Эти преступления пересекают международные границы и генерируют огромные прибыли, которые затем направляются на другие противоправные действия»¹.

Явно недостаточное государственное реагирование имеет место и в отношении преступлений, связанных с незаконными организацией и проведением азартных игр, совершаемых организованными группами, – число осужденных за эти преступления не превышает нескольких сотен в год.

Очевидно, что действующий уголовный закон позволяет адекватно реагировать на проявления организованной преступной деятельности в сфере спорта, однако, помимо уже названных факторов, парализующих противодействие организованной преступности в спорте (высокий уровень латентности таких преступлений, закрытость сферы спорта от социального контроля), правоохранительные органы и органы социального управления оказались недостаточно подготовленными к выявлению и предупреждению преступной деятельности такого рода. Специалисты указывают на особое значение прогнозирования в качестве одной из основных функций моделирования при планировании мер борьбы с организованной преступностью.² Упреждающие меры могут быть приняты лишь на базе научно обоснованного прогноза развития криминогенной ситуации, особенно в современной реальности, связанной с ураганным развитием технического прогресса, на фоне стремительно растущего удельного веса преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В частности, при прогнозировании мер противодей-

---

¹ Трубицына Ю.Ю. Международные аспекты противодействия коррупции в спорте // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 117.

² См.: Васин Ю.Г. О методических подходах к построению уголовно-правовой и криминологической модели организованной преступности // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 6. С. 103.

ствия организованной преступности в спорте следует сосредоточить внимание на относительно новом виде спорта – компьютерном спорте, соревнованиях на основе видеоигр. Федерация компьютерного спорта появилась в России в 2000 г., но во Всероссийский реестр видов спорта киберспорт был включен не сразу из-за несоответствия ряду критериев, закрепился в ВРВС лишь в 2016 г. С учетом значительных денежных сумм, составляющих призовой фонд, а также возможности обширного дистанционного охвата как участников, так и зрителей, киберспорт имеет все признаки вероятной виктимологической площадки для организованной преступности.

Исходя из изложенного, криминологическая модель противодействия организованной преступности в сфере спорта должна учитывать прогноз о направлениях распространения криминального интереса организованных групп, а также содержать комплекс мер противодействия, соразмерных реальному объему преступлений, восстановленному с помощью методов конкретных криминологических исследований.

НОВЕЛЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Грошев А.В.

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права,
ФГБОУВО «Кубанский государственный
аграрный университет им. Трубилина»,
г. Краснодар

Организованная преступность как сложное негативное социально-правовое требует системного подхода в борьбе с ней. Основой системного подхода в борьбе с организованной преступностью служит наличие соответствующей законодательной базы, регламентирующей весь правовой механизм противодействия данному виду преступности и связанным с ней иным криминаль-

ным явлениям. Во многих странах правовой основой противодействия организованной преступности является специальный профильный закон о борьбе с ней. Подобный закон имеется и в большинстве стран на постсоветском пространстве¹. Однако в РФ подобный закон до сих пор не принят, несмотря на официальное признание факта ее существования на законодательном уровне².

В настоящее время правовую основу борьбы с организованной преступностью составляет многоуровневая система действующих правовых актов, включающая: 1) международные акты (соглашения, конвенции) в области противодействия данному виду преступности как транснациональному явлению; 2) национальное (федеральное) законодательство, регламентирующее вопросы криминализации соответствующих преступлений, а также деятельность различных субъектов, осуществляющих уголовное преследование и предупреждение в отношении организованной преступности (федеральные законы и подзаконные акты); 3) законы и подзаконные акты субъектов Федерации и органов местного самоуправления, направленные на решение локальных вопросов в данной сфере.

На национальном уровне правовую основу противодействия данному виду преступности составляет уголовное, процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, позволяющее осуществлять уголовную превенцию организованной преступной деятельности и уголовно-исполнительную ресоциализацию ее субъектов. В период с 2009–2019 гг. были приняты несколько федеральных законов о внесении изменений и дополнений в УК РФ в части усиления уголовной ответственности за организованную преступную деятельность³.

---

¹ См.: например: Закон Республики Беларусь от 27 июня 2007 г. № 244-З «О борьбе с организованной преступностью»; Закон Украины от 30.06.1993 г. № 3341-ХП «Об организационно-правовых основах борьбы с организованной преступностью»; Закон Грузии от 20 декабря 2005 г. № 2354 «Об организованной преступности и рэкрете» (по состоянию на 18.04.2018 г.).

² Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // Российская газета. 2019. 3 апреля.

³ См.: Федеральные законы от 03.11.2009 № 245-ФЗ; 02.11.2013 № 302-ФЗ; от 01.04.2019 № 46-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

Наиболее важными новеллами уголовного законодательства, принятыми в данный период, являются следующие. В частности, дальнейшему реформированию подверглась ст. 210 УК РФ: в отдельный состав выделено участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных частью первой настоящей статьи (ч. 1.1); уточнены отдельные управленческие функции лидеров преступной иерархии, а именно: координация действий организованных групп, создание устойчивых связей между ними, разработка планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами, раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами (ч. 1); статья 210 УК дополнена новым примечанием, с одной стороны, определяющим условия уголовной ответственности за данное преступление учредителей, участников, руководителей, членов органов управления и работников организации, зарегистрированной в качестве юридического лица, и (или) руководителей, работников ее структурного подразделения – когда эти организация и (или) ее структурное подразделение были заведомо созданы для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений; с другой стороны, указывающее на недопустимость уголовной ответственности по данной статье только в силу только в силу организационно-штатной структуры организации и (или) ее структурного подразделения и совершения какого-либо преступления в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением организацией предпринимательской или иной экономической деятельности (примечание 1); значительно усилено наказание как в отношении основных, так и квалифицированных составов данного преступления.

Одним из наиболее сложных вопросов применения некоторых законодательных новелл противодействия организованной преступности является трактовка новой уголовно – правовой категории «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» (ч. 4 ст. 210, ст. 210.1 УК РФ). В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной

практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) в отличие от ранее действовавшего аналогичного постановления¹ на этот счет содержится следующее разъяснение: «Решая вопрос о субъекте преступления, указанного в части 4 статьи 210 УК РФ, судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п. В приговоре необходимо указать, на основании каких из названных признаков суд пришел к выводу о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного частью 4 статьи 210 УК РФ» (п. 24). Представляется, что указанные критерии определения данного субъекта организованной преступной деятельности сами по себе носят оценочный характер, затрудняющий квалификацию соответствующих преступных действий.

Не менее сложную проблему представляет толкование признаков нового состава преступления – «занятия высшего положения в преступной иерархии» (ст. 210.1 УК РФ). Как известно, Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ УК РФ был дополнен новой нормой, устанавливающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1)². О недо-

---

¹ БВС РФ. 2008. № 8.

² См.: Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // Российская газета. 2019. 3 апреля.

статках данного уголовного закона написано довольно много критических статей¹.

Речь, в частности, идет о сложностях определения новой уголовно – правовой категории «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии»; недостатках конструирования состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ; сложностях в определении предмета доказывания по данной категории дел. Помимо неопределенности криминологической категории «преступная иерархия», значительные трудности вызывает установление объективной стороны данного деяния, предполагающей приобретение определенного криминального статуса («высшего положения») в преступной иерархии. В данном случае неясен основной элемент предмета доказывания – характер общественно опасного деяния, его фактическое и юридическое выражение, поскольку термин «занятие» можно толковать двояко –

---

¹ См.: Бурлаков В.Н. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве / В.Н. Бурлаков, В.Ф. Щепельков // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 465–476; Скобликов П.А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и применения ч. 4 ст. 210 УК РФ // Закон. 2019. № 7. С. 43–49; Кармановский М.С., Косьяненко Е.В. Ответственность за деяния, предусмотренные статьями 210 и 210.1 УК РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 147–152; Щепельков В.Ф. Высшее положение в преступной иерархии как основание уголовной ответственности. Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 г.) / под общ. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2019. С. 81–85; Иванчин А.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) – пример необоснованной криминализации // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 г.) / под общ. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2019. С. 159–161; Скобликов П.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: статус или деяние? // Уголовное право. 2019. № 6 / СПС Гарант; Стукалова Т.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы квалификации и доказывания // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1 (103). Ч. 4. С. 93–97.

как процесс достижения определенного результата, так и сам результат. Кроме того, представляется, что в приведенной формулировке диспозиции ст. 210.1 УК РФ допущен определенный «разрыв» между основанием уголовной ответственности и характером деяния, поскольку данная норма, по сути, не содержит описания объективной стороны данного деяния. Подобный дефект закона, по сути, является отражением теории «опасного состояния личности», когда основанием уголовной ответственности объявляется потенциальная опасность личности преступника¹.

Указанные дефекты законодательной техники в конструировании состава преступления затрудняют правоприменительную практику по данной категории дел. Не случайно уголовные дела в отношении рассматриваемой категории лиц исчисляются буквально единицами. В качестве примера можно привести приговор Алтайского краевого суда от 27 апреля 2017 г. (оставленный Верховным Судом РФ в силе), в отношении Ч., признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ. В данном судебном акте содержатся некие образцы казуального толкования нового уголовного закона относительно «воровского жаргона», характеризующего определенный уровень преступной иерархии и криминальный статус занимающих соответствующее положение лиц («вор в законе», «положенец», «смотрящий»). Указанным приговором Ч. Был признана «вором в законе» и ему было вменено осуществление отдельных организаторских и управленческих функции в отношении преступного сообщества, предусмотренных ч. 4 ст. 210 УК РФ: подбор и вербовка руководителей входящих в его состав структурных подразделений; осуществление контроля за их действиями; руководство, планирование и координация деятельности преступной организации и др.² Учитывая, что решения судов по конкретным уголовным делам не являются источниками норм уголовного права, представляется, что диспозиции данной нормы следует

---

¹ Бриллиантов А.В., Щербаков А.Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2020. № 10. С. 90–99.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 51-АПУ18-4 // Портал Открытые НПА. URL : <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29052018-n-51-apu18-4>

придать бланкетное содержание и сформулировать соответствующие признаки криминального статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, в профильном законе о борьбе с организованной преступностью.

Подобный опыт реализован в законодательстве некоторых зарубежных государств, в которых приняты специальные законы о борьбе с организованной преступностью. Например, концепция уголовно – правовой борьбы с организованной преступностью, реализованная в законодательстве Грузии, основывается на положениях профильного закона «Об организованной преступности и рэкрете», содержащем определения ключевым категориям организованной преступной деятельности («вор в законе», «рэкетир», «воровская разборка», «воровской сход», «воровское сообщество» и др.). В частности, согласно ст. 3 данного закона, «вор в законе» – это член воровского сообщества, который в соответствии со специальными правилами воровского сообщества в любой форме управляет или (и) организует воровское сообщество или определённую группу лиц. Соответственно «воровским сообществом» признается любая общность лиц, условившаяся осуществлять деятельность «воровского сообщества», по которой понимается «деятельность члена «воровского сообщества»/ «вора в законе», осуществляемая путем устрашения, угроз, принуждения, принуждения под условием хранить молчание, «воровских сходов»/ «воровских разборок», вовлечения малолетних в преступные деяния, совершения преступления, подстрекательства к совершению преступления, с использованием собственного криминального влияния или иными незаконными деяниями, целью которых является извлечение выгоды или иных преимуществ для себя или других лиц, получение/предоставление власти или (и) влияния»¹.

На основании данного закона в нормах УК Грузии были закреплены специальные правовые конструкции, отражающих соответствующие формы организованной преступной деятельности и содержащие аналогичные специальные виды составов преступления. В частности, в 2006 г. УК Грузии был дополнен ст. 223.1

---

¹ Закон Грузии от 20 декабря 2005 г. № 2354-вс (ред. 18.04.2018 № 2150) «Об организованной преступности и рэкрете». URL : <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/27814>

«Членство в воровском сообществе, «вор в законе», предусматривающей ответственность за членство в «воровском сообществе» (ч.1) и пребыванию лица в положении «вора в законе» (ч. 1) и ст. 224.1 «Участие в группировке, занимающейся рэкетом», в соответствии с которой наказывалось «самостоятельное или совместно с другим лицом (лицами) направление деятельности группировки, занимающейся рэкетом, или иное участие в деятельности такой группировки, а также незаконное разрешение споров или участие в незаконном разрешении споров между группировками, занимающимися рэкетом, или такими группировками и другими лицами». Позднее в уголовный закон Грузии были введены новые составы преступлений, направленные на предупреждение деятельности «воровского сообщества»: ст. 223.2 «Участие в «воровском сходе»»; ст. 223.3. «Поддержка деятельности «воровского сообщества»»; ст. 223.4 «Обращение к члену «воровского сообщества»/«вору в законе» или получение материальной выгоды либо материального преимущества в результате такого обращения» (в ред. 18.04.2018 № 2152). Соответственно применение ст. 223 УК Грузии, предусматривающей ответственность за «пребывание лица в положении вора в законе», основывается на положениях указанного закона, определяющих осуществление конкретных организационно – управленческих функций лица, пребывающего в положении «вора в законе» (ст. 4-6)¹. Таким образом, вполне конкретно определяется объективная сторона состава преступления, а также субъективные признаки деяния (умысел и специальная цель), составляющие предмет доказывания по подобному уголовному делу. Подобный подход позволяет, не прибегая к аналогии закона, четко определить содержание уголовной ответственности для указанных категорий лиц. В противном случае, абстрактная законодательная оценка самого факта наличия у лица криминально – воровского статуса «вора в законе» как преступного деяния возрождает господствующую в советской уголовно – правовой доктрине теорию «опасного состояния личности».

Следует отметить, что в 2007 г. судебный прецедент по применению ст. 223 УК Грузии был предметом рассмотрения Евро-

---

¹ Уголовный кодекс Грузии от 22/07/1999 г. (по состоянию на 12.07.2021 № 725). URL : //https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=234

пейского суда по правам человека (ЕСПЧ) в связи с жалобой гражданина Грузии, осужденного по ч. 1 данной статьи к семи годам лишения свободы, на нарушение ст. 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (устанавливающей, что никто не может быть осуждён за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое, согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву, не являлось уголовным преступлением). Отказывая в удовлетворении жалобы осужденного по данному делу, ЕСПЧ указал на то, что ч. 1 ст. 223.1 УК Грузии является частью Закона «О борьбе с организованной преступностью и рэкетом», ст. 3 которого достаточно полно разъясняет определения терминов, входящих в формулировку обвинения (таких как «воровское сообщество» и «вор в законе»), значение которых он вполне признавал (т.е. эти понятия не были полностью чужды заявителю). По мнению ЕСПЧ, использование уголовных понятий (коллоквиализмов) в юридических дефинициях уголовного закона в данном случае вполне оправдано, поскольку забота законодателя состоит в том, чтобы суть преступления легче воспринималась широкой общественностью¹.

Аналогичный подход к правовому регулированию борьбы с организованной преступностью реализован в законодательстве Украины. Законом Украины от 4 июня 2020 г. № 671-IX «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно ответственности за преступления, совершенные преступным сообществом» (вступил в силу 27 июня 2020 г.) в УК Украины внесены существенные поправки, направленные на прекращение деятельности преступных сообществ и привлечения к уголовной ответственности «преступников (воров) в законе», а также других участников преступных сообществ и лиц, причастных к созданию и функционированию преступных сообществ. В частности, расширен состав преступления, предусмотренный ст. 255 «Создание, руководство преступным сообществом или преступной организацией, а также участие в ней»; введены новые статьи, в частности, ст. 255-1 «Установка или распространение преступного влияния»; 255-2 «Организация, содействие в прове-

---

¹ См.: Постановление ЕСПЧ от 15 июля 2014 г. по делу «Ашларба (Ashlarba) против Грузии» (жалоба № 5554/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 11.

дении или участие в преступном собрании (сходке)»; ст. 255-3 «Обращение за применением преступного влияния»¹.

Модернизация ст. 255 УК Украины выразилась в ее дополнении частью четвертой, предусматривающей ответственность за «создание преступного сообщества, то есть объединение двух или более преступных организаций, руководство такой сообществом», и частью пятой с более строгой санкцией за действия, предусмотренные частями первой, второй или четвертой данной статьи, совершенные лицом, осуществляющим преступное влияние или лицом, находящимся в статусе субъекта повышенного преступного влияния, в том числе в статусе «вора в законе».

При этом согласно новеллам – примечаниям к данной статье под преступным влиянием в этой статье и статьях 255-1, 255-3 Кодекса следует понимать любые действия лица, которое благодаря авторитету, другим личным качествам или возможностям способствует, побуждает, координирует или осуществляет иное воздействие на преступную деятельность, организует или непосредственно осуществляет распределение средств, имущества или других активов (доходов от них), направленных на обеспечение такой деятельности (примечание 1). Соответственно под лицом, находящимся в статусе субъекта повышенного преступного влияния, в том числе в статусе «вора в законе», в этой статье и статьях 255-1, 255-3 Кодекса следует понимать лицо, которое благодаря авторитету, другим личным качествам или возможностям осуществляет преступное влияние и координирует преступную деятельность других лиц, осуществляющих преступное влияние (примечание 2). Таким образом, в соответствии со статьями 255-255-3 УК Украины законодатель вводит в конструкцию составов преступлений новые понятия: «лицо, осуществляющее преступное влияние», «лицо, находящееся в статусе субъекта повышенного преступного влияния, в том числе, в статусе «вора в законе». В целом подобные формулировки уголовного закона Украины, несмотря на их оригинальность и дифференцированную карательную направленность, заслуживают критической оценки. Прежде всего, в правовой и научный оборот вводятся нетипичные для доктрины уголовного права катего-

---

¹ Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III (с изм. и доп. по состоянию на 21.07.2021 г.). URL : http://continent-online.com/Document/?doc_id=30418109

рии, имеющие сугубо криминологическое содержание. Во-вторых, в силу своей правовой неопределенности они не могут восприниматься субъектами однозначно и соответственно не подлежат строгому толкованию. В-третьих, в силу отсутствия четких критериев криминализации, в частности, определения границ объективной стороны преступления, они не позволяют точно разграничить смежные составы преступлений и обеспечить правильную квалификацию содеянного.

Аналогичные недостатки свойственны и уголовному законодательству Казахстана, содержащем обновленную систему уголовно-правовых средств противодействия организованной (в том числе – транснациональной) преступности. В частности, ч. 5 ст. 263 УК Республики Казахстан («Создание и руководство преступным сообществом, а равно участие в нем») устанавливает наиболее строгое наказание за деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей данной статьи, совершенные лицом, занимающим лидирующее положение среди руководителей организованных групп (преступных организаций). Среди указанных действий по созданию и руководству преступным сообществом закон называет координацию преступных действий самостоятельно действующих организованных групп (преступных организаций) в целях совершения одного или нескольких преступлений, то есть «согласование между организованными группами (преступными организациями) в целях совместного совершения преступлений (создание устойчивых связей между руководителями или иными участниками организованных групп (преступных организаций), разработка планов, условий для совершения преступлений, а также раздел сфер преступного влияния, доходов от преступной деятельности)» (п. 22 ст. 3 УК Казахстана). При этом под лицом, занимающим лидирующее положение, в законе понимается лицо, наделенное руководителями организованных групп (преступных организаций) полномочиями по координации преступных действий, либо лицо, за которым члены группы признают право брать на себя наиболее ответственные решения, затрагивающие их интересы и определяющие направление и характер их преступной деятельности (п. 32 ст. 3 УК Казахстана)¹.

---

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изм. и доп. по состоянию на 02.07.2021 г.). URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=4

В другой норме – ст. 266 УК Казахстана, предусматривающей ответственность за финансирование деятельности преступной группы, а равно хранение, распределение имущества, разработка каналов финансирования, наряду с лицом, использующим свое служебное положение, и лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, назван лидер общественного объединения, но отсутствует указание на лицо, занимающее лидирующее положение среди руководителей организованных групп (преступных организаций) как наиболее опасного субъекта данного преступления. Закон также дает оценочное понятие лидера общественного объединения – это руководитель общественного объединения, а также иной участник общественного объединения, способный посредством своего влияния и авторитета единолично оказывать управляющее воздействие на деятельность этого общественного объединения.

Подводя итоги проведенному анализу новелл уголовного законодательства в области противодействия организованной преступности на постсоветском пространстве, следует отметить, что указанные законодательские инициативы свидетельствуют, с одной стороны, о сохранении негативных тенденций организованной преступности, с другой стороны, об активизации уголовной политики государства в данном направлении. Однако эти меры носят эпизодический характер, и не отражают системный подход к решению данной проблемы на национальном уровне. Кроме того, они не учитывают транснациональный характер организованной преступности, борьба с которой ведется на основе отдельных международных соглашений государств о совместной борьбе с отдельными ее видами (наркотрафик, торговля людьми, незаконная миграция, коррупция и др.). Они преимущественно отражают зарубежный опыт криминализации в данной сфере и в меньшей степени учитывают собственную национальную доктрину и стратегию борьбы с организованной преступностью. Восполнить односторонность уголовной политики в этом отношении может целевой федеральный закон о противодействии организованной преступности.

Несомненно, эффективное применение названных новелл противодействия организованной преступности потребует уточнения положений уголовного закона и позиции Пленума Верховного Суда РФ относительно уголовно-правовой характеристики

указанных оценочных признаков преступлений и принятия унифицированного постановления по вопросам квалификации организованных форм преступной деятельности.

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ КАНАДЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Кобец П.Н.

д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник,
Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России,
г. Москва

Канада входит в число большинства мировых держав, очень прочно взаимосвязанных с системой «Интернет». При этом ежегодно канадцы сообщают о многочисленных киберпреступлениях в полицию. Поступившие жалобы касаются в частности, вымогательства, вредоносного программного обеспечения, которое может разрушить личную или институциональную компьютерную систему, если только не будет выплачен выкуп; посягательств на защиту данных; кражи личной информации с целью получения прибыли; а также любовного мошенничества, когда мошенники завоевывают доверие жертвы, а затем используют его для совершения мошенничества¹.

Сегодня цифровые технологии и система «Интернет» приобретают все большее значение для инноваций и экономического роста². Безопасное и надежное киберпространство важно для без-

---

¹ Канада потратит \$1 млрд на борьбу с киберпреступлениями. URL : <https://yandex.ru/turbo/officelife.media/s/article/technologies/canada-will-spend-1-billion-to-combat-cybercrime/> (дата обращения 15.05.2021).

² Кобец П.Н. Выявление и мониторинг социальных сетей, используемых экстремистскими группировками, – важнейшая основа противодействия их преступной деятельности // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2017. № 2(42). С. 13–19.

опасности, стабильности и процветания Канады, а хорошая кибербезопасность имеет решающее значение для конкурентоспособности Канады, экономической стабильности и долгосрочного процветания. В соответствии с необходимостью повышения общественной безопасности в Канаде разработали «Национальную стратегию правительства Канады в области кибербезопасности» – National Cyber Security Strategy¹, направленную на расширение возможностей правительства Канады и его партнеров для достижения своих целей, даже по мере развития технологий и киберугроз. Стратегия определяет ведущую роль правительства Канады и подчеркивает важность укрепления сотрудничества с заинтересованными сторонами и партнерами. Она также поддерживает безопасные и устойчивые канадские киберсистемы за счет инвестиций в инновационную и адаптивную киберэкосистему. Стратегия включает в себя многочисленные инициативы, такие, как объединение правительственных операций по кибербезопасности в создание Канадского центра кибербезопасности – Canadian Centre for Cyber Security (далее – CCCS)², который возглавляется Учреждением по безопасности связи – Communications Security Establishment (далее – CSE)³, а также создание Национальной группы по координации киберпреступности – National Cybercrime Coordination Unit (далее – NC3)⁴ в рамках Королевской канадской конной полиции – Royal Canadian Mounted Police (далее – RCMP).

Канадский центр кибербезопасности – CCCS отвечает за мониторинг угроз и координацию национального реагирования на любые инциденты в области кибербезопасности. Его основное внимание уделяется защите национальной критической инфраструктуры от кибератак. Подразделение было официально создано 1 октября 2018 г. и вобрало в себя различные предыдущие правительственные учреждения Канады и подразделения, ответственные за эти функции, включая Канадский центр реагирования на кибер-

---

¹ National Cyber Security Strategy. URL : <https://www.publicsafety.gc.ca/cnt/rsrscs/pblctns/ntnl-cbr-scrtr-strtg/index-en.aspx> (дата обращения 15.05.2021).

² Canadian Centre for Cyber Security. URL : <https://cyber.gc.ca/en/> (дата обращения 15.05.2021).

³ Communications Security Establishment. URL : <https://www.cse-cst.gc.ca/en> (дата обращения 15.05.2021).

⁴ National Cybercrime Coordination Unit. URL : <https://www.rcmp-grc.gc.ca/en/nc3> (дата обращения 15.05.2021).

инциденты – Canadian Cyber Incident Response Centre, Центр операций по обеспечению безопасности Общих служб Канады – Security Operations Centre of Shared Services Canada и Сектор безопасности информационных технологий – Information Technology Security branch. Сегодня CCCS является единым источником экспертных консультаций, рекомендаций, услуг и поддержки в области кибербезопасности для правительства, частного сектора и канадской общественности. Канадский центр кибербезопасности отслеживает все события в области кибербезопасности. Он работает над защитой всех кибер-активов страны, осуществляя взаимодействие с частным и государственным секторами для решения самых сложных кибер-проблем Канады в области кибербезопасности¹.

В то же время CCCS являемся Национальной группой реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации CERT (Computer Emergency Response Team). CCCS являемся надежными экспертами в области кибербезопасности с четким и целенаправленным мандатом на сотрудничество с правительством, частным сектором и научными кругами. Он превращает Канаду в более безопасное государство защищая ее от киберпреступности². CCCS осуществляет информирование канадцев по вопросам кибербезопасности как единый, понятный и надежный источник информации о кибербезопасности для физических лиц и предприятий. CCCS осуществляет профилактическую работу по предупреждению киберпреступности посредством публикации советов и рекомендаций, через кампанию по информированию общественности о кибербезопасности, через свои каналы в социальных сетях и через собой веб-сайт. CCCS активно делится с канадскими гражданами своим опытом и знаниями в области кибербезопасности.

Таким образом, CCCS защищаем интересы канадцев в области кибербезопасности с помощью целенаправленных консультаций, конкретных рекомендаций, прямой практической помощи и прочных партнерских отношений. Продукты кибербезопасности разрабатываются CCCS с учетом потребностей пользователей. Его

---

¹ Canadian Centre for Cyber Security (CCCS). URL : <https://www.cybersecurityintelligence.com/canadian-centre-for-cyber-security-cccs-1921.html> (дата обращения 15.05.2021).

² New Canadian cybersecurity centre to look at election interference threats. URL : <https://globalnews.ca/news/4506116/canadian-centre-for-cyber-security-election-interference-threats-canada/> (дата обращения 15.05.2021).

сотрудники знают, что нужно для защиты киберресурсов страны, от предприятий малого бизнеса до крупнейших фирм и корпораций. Сотрудники CCCS разрабатывают и обмениваются специализированными технологиями и инструментами киберзащиты, что приводит к повышению кибербезопасности для всех канадцев. Квалифицированные сотрудники CCCS используют свои знания и опыт для создания инструментов кибербезопасности, которые делают Канаду лидером в этой области. CCCS делится своими технологиями с партнерами по всей стране, делая Канаду сильнее и устойчивее во время кибер-событий. CCCS защищает киберсистемы, в том числе государственные системы, путем внедрения сложных решений в области киберзащиты. CCCS использует накопленный опыт в сочетании со своим уникальным преимуществом в рамках создания системы безопасности связи. CCCS выступает в качестве оперативного руководителя и представителя правительства во время различных представительских мероприятий по кибербезопасности¹.

CCCS приветствует партнерские отношения, которые помогают создать более сильное и устойчивое киберпространство в Канаде. CCCS предлагает своим коллегам совместное использование несекретных многоцелевых помещений для совместного использования правительством, частной промышленностью и академическими кругами. CCCS является основным централизованным ресурсом для высшего руководства в правительстве по оперативным вопросам кибербезопасности, включая управление инцидентами, ситуационную осведомленность, а также технические консультации и рекомендации. Он защищает киберсистемы правительства Канады и реагирует на значительные угрозы и инциденты кибербезопасности, чтобы уменьшить и смягчить ущерб, наносимый федеральному правительству. CCCS являемся центральным ресурсом для департаментов правительства Канады в поддержку их роли в своих секторах².

---

¹ About the Cyber Centre. URL : <https://cyber.gc.ca/en/about-cyber-centre> (дата обращения 15.05.2021).

² Canadian-based Cyber Intelligence Centres at Forefront of Global Cybersecurity. URL : <https://www2.deloitte.com/ca/en/pages/risk/articles/canadian-based-cyber-intelligence-centres-at-forefront-of-global-cybersecurity.html> (дата обращения 15.05.2021).

СССS активно сотрудничаем с исследователями, критической инфраструктурой и научными кругами по несекретным проблемам кибербезопасности. СССРS являемся единственным авторитетным источником технических знаний в области кибербезопасности для поддержки ведущих агентств в их полицейской, охранной и разведывательной работе. СССРS осуществляет взаимодействие по борьбе с киберпреступностью в Канаде с RCMP и Королевской жандармерией Канады Gendarmerie royale du Canada (далее – GRC), федеральная и национальная полицейская служба Канады, обеспечивающая правоохранительную деятельность на федеральном уровне. СССРS проводит кампанию по информированию общественности о кибербезопасности, направленную на то, чтобы помочь канадцам лучше понять кибербезопасность и сделать их более безопасными в Интернете. СССРS информируем и обучаем канадцев вопросам кибербезопасности, предоставляя четкие практические советы, подкрепленные уникальным опытом и пониманием проблем кибербезопасности¹.

Для канадцев реализация «Национальной стратегии правительства Канады в области кибербезопасности» и связанные с ней инвестиции означают четкий и надежный федеральный источник информации о кибербезопасности, практические советы по применению в повседневной онлайн-деятельности и повышенную осведомленность о вредоносной кибератаке. Для бизнеса это означает усиление руководства по кибербезопасности для малых и средних предприятий, а также инструменты и ресурсы для повышения киберустойчивости. Для исследователей и ученых в области кибербезопасности рассматриваемая Стратегия будет поддерживать передовые исследования, поощрять инновации и развивать навыки и знания в области кибербезопасности. Для цифровых систем, которые канадское общество использует каждый день, таких как онлайн-банкинг, телекоммуникационные сети, Стратегия и ее инициативы приведут к укреплению безопасности и более быстрому и скоординированному федеральному реагированию на киберугрозы.

Чтобы адаптироваться к меняющимся сложным требованиям, предъявляемым к борьбе с киберпреступностью, канадским поли-

---

¹ Canadian Centre for Cyber Security offers cybersecurity guide for SMBs. URL : <https://iapp.org/news/a/canada-offers-cyber-security-guide-to-smbs/> (дата обращения 15.05.2021).

цейским службам требовалась структура для взаимодействия с частным сектором, различными правительственными поручениями, учеными и коллегами за рубежом. В соответствии с Национальной стратегией правительства Канады в области кибербезопасности и Стратегией борьбы с киберпреступностью Королевской Канадской конной полиции по борьбе с киберпреступностью 1 апреля 2020 г. была создана Национальная группа по координации киберпреступности – National Cybercrime Coordination Unit (далее – NC3) Королевской канадской жандармерии. В NC3 работает с правоохранительными органами и другими партнерами, чтобы помочь уменьшить угрозу, воздействие и виктимизацию киберпреступности в Канаде.

Вредоносная деятельность в киберпространстве включает в себя попытку похитить личную информацию¹. Совершенно очевидно, что в современных условиях зарубежные полицейские организации должны сотрудничать не только для того, чтобы избежать дублирования усилий, но и для того, чтобы учиться у своих коллег, а также накапливать информационные базы данных, чтобы иметь больше возможностей для проведения всевозможных необходимых расследований в своих странах². В столице Канады в г. Оттаве в NC3 работают следователи, ИТ-специалисты, аналитики криминальной разведки, аналитики исследований и политики, а также аналитики первоначальных оценок. Они обобщают данные, которые к ним поступают, такие как адреса электронной почты, адреса интернет-протоколов, электронные кошельки и электронные деньги, чтобы понять характер киберпреступности, найти их и определить, когда угроза неизбежна. NC3 может собирать первоначальную информацию из открытых источников и представлять оперативный отчет в соответствующую полицей-

---

¹ Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность: прогнозы и проблемы борьбы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 5(10). С. 148–160.

² Кобец П.Н. О современных информационных технологиях, используемых экстремистскими и террористическими группировками, и необходимости противодействия киберпреступности // Вестник развития науки и образования. 2016. № 6. С. 4–9.

скую службу, которая затем может принять решение о мерах, которые необходимо применять к злоумышленникам¹.

Расследования киберпреступлений носит сложный и технический характер². Особенно в зарубежных странах в которых активно используются социальные сети для получения информации³. Поэтому от правоохранителей требуются специальные навыки расследования киберпреступлений⁴. Национальная полиция Канады серьезно относится ко всем киберпреступлениям и сегодня решение этой проблемы требует скоординированных усилий. Обновленный подход Правительства Канады к кибербезопасности отражает перспективы, разделяемые в рамках кибербезопасности, который проводился под руководством Министерства общественной безопасности Канады в сотрудничестве с Департаментами национальной обороны; инноваций, науки и экономического развития; инфраструктуры и общин; государственных услуг и закупок. В рамках совершенствования кибербезопасности Канада завершила широкие консультации с общественностью, которые помогли выявить пробелы и возможности, а также выдвинуть новые идеи о том, как работать вместе, чтобы обеспечить безопасность канадцев, используя преимущества новых технологий и цифровой экономики. Одним словом, в целом власти Канады делают все для того, чтобы канадцы были уверены, что их данные и конфиденциальность защищены в Интернете.

---

¹ La lutte contre la cybercriminalité en temps de pandémie. URL : <https://www.rcmp-grc.gc.ca/fr/gazette/lutte-cybercriminalite-temps-pandemie> (дата обращения 15.05.2021).

² Кобец П.Н. Противодействие угрозам киберсталкинга – важнейшей проблеме, исследуемой в рамках совершенствования аспектов информационной безопасности регионов в условиях глобализации информационного пространства // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 1(76). С. 27–35.

³ Кобец П.Н. О политической стратегии и опыте Бюро расследований штата Джорджия США относительно использования социальных сетей для получения информации и ведения расследования // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 6. С. 17–19.

⁴ Кобец П.Н., Краснова К.А. О современных информационных технологиях, используемых экстремистскими и террористическими организованными группами, и необходимости противодействия киберпреступности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2018. № 2(43). С. 75–79.

ПРИЧИННО-ФАКТОРНЫЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Кашкаров А.А.

д-р юрид. наук, доцент кафедры уголовного права
и криминологии,
Крымский филиал КрУ МВД России,
г. Симферополь

Вопросы, связанные с установлением причин и условий совершения преступлений теорией криминологии рассмотрены довольно детально, коррупционная преступность не является исключением. Следует отметить, что все причины и условия преступности тесным образом переплетены друг с другом. Причины и условия одного вида преступности могут порождать причины и условия иных, выступать их производными. Коррупционная преступность обладает именно такими причинами, так как одной из основных причин вовлечения должностных лиц органов публичной власти, сотрудники ОВД являются частью должностных лиц органов публичной власти, является противоправное, а в некоторых случаях преступное поведение иных лиц, которые желают уклониться от уголовной и иных видов юридической ответственности.

Коррупцирующее поведение (как и коррупционное), детерминируется не только внешними и объективными условиями, но имеет и ярко выраженные психологические составляющие, и социокультурные корни, т.е. зависит от внутренних субъективных причин (определенные свойства личности, ее правовые установки, ценностные ориентации).

Причинами и условиями преступности признается симбиоз факторов: социального, экономического, политического, управленческого, культурного, правового, организационного, природного, информационного, психологического характера, а также самодетерминация преступности.

При обращении к общей криминологической теории осуществления коррупционных преступлений значимым также явля-

ется позиция В.А. Уткина, которым справедливо отмечался постоянно изменяющийся характер существующих причин коррупции, объясняемый динамикой природы существующих социально-правовых отношений. Следует отметить, что указанным автором выделяется ряд основных причин и условий коррупционной преступности в современной России, заключающиеся в социально-экономических и политических потрясениях последних лет (начиная с 90 годов двадцатого века); экономическом неравенстве и имущественном расслоении населения; неотработанности экономических механизмов при их многовариантности, нетранспарентности и непрозрачности; низком качестве кадрового состава должностных лиц органов публичной власти; неадекватности оплаты труда и возложенных на них задач; неэффективности контроля над доходами и расходами должностных лиц органов публичной власти. При этом стоит указать на особый акцент законодателя на данном вопросе и, как следствие, последующее расширение обязанности по декларированию доходов, как должностных лиц органов публичной власти, так и членами их семей.

Среди основных правовых причин коррупционной преступности можно выделить существование на сегодняшний день в российском законодательстве достаточного количества пробелов и коллизий, которые требуют доработки, направленной на максимальное приближение правовых норм к практике правоприменения в сфере государственных закупок. Полагает, что недостаточная правовая культура общества также относится к числу правовых факторов коррупции в этой сфере. При этом присутствие постоянно осознаваемого политического и экономического риска, связанного с инфляцией при отсутствии понятных регулятивных механизмов, способствует формированию определенного типа экономического поведения, рассчитанного на кратчайшую перспективу. Социально-политическая нестабильность обуславливает и чувство неуверенности среди должностных различного уровня, создавая дополнительные условия и возможности совершения коррупционных действий в ОВД.

К причинам и условиям коррупции в обществе и как следствие в органах публичной власти, органы внутренних дел, в этом случае признаются составной частью органов публичной власти, теория криминологии относит: наличие рынка коррупционных услуг; неэффективность институтов законодательной, ис-

полнительной и судебной власти; отсутствие социального контроля или ненадлежащий социальный контроль за принятием властно-управленческих решений; морально-психологическая атмосфера в обществе.

Одной из основных причин, порождающих коррупцию, является вовлечение государственных должностных лиц в систему экономических отношений. Соглашаясь с этим высказыванием, отметим, что в качестве товара коррупционных отношений выступают властные полномочия сотрудника ОВД. Лицо, вовлекающее сотрудника ОВД в коррупционную деятельность желает получить доступ к властным полномочиям, предоставляемым сотруднику ОВД посредством подкупа последнего.

Социально-информационные причины вовлечения сотрудников ОВД в коррупционную деятельность обусловлены тем, что благодаря средствам массовой культуры, СМИ, которые демонстрируют исключительно в негативном свете сотрудников ОВД в социуме сложился устойчивый стереотип, что все сотрудники ОВД являются коррупционерами, решить вопрос с которыми возможно посредством подкупа. Наличие такого стереотипа формирует у физических лиц и представителей юридических лиц вступить в коррупционные отношения с сотрудниками ОВД, склонив их такого рода отношениям по средствам подкупа.

Причины экономического характера вовлечения сотрудников ОВД в коррупционную деятельность, как нам представляется, проявляются в том, что вовлечение происходит путем подкупа, то есть сотрудникам ОВД предоставляются такого рода материальные блага, которые последние желают получить, те, которые они не могут получить за счёт денежного довольствия при выполнении возложенных обязанностей по службе. Это связано с низкой заработной платой сотрудников ОВД.

Указанные выше экономические причины тесно связаны с причинами социально-психологическим, которые заключаются в том, что в современном обществе развивается культ потребления, реализация которого требует постоянного финансового стимулирования, со стороны лиц, подверженных воздействию такого рода культа. Сотрудники ОВД не являются исключением, именно стремление к обогащению себя, стяжательство и прочите алчные и корыстные устремления приводят к росту преступлений коррупционной направленности среди сотрудников ОВД.

Характеризуя корыстную коррупционную мотивацию ученые выделяют следующие виды: «1. Корысть, которая проявляется в виде устойчивой мотивации (постоянного стремления) к накопительству, стяжательству; как правило, это довольно примитивные, ограниченные индивиды, лишенные широких интересов и духовных запросов.

2. Корысть, характерной чертой которой является стремление быть в центре всеобщего внимания, вызывать зависть, создавать впечатление о собственном финансовом благополучии (сотрудники стремятся покупать дорогие машины, модную одежду, посещать увеселительные заведения, престижные зарубежные курорты). Автор назвал таких лиц «прожигателями». Для данной категории сотрудников свойственна эмоциональная лабильность (т.е. перепады настроения), внушаемость.

3. Недостаточность средств к существованию («корысть-нужда») встречается у служащих, не способных обеспечить свои многочисленные долговые обязательства (потребительские кредиты, ипотеку т.д.). Нередко они являются источником различных конфликтов в коллективе».

К причинам связанным с самодетерминацией коррупционной преступности в ОВД можно отнести наличие в ОВД коррупционно zaangażированных сотрудников ОВД, в том числе руководителей и сотрудников ОВД обладающих высоким авторитетом среди сотрудников в коллективе. Также следует отметить о наличии самодетерминирующей взаимосвязи между коррупционной преступностью сотрудников ОВД и организованной преступностью, которая существенным образом влияет на уровень, динамику и иные объективные показатели коррупционной преступности сотрудников ОВД. Представители организованной преступности желают вовлекать сотрудников ОВД в коррупционную деятельность, получать оперативную, следственную и иную информацию, обладать определенным иммунитетом, который может быть обеспечен сотрудниками ОВД.

Выделяемые специфические причины и условия вовлечения сотрудников ОВД в коррупционную деятельность в большей степени относятся к конкретным фактам склонения и вовлечения сотрудников ОВД к коррупционной деятельности, однако такого рода специфические причины и условия вовлечения сотрудников

ОВД в коррупционную деятельность обладают общими признаками, представляется, что к ним можно отнести: наличие властных полномочий у сотрудников ОВД, связанных с возможностью привлечения к юридической ответственности как физических, так и юридических лиц; склонность сотрудников ОВД к коррупционным преступлениям; совершение вовлекающими лицами противоправного деяния; стремление вовлекающими лицами оказывать коррупционное влияние на сотрудников ОВД в будущем с целью обладания опекой и общим покровительством со стороны сотрудников ОВД.

В научно литературе отмечается, что «многолетние исследования позволили сформировать концепцию личностных детерминантов коррупционного поведения, охватывающую широкий круг личностных образований, включающую пять основных структурных элементов: уровень смыслов и ценностей; когнитивно-нравственный; эмоциональный; регулятивный; поведенческий».

Условия конкретного вовлечения или склонения сотрудника ОВД к коррупционной деятельности могут быть различными.

ВОВЛЕЧЕНИЕ В ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Кашкаров А.А.

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правых дисциплин,
Крымский юридический институт
(филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Симферополь

Вовлечение в преступную деятельности может быть признано самостоятельным составом только при условии наличия соответствующей нормы в УК РФ, как это, например, предусмотрено ст. 150 УК РФ (Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления). Во всех остальных случаях вовлечение – это общественно опасные деяния, характеризующие соучастие в преступлении.

Самостоятельные составы вовлечения в преступную деятельность разнообразны, к ним могут быть отнесены ст. 151.2 УК РФ, ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, ч. 1.1. ст. 205.1 УК РФ, 1.1. ст. 212 УК РФ, ч. 1.1. ст. 282.1 УК РФ, ч. 1.1. ст. 282.2 УК РФ.

Объективная сторона вовлечения в преступную деятельность – это всегда активные действия, к ним можно отнести подкуп, уговоры, пропаганду аморального образа жизни и т.п. Вовлечение может сопровождаться применением насилия.

Теорией уголовного права достаточно широко рассмотрены вопросы вовлечения в совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности, различного рода деструктивные организации и склонение к деструктивной деятельности, а также вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, вовлечение и склонение к вышеуказанным преступлениям и аморальным деяниям можно назвать классическими вовлечениями в преступную деятельность, они системно рассматриваются учеными-криминологами.

Вовлечение в преступную деятельность не требует наступления общественно опасных последствий, поэтому мы полагаем, что данные преступления относятся к преступлениям с формальным составом.

Темпорально желание вовлечь лицо в преступную деятельность возникает до возникновения желания у вовлекаемого на совершение преступления, в связи с чем следует согласиться с М.В. Рудиком о том, что умысел совершить преступление у вовлекающего лица в обязательном порядке возникает раньше, чем у «вовлечённого» им лица и, вовлекающее либо склоняющее лицо влияет на вовлекаемого до момента возникновения у него решимости на совершение конкретного преступного деяния, предусмотренного конкретной статьёй УК РФ или противоправного деяния.

Характеризуя субъективную сторону вовлечения в преступную деятельность следует исходить всегда из того, что это умышленная деятельность, которая предшествует формированию у вовлекаемого желания совершить то либо иной преступление. Виновное в вовлечении лицо осознаёт противоправный характер своего поведения и желает совершить действия, связанные с вовлечением, также он желает формирования умысла у вовлекаемого лица, осознает и предвидит факт преступного поведения во-

влекаемого. Также в некоторых случаях виновное во вовлечении лицо в обязательном порядке должно осознавать характеристики вовлекаемого лица, как это предусмотрено, например, ст. 150 или ст. 151 УК РФ.

Исходя из выше изложенного под вовлечением мы понимаем активную, умышленную деятельность, направленную на создание у иного лица желания на совершения преступления.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Капитан М.Ю.

Начальник отдела УЭБ и ПК МВД по Республике Крым

Современное, демократическое и социальное государство, каковым есть Российская Федерация, является не только регулятором общественных отношений в экономической сфере, но и активным участником экономических отношений, так как реализация культурных, образовательных, демографических, охранительных и иных функций, реализация которых обеспечивает государство невозможно без привлечения сил хозяйствующих субъектов. Указанное обстоятельство является основным, которое обеспечивает отличие от государств с рыночной экономикой от государств с административно-хозяйственной системой управления экономикой. При осуществлении государственных закупок (государственного или публичного прокьюремента) государство выступает покупателем, так согласно авторитетному мнению авторов доклада подготовленного Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» «Регламентированные закупки в России: как повысить стимулирующую роль расходов бюджетов и регулируемых компаний», «Регламентированные закупки –

госзаказ, закупки компаний с госучастием, регулируемых компаний, автономных учреждений, ГУПов и МУПов, – объем которых достигает почти 1/5 объёма ВВП России, – сегодня становятся главным драйвером расходов, поддерживающими экономическую активность», также справочно отметим, что согласно аналитического отчёта по результатам осуществления мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее Федеральный закон № 44-ФЗ) по итогам I квартала 2021 года заказчиками размещено 138 тыс. планов-графиков, содержащих 1,99 млн позиций общим объёмом 6,2 трлн рублей. Вместе с тем по данным Счётной палаты Российской Федерации в 2017 году в бюджетной сфере выявлено 6 455 нарушений на сумму 1 трлн 865,6 млрд рублей, в 2018 году нарушений 9 235 на сумму 772,7 млрд рублей, 2019 году 4 443 нарушения на сумму 884,6 млрд рублей.

Многомиллиардные затраты государства на приобретение товаров и услуг, масштабные объёмы государственных заказов делают сферу госзакупок криминогенно привлекательной. С целью минимизации криминализации общественных отношений в сфере государственных закупок государство в лице законодателя разработало и приняло ряд законодательных актов, основными задачами которых являются регулирование и охрана общественных отношений в указанной сфере.

Охрана общественных отношений в сфере государственных закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд обеспечивается нормами административно-деликтного права и уголовного права.

Статьи УК РФ образуют систему норм, обеспечивающих охрану общественных отношений в исследуемой сфере. Отметим, что некоторые из указанных статей являются универсальными (общими) и обеспечивают охрану более широкого круга общественных отношений, к ним относятся ст. 201.1, ст. ст. 204 – 204.2, ст. 285 – 285.2, ст. 285.4, ст. 290-291.2 УК РФ, специальными уголовно-правовыми нормами в исследуемой сфере являются только преступления, предусмотренные ст. 200.4. «Злоупо-

требления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» УК РФ, ст. 200.5 «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок» УК РФ и ст. 200.6 «Заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» УК РФ, указанный тезис нами будет раскрыт позже при характеристике объективных и субъективных признаков преступлений в исследуемой сфере.

Общественная опасность преступлений в сфере государственных закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, как нам представляется обусловлена двумя взаимодополняющими факторами. Одним из таких факторов является то обстоятельство, что оплата государственных закупок для обеспечения государственных нужд осуществляется за счёт бюджетных средств либо внебюджетных целевых фондов, которые, как известно в наибольшей степени формируются за счёт налогов, сборов и иных обязательных платежей, основными плательщиками которых являются физические и юридические лица – резиденты Российской Федерации либо от реализации природных ресурсов России, иными словами нарушения в сфере государственных закупок опосредованно причиняют вред каждому налогоплательщику, бюджетной системе государства. Другим фактором, который также свидетельствует об общественной опасности преступлений в указанной сфере является, то что потребителями не качественных товаров и услуг приобретённых государством для реализации своих функций выступают все те же резиденты Российской Федерации, кроме того по качеству предоставляемых Россией услуг формируется мнение мирового сообщества о благосостоянии граждан в нашем государстве. Следует также отметить, что преступления в сфере государственных закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд причиняют существенный вред авторитету органов публичной власти, как отмечается в исследованиях «авторитет органов публичной власти является абстрактным понятием, которое не имеет материального выражения. Совершая какое-либо должностное преступление, либо преступление с использованием служебного положения, должностное лицо органа публичной власти, посягая на конкретные обществен-

ные отношения – деятельность органов публичной власти, определённый порядок управления, наносит ущерб и абстрактным ценностям (ценности признаются нами составной частью общественных отношений) – авторитету этих органов, который сформирован в сознании населения (неограниченного круга лиц). Авторитет органов публичной власти выступает как составная и неотъемлемая часть объекта, совершенного должностным лицом органа публичной власти преступления. Факт совершения должностного преступления либо преступления с использованием служебного положения должностным лицом органа публичной власти создаёт в сознании гражданина (потерпевшего, обывателя) образ, который даёт основание отождествлять преступное поведение должностного лица органа публичной власти со всем аппаратом государственного управления, а также считать, что публичная власть в государстве не способна обеспечивать выполнение взятых на себя обязательств, которые нашли своё закрепление в Конституции РФ и других нормативных правовых актах», подрыв авторитета органов публичной власти влечёт системные разрушительные последствия, подрывающие доверие к власти и общественным институтам, выражающиеся в нарушении равноправия в доступе к получению государственных (муниципальных) услуг. Как нам представляется приведённый тезис может быть распространён и на специальные преступления в сфере государственных закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд в силу того, что отграничить субъектов универсальных (общих) преступлений от субъектов специальных преступлений в сфере государственных закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд иногда вызывают затруднения среди сотрудников правоохранительных органов, не говоря уже об обывательском представлении правового статуса лица, которое находится в трудовых или профессиональных с органом публичной власти.

Также отметим, что в современной уголовно-правовой литературе отмечается, что в сфере исполнения обязательств сторонами государственного или муниципального контракта существуют уголовно-правовые риски. К такого рода рискам относятся: «риски контроля, цели и ненадлежащего предпринимательства, возникающим на этапе исполнения обязательств поставщиком (подрядчиком, исполнителем) и на этапе исполнения обяза-

тельств заказчиком. Риски контроля возникают на этапе исполнения обязательств со стороны поставщика (подрядчика, исполнителя) при фактическом отсутствии исполнения с его стороны и соотносимы при наличии иных конститутивных признаков с составами злоупотребления должностными полномочиями, халатности и мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. Риски цели, приводящие к совершению нецелевого расходования бюджетных средств или средств государственных внебюджетных фондов, возникают на этапе исполнения обязательств заказчиком по оплате в ситуациях фактического исполнения несуществующих обязательств из контракта или непредусмотренного контрактом авансирования. Свойственные для всей сферы исполнения контрактов риски ненадлежащего предпринимательства наиболее часто имеют место в условиях осуществления предпринимательской деятельности в сфере публичного прокьюремета без регистрации и (или) без лицензии».

Уголовно-правовая характеристика преступлений осуществляется посредством детального рассмотрения элементов состава преступления, именно установление содержания элементов состава преступлений даёт основание для отграничения одного состава преступления от другого.

Размещение уголовно-правовой нормы (группы уголовно-правовых норм) в Особенной части УК РФ представляет исследователю возможность определения родового, видового и группового объекта преступления и соответственно даёт возможность для отграничения смежных составов преступлений, которые размещены в разных Разделах и Главах УК РФ.

В отечественной теории уголовного права нет единства мнений относительно характеристики понятия объект преступления и соответственно его классификации как по вертикали, так и по горизонтали.

Что касается содержания понятия объект преступления современные исследователи указывают, что: «в современной науке, во многом под воздействием научных работ А.В. Наумова, наблюдается пересмотр устоявшихся схем и концепций объекта преступления. Ряд специалистов все более активно начинает отстаивать теорию интереса (блага) при характеристике объекта преступления. И в этой связи именно между ней и теорий обще-

ственных отношений сегодня располагается основной спектр мнений по рассматриваемому вопросу. По нашему убеждению, между данными теориями нет принципиальных противоречий, а имеющаяся дискуссия в большей степени имеет политизированный оттенок, отражает стремление представителей теории интереса (блага) дистанцироваться от советской школы уголовного права и использовать в своих рассуждениях «нейтральное» понятие интереса или блага вместо «имеющего ложный идеологический заряд» понятия общественные отношения. В действительности же категория общественных отношений объективна и не имеет политической или идеологической окраски», также отметим, что «современный учёный стоит не столько перед задачей обоснования новой оригинальной концепции объекта, сколько перед необходимостью выбора приемлемой для себя теории, той, которая позволит ему оптимально решать целостный комплекс задач уголовно-правового регулирования. Здесь принципиально важно, что выбор теории объекта (как, впрочем, и любой иной методологической платформы) обуславливает необходимость соблюдения её концептуальных требований и недопустимость произвольного манипулирования теми или иными понятиями и теоретическими построениями».

С целью избежать теоретических дискуссий относительно содержания объекта преступления согласимся с одним из наиболее лапидарных определений объекта преступления, под которым понимается то, чему причиняется вред преступлением, это могут быть общественные отношения, блага, ценности, интересы.

Ранее нами отмечалось, что систему специальных преступлений в сфере госзакупок образуют преступления, предусмотренные ст. ст. 200.4–200.6 УК РФ. Указанные преступления законодатель разместил в Главе 22 УК РФ (Преступления в сфере экономической деятельности), что даёт нам основание утверждать, что видовым объектом данных преступлений выступают общественные отношения в сфере экономической деятельности. Размещая указанные преступления в Главе 22 УК РФ законодатель подтверждает сделанный нами ранее вывод о том, что в результате совершения преступлений в сфере государственных закупок причиняется вред экономическим интересам государства, как участника гражданско-правовых отношений, который вступает в отношения со с контрагентами с целью реализации своих функций.

Именно авторитет органа публичной власти, о котором мы упоминали ранее, выступает в качестве одного из дополнительных объектов преступлений, предусмотренных ст. 200.4 УК РФ и ст. 200.5 УК РФ и обуславливает их взаимосвязь с преступлениями, предусмотренными Главой 30 УК РФ, относительно взаимосвязи со ст. 200.6 УК РФ следует отметить, что авторитет органа публичной власти в данном преступлении может выступать в качестве дополнительного объекта преступления только при условии, что заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд осуществляет государственный эксперт в сфере госзакупок.

Устанавливая непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ следует обратить внимание на содержание диспозиции анализируемой статьи, исходя из чего мы полагаем, что непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения, которые обеспечивают реализацию норм действующего законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд работником контрактной службы, хотя в литературе встречается и иная точка зрения «Объектом преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ, являются общественные отношения в сфере функционирования контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Характеризуя непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 200.5 УК РФ следует исходить из того, что данная норма содержит два самостоятельных состава, которые предусмотрены ч. 1 ст. 200.5 УК РФ (незаконная передача предметов преступлений, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 200.5 УК РФ) и ч. 4 ст. 200.5 УК РФ (незаконное получение предметов преступлений, указанных в диспозиции ч. 4 ст. 200.5 УК РФ) мы полагаем, что объекты указанных преступлений являются общими, а именно общественные отношения в сфере государственных закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

Непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 200.6 УК РФ шире по сравнению с иными объектами специальных преступлений в сфере публичного прокьюремента. Так как преступлением, предусмотренным ст. 200.6 УК РФ наряду с общественными отношениями в сфере государственных закупок вред причиняется авторитету экспертных организаций, привлекаемых для проведения экспертизы в сфере госзакупок.

Исходя из содержания ч. 2 и ч. 3 ст. 200.6 УК РФ жизнь и здоровье человека являются дополнительным факультативным объектом указанного преступления.

Ещё одним дополнительным объектом преступлений, предусмотренных ст. 200.4 УК РФ, ч. 1 и ч. 4 ст. 200.5 УК РФ, а также ст. 200.6 УК РФ выступают общественные отношения, обеспечивающие честную и транспарентную конкуренцию хозяйствующих субъектов, которые планируют принять участие в реализации государственных закупок. К такого рода выводу мы приходим в силу того, что в случае нарушения положений действующего законодательства в сфере государственных закупок, а именно Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 30.04.2021) к участию в конкурсе не допускаются иные хозяйствующие субъекты, либо ограничиваются их конкурентные возможности, либо занимают менее выгодную позицию в рейтинге участников конкурса.

В качестве промежуточного вывода можно заключить следующие. Спектр общественных отношений, которые наполняют содержание объекта преступлений в сфере государственных закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд многогранен, он включает в себе разнообразные общественные отношения, находящиеся под охраной действующего законодательства, к ним относятся общественные отношения, обеспечивающие охрану жизни и здоровья, авторитет органов государственной и муниципальной власти, транспарентную конкуренцию между хозяйствующими субъектами, экономические интересы государства и общества.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ОНЛАЙН УГРОЗ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Киселев С.С.

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар

С 2010 года в жизни детей по всему Миру появилась мина замедленного действия. Ежесекундно ее часовой механизм тикает в школах, дворах и домах. Она воздействует на их образ жизни, мышление и выбор действий. Она смешивает виртуальное и реальное. Это бомба – онлайн зависимость. Она стала новой причиной и условием совершения преступлений в отношении несовершеннолетних. За 2020–2021 годы число онлайн преступлений против половой неприкосновенности с использованием мессенджеров и соцсетей увеличилось в 5 раз. В сети обновились опасные тренды, трагедии в Перми и Казани запустили новую волну формирования фансообществ скулшутинга (подготовка и проведение расстрелов в школах) и кибербуллицда (самоубийств через онлайн воздействие).

За последние 5 лет стало очевидно, что вводимые уголовно-правовые запреты не снижают онлайн угрозы несовершеннолетних. По новым составам о склонении несовершеннолетних к самоубийствам, закрепленным в статьях 110.1, 110.2, 151.2 УК РФ нет ни единого приговора с момента принятия (с июня 2017 года) и это понятно.

Ведь проблема профилактики онлайн угроз несовершеннолетних носит стратегический характер и не решается какими-либо одними мерами, особенно императивными.

Профилактика «со стороны потенциальных преступников» не работает. Необходима глубокая виктимологическая работа. Потенциальную несовершеннолетнюю жертву онлайн преступления необходимо предупредить, дать алгоритмы спасения, подготовить к совершению максимально безопасных действий в общественно опасной онлайн ситуации. Определить круг лиц, к которым такой несовершеннолетний сможет обратиться.

В 2016–2017 годах в России был пик активности «Групп смерти». Каждая из жертв несколько недель находилась в глубоко аутоагрессивном состоянии. Все отражалось Вконтакте. И каждый раз родители ничего не знали. Общественные организации даже предлагали наказывать таких предков, что вызвало большой общественный резонанс.

Мы не предлагаем не доверять своим детям или следить за ними, мы предлагаем иметь объективную информацию о их состоянии, интересах, целях, окружении.

Таким объективным источником может быть страница Вконтакте. Даже с учетом того, что с 11–12 лет у ребенка как правило есть поддельная страница для демонстрации родителям.

На что следует обратить внимание?

Во-первых, френдзона, подписки и группы. Очень хорошо говорят об интересах вашего ребенка, его онлайн окружении и среде.

Во-вторых, репосты и записи на стене. Особенное поле интересов ребенка – что он (она) считает избранным и достойным для публикации у себя.

В-третьих, фотографии. В особенности личные.

В-четвертых, аудио и видео юного пользователя. Особенно шок-контент.

В каждом из этих блоков должны насторожить:

- ножи, лезвия, порезы на различных частях тела либо процесс их нанесения;
- огнестрельное оружие и его применение;
- виселицы, различные петли;
- медицинские препараты;
- алкоголь, наркотические вещества, а также процесс их употребления, табакокурение;
- вид с крыш высотных домов, зданий, мостов, обрывов, а также изображенные в этих местах люди;
- вид на железную дорогу, поезда, рельсы, а также изображенные в этих местах люди;
- люди с закрытыми лицами (обозначение протеста);
- символы деструктивных культов;
- сексуальная тематика (ЛГБТ-направленности).

Если говорить в целом о предупреждении виктимности несовершеннолетних, то правоохранители и криминологи должны

вплотную работать с социологами и маркетологами, использовать методики микротаргетинга, обращаться к зарубежному опыту работы с ключевыми угрозами в сети:

1. Травля в сети (кибербуллинг). Сегодня увеличивается риск того, что ребенок подвергнется травле не только в жизни, но и в сети. Злоумышленники имеют неограниченные возможности для публичного унижения жертвы комментариями, «фотожабами», видеороликами и пр.

2. Неконтролируемая трата денег и мошеннические действия в сети. Множество бесплатных онлайн-игр продают дополнительные жизни, бонусы или новые уровни, чтобы сделать прохождение игры легче и интереснее.

3. Онлайн-репутация. Формально большинство социальных сетей позволяют зарегистрироваться только тем новым пользователям, которые достигли 12 лет. Стремление приобщиться к интернет-сообществу, быть в тренде, казаться старше может подвигнуть несовершеннолетнего на публикацию фотографий или записей, подрывающих его репутацию, влияющих на его настоящее и будущее доброе имя.

4. Нарушение конфиденциальности. Будьте готовы к тому, что любое интернет-соединение может позволить человеку на другом конце получить доступ к вашей личной информации, такой, как имя, возраст, адрес и так далее. Ваш ребенок может невольно раскрыть эту информацию людям, которых совершенно не знает. Кроме того, большинство сайтов с бесплатными играми запрашивают именно эти данные.

5. Онлайн-ухаживания и домогательства. Злоумышленник может построить эмоциональную связь с ребенком, чтобы завоевать его доверие в целях сексуального насилия или эксплуатации. Сегодня это довольно частое явление в интернете. Популярность социальных сетей, онлайн-игр и мессенджеров дает несовершеннолетним возможность легко заводить онлайн-друзей и общаться с людьми, которых они никогда не встречали, но которые могут причинить им вред.

Разберем некоторые из перечисленных факторов на примерах и попытаемся сформулировать конкретные рекомендации по предупреждению виктимности несовершеннолетних в информационном пространстве.

По данным исследования Microsoft в России каждого четвертого ребенка в возрасте от 8 до 17 лет унижают в интернете каждый день или 1–2 раза в неделю. Это чаще, чем в США и Европе¹.

Кибербуллинг признан ВОЗ одним из самых травматичных типов атак для детей и взрослых. Обычно он проявляется в отправке сообщений с угрозами или оскорблениями, выкладыванием в сеть фотожаб, создании позорящих поддельных страниц пострадавших².

Почему дети становятся кибербуллерами? На это, минимум, 4 причины.

1. Ребенок копирует поведение окружающих. В нашем обществе очень распространены вертикальные отношения. В семье нечасто бывает демократия. Школа – абсолютно иерархический институт. Ребенок привыкает, что взрослых просто надо слушаться. Если он не видит других форм общения, то сам начнет выстраивать отношения через власть и неравенство... и подавление.

2. У ребенка нет адекватных инструментов, чтобы утвердиться в коллективе. Если учителя и родители прикладывают усилия, школьники видят сильные стороны друг друга: кто-то отлично рисует, кто-то мастерски играет в футбол, кто-то придумывает классные истории. Но если над этим специально не работать, они могут сфокусироваться на болезненных разборках по поводу своего статуса.

3. Ребенок испытывает стресс. Например, приходит другой классный руководитель или сам ребенок переходит в параллельный класс. Известно, что пятый и девятый классы – тревожный момент с точки зрения травли: меняется состав детей, состав педагогов, учебный профиль. Одни переходят в класс, о котором мечтали, а другие остаются в более слабом. Все это поводы для буллинга.

4. Учитель сам инициирует травлю. Если педагог постоянно выставляет в негативном свете одного или нескольких человек в классе, он таким образом объединяет против них оставшееся

---

¹ Microsoft. URL : <https://news.microsoft.com/ru-ru/4-digital-civility-index> (дата обращения:10.10.2020).

² Всемирная организация здравоохранения. URL : https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/hbsc_32-cyber-bullying (дата обращения:10.10.2020).

большинство детей. По факту это не работает ни на учебную мотивацию, ни на отношения. Дети испытывают сильную тревогу, когда в классе кого-то травят, даже если сами они не находятся в роли жертвы.

На языке права кибербуллинг может быть: оскорблением ст. 5.61 КоАП РФ; Клеветой ст. 128.1 УК РФ; распространением сведений, порочащих честь и достоинство ст. 152 ГК РФ; нарушением неприкосновенности частной жизни ст. 137 УК РФ; угрозами убийством или причинением вреда здоровью ст. 119 УК РФ.

Как защитить от кибербуллинга несовершеннолетнего?

1. Внести кибербуллера в черный список. Заблокировать его действия на всех страницах ребенка.

2. Обратиться с жалобой к администраторам сервиса, где происходит кибербуллинг.

3. Изменить настройки приватности, закрыть страницы. Возможность смотреть, читать и комментировать несовершеннолетних пользователей должна быть только у подписчиков и друзей.

4. Если кибертравля не прекращается, зафиксировать ее скриншотами. Заверить снимки у нотариуса.

5. Обратиться в полицию через приложение МВД России или официальный сайт МВД.РФ, прикрепить заверенные скриншоты.

6. Обратиться с иском о возмещении морального вреда в суд.

7. В качестве профилактики не указывать свой сотовый телефон, домашний адрес и адрес школы в профиле, всегда делиться с близкими случаями кибербуллинга или звонить на телефон горячей линии ДетиОнлайн 8-800-250-0015.

Еще одна серьезная угроза, с которой сталкиваются несовершеннолетние пользователи сети – онлайн – домогательства и онлайн мошенничества.

Приведем в качестве примера 2 самые распространенные схемы хищений на Avito:

Первая схема.

Продавец-мошенник. Мошенник публикует объявление с популярным товаром и средней ценой. Например, с продажей наушников или гироскутера.

Любыми способами уговаривает покупателя на доставку. Предлоги могут быть разные: я уехал из города, слишком занят, на самоизоляции и т.д.

Получив согласие, мошенник присылает поддельную ссылку для оплаты. Страница по ссылке очень похожа на стандартную форму Авито.

Вы оплачиваете покупку, но товар не получаете. Мошенник извиняется и предлагает вернуть платеж. Присылает новую форму для возврата денег, но на самом деле списывает их ещё раз. Страница возврата – это та же страница оплаты, но текст на кнопке изменён с «оплатить» на «вернуть».

Вторая схема.

Покупатель-мошенник. Покупатель якобы уже оплатил товар и отправил деньги через безопасную сделку. Присылает поддельную ссылку, где вы можете получить эту оплату. Открыв эту ссылку, вы попадаете на страницу, которая просит реквизиты вашей карты, вы их вводите, после чего сумма не зачисляется на карту, а списывается с нее. Что делать, чтобы совершеннолетние и несовершеннолетние пользователи не становились жертвами подобных хищений?

1. Изучайте историю объявлений продавца и покупателя
2. Всегда проверяйте номер потенциального покупателя и номер продавца через приложения Getcontact, WhoCalls, NumBuster и др.
3. Не позволяйте несовершеннолетним оплачивать товар самим. Оплачивайте товар только после его фактического получения.
4. Всегда перепроверяйте в приложении банка присылаемые вам чеки
5. Не принимайте виртуальную плату за ваш товар через ссылки
6. Пользуйтесь страховкой счетов и карт в банке.

Какие правила безопасности стоит соблюдать при общении с незнакомцами в сети?

1. Если к ребенку пришел запрос на добавление в друзья от человека, которого он лично не знает, следует внимательно изучить страницу этого пользователя: что он пишет на своей странице, есть ли его личные фотографии, кто у него в друзьях и т.д. При малейших сомнениях – не добавлять в друзья. Перепроверить по фото в приложении FindClone.

2. Не размещать много личной информации на странице. Не стоит указывать домашний адрес и свой личный телефон. Не сто-

ит писать, что вся семья уехала на неделю на дачу. Если очень хочется, лучше разослать нужным людям в приватные сообщения. Объясните ребенку, что информацию о семье ни в коем случае нельзя разглашать незнакомцам.

3. Если кто-либо начнет у него выяснять, где ребенок бывает, во сколько уходят/приходят мама с папой, номера документов и карточек, он должен сказать об этом родителям. Следует обращать внимание на то, что преступники могут действовать куда более тонко, сначала войдя в доверие к ребенку, а потом попросить перечислить деньги, сделать покупку, кому-то помочь и т.д. Этого делать не стоит, не посоветовавшись с родителями.

4. Нельзя делать чересчур откровенные фото и фото, на которых видны ценные предметы в доме, а также лучше не писать, где ребенок находится в данный момент. Объясните, что в Интернете есть разные люди: от лиц, страдающих психическими расстройствами до убийц. Не стоит делать себя открытой мишенью.

5. Любой аккаунт могут взломать и от пострадавшего лица рассылать спам или воспользоваться вашей личной информацией. Лучшей защитой, которую рекомендуют эксперты, будет включение двухфакторной аутентификации в настройках всех аккаунтов. При входе на личную страницу от вас потребуют еще и код подтверждения, который придет на ваш телефон.

Не следует недооценивать технические средства защиты. Для предупреждения виктимности несовершеннолетних, кроме двухфакторной аутентификации, обязательно использование встроенных средств родительского контроля и специализированных приложений (Kaspersky SafeKids, Kidslox и Mobile Fence Parental Control). Ими обеспечивается: защита настроек родительского контроля паролем; сокрытие браузера и приложений; запрет на установку и удаление приложений; запрет на совершение встроенных покупок и запрос на разрешение покупок; фильтрация контента онлайн-магазинов по возрастному цензу; фильтрация веб-сайтов по принципу «разрешено/запрещено все, кроме»; ограничение на громкость воспроизводимой музыки; ограничение на использование мобильных данных; ограничение по времени использования устройства и блокировка устройства в определенный временной интервал, а также возможность удаленной блокировки; отслеживание местоположения ребенка; кнопка паники (в случае чрезвычай-

ной ситуации позволяет ребенку нажать на тревожную кнопку, и информация об этом будет срочно отправлена на родительское устройство вместе с координатами ребенка); мониторинг истории звонков, SMS-трекер; статистика использования устройства.

Представляется, что сочетание правовых, социальных и технических мер предупреждения виктимности несовершеннолетних позволит снизить влияние ключевых факторов риска в сети и минимизирует условия для совершения киберпреступлений в отношении рассматриваемой категории лиц.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ, ПРИСВОЕНИИ И РАСТРАТЕ

Ругина О.А.

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар

Среди преступлений против собственности особое место занимают такие посягательства, как мошенничество, присвоение и растрата. Статистические данные свидетельствуют, что доля этих преступлений в структуре зарегистрированной преступности неуклонно растет. Если в 2015 г. данный показатель составлял 9,2 %, в 2016 г. – 10,5 %, в 2017 и 2018 гг. – 11,6 %, в 2019 г. – 13,5 %, то в 2020 г. – уже 17,1 %¹. При этом следует учесть, что официальная статистика далеко не в полной мере отражает реальное положение дел, поскольку для указанных имущественных посягательств характерна высокая латентность.

Учитывая неблагоприятную криминальную ситуацию и имеющиеся потребности в адекватной интерпретации и примене-

---

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 и 2020 гг. [Электронный ресурс]. URL : <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 18.05.2021).

нии уголовного закона по делам о преступлениях данной категории, особенно норм, посвященных специальным видам мошенничества, Пленумом Верховного Суда РФ было принято постановление № 48 от 30 ноября 2017 года «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»¹.

В анализируемом акте толкования Верховный Суд РФ в целом сохранил преемственность с прежним постановлением 2007 года². В частности, практически неизменными остались разъяснения о: содержании способов совершения мошенничества – обмана и злоупотребления доверием (п. 1–3); моменте окончания данного преступления в формах хищения чужого имущества (п. 5) и приобретения права на него (п. 6); квалификации мошенничества, совершенного с использованием заранее подделанного (п. 7) или похищенного (п. 8) официального документа; отграничении мошенничества от причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения (п. 22); содержании понятий присвоения и растраты, моментах окончания данных составов, а также их разграничении с кражей (п. 23, 24); соотношении мошенничества, присвоения и растраты с самоуправством (п. 26). При этом высшей судебной инстанцией были уточнены многие из ранее сформулированных позиций, а в ряде случаев даны новые рекомендации по квалификации различных ситуаций, вызывающих сложности в правоприменительной деятельности.

Так, полезным для судебной практики видится разъяснение, содержащееся в п. 9 постановления, согласно которому на квалификацию по ч. 4 ст. 159 УК РФ не влияет то, являлось ли жилое помещение у потерпевшего единственным и (или) использовалось ли оно потерпевшим для собственного проживания. Также на юридическую оценку содеянного не влияют несоответствие данного помещения санитарным, техническим и иным нормам, а также его непригодность для проживания. При этом правом на жилое помещение для целей ч. 4 ст. 159 УК РФ признается не только принадлежащее гражданину на момент совершения преступления право

---

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 года № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 2.

собственности, но и право пользования таковым (например, право пользования на основании договора социального найма, завещательного отказа, договора ренты и пожизненного содержания с иждивением или осуществляемое членами семьи собственника). Если в результате мошенничества гражданин лишился не права на жилое помещение, а возможности приобретения такого права (в частности, при хищении денежных средств под видом их привлечения для участия в долевом строительстве), то содеянное виновным квалифицируется по ст. 200.3 УК РФ (п. 10 постановления).

Значимой для правильного применения положений ч. 5–7 ст. 159 УК РФ представляется интерпретация в п. 11 постановления признаков мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Указанное преступление совершается с прямым умыслом, направленным на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возникшим у лица до получения такого имущества или права на него. При этом не имеет значения, каким образом виновный планировал распорядиться или распорядился похищенным имуществом (к примеру, использовал в личных целях или для предпринимательской деятельности).

Определенный интерес также вызывает рекомендация квалифицировать как мошенничество действия лица, которое с умыслом на хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием, привлекает денежные средства или иное имущество граждан или юридических лиц якобы для осуществления инвестиционной, предпринимательской либо иной законной деятельности, которая фактически не реализуется (п. 12 постановления). Вменения по совокупности ст. 172.2 или 200.3 УК РФ в этом случае не требуется.

Особое место в рассматриваемом постановлении занимает регламентация мошенничества при получении кредитов (п. 13 и 14 постановления). В частности, Верховный Суд обратил внимание на то, что в ситуациях, когда в целях хищения денежных средств лицо при оформлении кредита выдавало себя за другое, либо использовало для получения кредита иных лиц, не осведомленных о его преступных намерениях, основание для квалификации содеянного по ст. 159.1 отсутствует и ответственность наступает по ст. 159 УК РФ. Положительной оценки также заслужива-

ет формулировка высшей судебной инстанцией параметров, по которым разграничиваются мошенничество в сфере кредитования и незаконное получение кредита.

Заслуживает одобрения указание в п. 15 постановления на то, что социальными выплатами по ст. 159.2 УК РФ не являются гранты, стипендии, предоставляемые физическим лицам и организациям в целях поддержки науки, образования, культуры и искусства, субсидии на поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей, а также на поддержку малого и среднего предпринимательства. В этой связи мошенничество при получении перечисленных выплат квалифицируется по ст. 159 УК РФ.

Новеллой является трактовка Пленумом Верховного Суда РФ в п. 20 постановления сущности мошенничества в сфере компьютерной информации, представляющего собой неправомерное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, которое позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него. Тем самым проводится четкое отграничение между компьютерным мошенничеством и кражей путем простого ввода информации. Так, в п. 21 постановления как кражу, а не мошенничество, предлагается расценивать хищение с использованием учетных данных собственника или иного владельца имущества независимо от способа получения доступа к таким данным (к примеру, лицо тайно либо путем обмана воспользовалось телефоном потерпевшего, подключенным к услуге «мобильный банк» или авторизовалось в системе интернет-платежей под известными ему данными другого лица), если виновным не было оказано незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети. При этом изменение данных о состоянии банковского счета и (или) о движении денежных средств, произошедшее в результате использования виновным учетных данных потерпевшего, не считается таким воздействием. Руководствуясь той же логикой, Пленумом рекомендуется квалифицировать как простое, а не компьютерное мошенничество, если хищение чужого имущества или приобретение права на него осуществлялось путем создания поддельных сайтов, интернет-магазинов или использования электронной почты.

Вместе с тем, наряду с преобладанием положительных моментов, комментируемое постановление не лишено некоторых спорных положений.

Например, вызывает возражение изменение Пленумом Верховного Суда РФ позиции по поводу момента окончания мошенничества, предметом которого выступают безналичные, в том числе электронные, денежные средства. В соответствии с положением абз. 2 п. 5 постановления таковым теперь является не момент зачисления средств на счет виновного, а их изъятие с банковского счета владельца, в результате чего последнему причинен ущерб. Считаем, что любое мошенничество должно признаваться оконченным с момента завладения и появления у виновного реальной возможности распорядиться похищенным и нет необходимости делать исключение из этого постулата для одной разновидности мошеннических действий.

Не соответствует гражданско-правовому пониманию предпринимательской деятельности, субъектами которой могут выступать также некоммерческие организации, указание в п. 11 постановления на то, что предпринимательским мошенничеством является лишь умышленное неисполнение индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации принятых на себя обязательств по договору в сфере предпринимательской деятельности, сторонами которого выступают только индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации¹.

Сомнительной с учетом содержания ст. 128 ГК РФ, где безналичные денежные средства отнесены к имущественным правам, выглядит рекомендация в п. 17 постановления рассматривать как кражу хищение таких средств лицом, которое воспользовалось необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя платежной карты (персональными данными владельца, данными платежной карты, контрольной информацией, паролями), переданной виновному самим

---

¹ Гривцов А. Обзор постановления Пленума ВС РФ № 48 о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]. URL : https://regforum.ru/posts/3596_obzor_postanovleniya_plenuma_vs_rf__48_o_moshennichestve_prisvoenii_i_rastrate (дата обращения: 18.05.2021).

держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием¹.

Критики заслуживает разъяснение высшего суда общей юрисдикции о квалификации действий всех членов организованной группы, совершивших хищение, независимо от их роли в содеянном как соисполнительства без ссылки на ст. 33 УК РФ (абз. 3 п. 28 постановления). Данное указание противоречит основным постулатам института соучастия (ч. 2 ст. 33, ч. 1–3 ст. 34, ч. 5 ст. 35 УК РФ), разумеется, не считая ситуации, когда такие лица одновременно были соисполнителями. Полагаем, что более справедливой и потому предпочтительной будет квалификация действий участников организованной группы с учетом их фактической роли в совершении преступления.

Наконец, некорректной представляется позиция, содержащаяся в абз. 2 п. 30 постановления, согласно которой в случае изъятия имущества с одновременной заменой его менее ценным, содеянное расценивается как хищение в размере стоимости изъятых имущества. На наш взгляд, более верным в данном случае будет определение такого размера как разницы между фактической стоимостью похищенного имущества и стоимостью оставленного взамен эквивалента.

Подводя итог анализу содержания постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», следует отметить, что, несмотря на наличие отдельных дискуссионных моментов, предложенные судам рекомендации позволят унифицировать практику применения соответствующих уголовно-правовых норм и, в конечном счете, будут способствовать повышению эффективности российского правосудия по уголовным делам данной категории.

---

¹ Шатихина Н. Осторожно, мошенничество? (Краткий сравнительный анализ ППВС РФ № 48 от 30.11.17 и ППВС № 51 от 27.12.07) [Электронный ресурс]. URL : https://zakon.ru/blog/2017/12/17/ostrozhno_moshennichestvo_kratkij_sravnitelnyj_analiz_ppvs_rf__48_ot_301117_i_ppvs_51_ot_271217 (дата обращения: 18.05.2021).

ОШИБКИ СУДЕБНЫХ ПРИГОВОРОВ ПО СОСТАВУ МОШЕННИЧЕСТВА, НА ПРИМЕРЕ КОНКРЕТНОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Бушков Д.В.

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар

На примере изучения уголовных дел по составу мошенничества, были выявлены нарушения законности как в части квалификации действий подсудимых, так и в части применения норм процессуального права. В частности, был изучен приговор по обвинению Г. в мошенничестве, совершённом группой лиц по предварительному сговору с Т., в особо крупном размере, связанном с организацией двух ЖСК «Л...» и «ЮК» в целях строительства многоквартирных домов, не выполнивших обязательства перед потерпевшими. Выявлены следующие нарушения законности.

Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора, в соответствии с п. 1 ст. 307 УПК РФ должна содержать описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления.

В правовом смысле данное положение закрепляет требование, в силу которого, описание преступного деяния должно содержать сведения, установленные судом по результату рассмотрения уголовного дела, на что в п. 18 Постановления Пленума от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре», указал Верховный Суд РФ (далее – Пленум «О судебном приговоре»).

Объем же таких сведений, должен быть достаточным, для описания всех обязательных элементов инкриминируемого состава, а также раскрывать подлежащие доказыванию, в соответствии со ст. 73 УПК РФ сведения.

Сравнительный анализ текста фабулы, содержащейся в приговоре и сформулированной следователем, позволил сделать вывод о полной идентичности сравниваемых текстов. Фабула в описа-

тельно-мотивировочной части приговора дословно скопирована из обвинительного заключения, за исключением суммы установленного ущерба, которая в ходе судебного следствия прокурором была снижена, как по эпизоду ЖСК «Л...», так и по эпизоду ЖСК «ЮК».

При этом, не было проведено какой-либо корректировки или редактирования текста, как в части стилистических оборотов, так и в части его соответствия правилам грамматики и синтаксиса.

Верховный Суд в Пленуме «О судебном приговоре» (п. 41) указал, что приговор должен излагаться в ясных и понятных выражениях. Недопустимо загромождение приговора описанием обстоятельств, не имеющих отношения к существу рассматриваемого дела.

Анализ фабулы как по эпизоду ЖСК «Л...», так и по эпизоду ЖСК «ЮК», позволяет заключить, что в фабуле неоднократно излишне упоминается направленность умысла, описание преступного деяния содержит значительный объем информации, которая не характеризует признаки преступления, и в таком объеме не требует доказывания, а использованная конструкция построения текста, содержащая предложения, которые по своему объему занимают, не менее 0,5 страницы, загромождают приговор, делают его не ясным и непонятным.

Данные обстоятельства дают основания полагать, что выводы суда об установлении фактических обстоятельств преступных деяний, инкриминированных Г., могли быть заранее предрешены выводами органа предварительного расследования, а само исследование доказательств в судебном процессе, противоречило принципу свободы оценки доказательств, закрепленному в ст. 17 УПК РФ.

Кроме этого, уголовно-правовая оценка юридически значимых в квалификации признаков, позволяет сделать вывод, что в действиях Г. составы мошенничества отсутствует.

Согласно официальной квалификации, Г. совершила два эпизода мошенничества, то есть хищение чужого имущества путем обмана, совершенного группой лиц по предварительному сговору, в особо крупном размере, то есть преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Согласно примечания 1, под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью проти-

воправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Уголовно-правовой анализ обстоятельств, квалифицированных как мошенничество, в части эпизода по ЖСК «Л...», предопределили выводы.

Руководствуясь корыстным мотивом, в 2013 году у Т. возникает умысел на совершение хищения денежных средств граждан, желающих приобрести жилье. Он единолично разрабатывает преступный план, оценка которого, позволяет заключить, что фактическая передача денежных средств Т. от пайщиков за жилое помещение, осознается субъектом, как носящее общественно опасный характер. А намеренное желание не выполнять взятые обязательства, позволяют предвидеть неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде причинения имущественного ущерба, наступления которого он желает.

Обман как способ, вмененный Т., заключался: в недостоверных сведениях о желании, возможности и сроках завершения строительства; порядке получения правоустанавливающих документов и сведений о наличии разрешительной документации, фактически несоответствующей полученному разрешению (возводился 7 этажный дом, при разрешении на возведение 3 этажного), что следует из приговора.

После, Т. на стадии приготовления, создает условия, разрешая юридические вопросы по деятельности ЖСК, принадлежности земельного участка, получение разрешения на строительство, взятие в аренду офиса, приискание находящихся в добросовестном заблуждении лиц, на работу в кооператив. И также вступает в сговор с Г., которая якобы, дав согласие на вступление в преступную группу, в тот же период, приобретает по договору приобретения паевого взноса жилое помещение, за которое в кассу ЖСК вносятся денежные средства в полном объеме.

Именно данный факт, связанный с фактическим приобретением подсудимой жилья, в фабуле преступного деяния, характеризует обман в составе инкриминируемого мошенничества. Сообщение данных сведений, следует из фабулы, вводило покупателей в заблуждение в части благонадежности застройщика. Иных способов обмана, в действиях подсудимой не усматривается.

Далее по обстоятельствам дела, наличные денежные средства поступали в кассу, или производилось их зачисление на расчетный счет ЖСК. С этого момента, Т. и Г. получают реальную возможность владения, пользования и распоряжения полученными денежными средствами.

То есть, изъятие происходило у пайщиков суммы денежного размера стоимости помещения жилого или нежилого, и все денежные средства аккумулировались в кассе либо на расчетном счете банка, с возможностью обращения имущества, что соответствует стадии оконченного преступления.

Между тем, им вменяются следующие признаки объективной стороны:

- распоряжение предметом преступления по своему усмотрению;
- невыполнения обязательств по строительству дома;
- ущерб в особо крупном размере в сумме 73 955 301 рублей 50 копеек;
- причинная связь между невыполнением обязательств по строительству дома и ущербом;
- лишение возможности реализовать свое право владения, пользования и распоряжения приобретенным имуществом.

Данный эпизод квалифицирован как продолжаемое преступление, по ч. 4 ст. 159 УК РФ. В уголовном законодательстве Российской Федерации не закреплено определение понятия продолжаемого преступления. При отсутствии законодательного регулирования отграничения продолжаемого преступления от совокупности преступлений судебная практика ориентируется на положения, содержащиеся в п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее Пленума о мошенничестве), в котором в качестве признаков продолжаемого преступления выделены: тождественность способа завладения чужим имуществом и единый умысел при совершении нескольких хищений.

Фабула приговора не содержит данных, о том, что действия, образующие обман в составе мошенничества, вмененные Т. и Г. тождественны. У Г. они выражались в сведениях об имеющейся у нее в ЖСК «Л...» в собственности квартиры. Т. обман был сфор-

мирован, задолго до того, как, по установленным судом обстоятельствам, между ними состоялся сговор. Начало преступной деятельности Т. состоялось в феврале 2013 года, а деятельность Г. в апреле 2014 года. К моменту совершения действий Г., было получено 46 836 440 рублей.

То есть, данные денежные средства не могли изыматься совместно, усилий к достижению преступного результата она не прилагала, тем не менее, данная сумма ей инкриминирована.

Данный вывод следует и из фабулы, в которой указано, что у Т. возник умысел единолично совершить преступление.

Мотивом сговора явилось его осознание, что единолично привлекать денежные средства и осуществлять строительные работы он не сможет.

Вышеприведенные доводы свидетельствуют об ошибочности в выводах, о совершении совместного изъятия суммы 46 836 440 рублей, вмененной подсудимым.

Тождественность исключается и в способе обмана.

Признак обмана, вмененный Т. не тождественен признаку обмана, вмененному Г.

На этапе возникновения умысла, преступной группы не существовало. Сговор на совершение преступления совместно произошел позднее, и к этому моменту деяние по изъятию 46 836 440 рублей было окончанным.

Кроме этого, на стадии сговора, согласно распределенной ей роли, она выполняла изъятие, а в целях совершения обмана приобрела квартиру.

Данная роль была ею реализована, при этом, более никаких действий обмана ей не вменяется. Отсутствуют и данные о ее осведомленности содержания обмана Т.

Более того, показания всех потерпевших по данному эпизоду группируются в зависимости от следующих обстоятельств: до прихода Г. на работу в ЖСК, получившие информацию об имуществе, не получавшие ее, некоторые же передавали денежные средства после ее трудоустройства, но лично с Г. знакомы не были.

Существенным при оценке обмана будет правило, закрепленное в п. 2 Пленума «о мошенничестве», из которого следует, что обман как способ хищения может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений.

Отсюда следует вывод, что признак обмана вмененного Г., в действиях его образующих, в описании преступного деяния, отсутствует.

Неверное соотнесение описания действий в объективной действительности, с конструктивными признаками конкретного состава преступления, либо их неверное формулирование в фабуле, приводит к неясностям в определении преступного действия, последствий и причинной связи в инкриминированном мошенничестве.

В описании преступного деяния через запятую перечислены два преступных действия, в частности, распорядились по своему усмотрению и не выполнили условие договора по строительству дома.

При этом, союз (тем самым) соединяет не выполнение договора и ущерб, который в свою очередь, влечет лишение возможности реализовать право собственности.

На стадии формирования умысла, осознанием Т. охватывалось преднамеренное не исполнение обязательств по договору, а изъятие должно было происходить лишь под видом законной деятельности ЖСК в целях строительства дома.

Данная формулировка не содержит описания обязательных признаков, характеризующих действие, и причинную связь между действием и последствием, как «обращение в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб».

Решением районного суда по гражданскому делу, состоявшемуся до рассмотрения уголовного дела, исковые требования коллективного обращения членов ЖСК «Л...» в количестве 142 человек были удовлетворены, право собственности было признано за всеми участниками ЖСК. Большинство право собственности на объект недвижимого имущества в ЖСК «Л...» за собой зарегистрировали.

Согласно, выводам в заключении судебной строительно-технической экспертизы, стоимость выполненных работ при строительстве объекта капитального строительства в ЖСК «Л...» составляет не менее 78 310 000, 00 рублей, данные расчеты стоимости строительства подтвердил и эксперт в судебном заседании.

Сравнительный анализ суммы вмененного ущерба по эпизоду 73 955 301 рублей 50 копеек, и суммы затраченной на строительство 78 310 000, 00 рублей позволяет заключить, что дей-

ствие в виде «распорядились по своему усмотрению», означает, что тем самым усмотрением для Т. и Г. являлось исполнение договора на строительство.

Вышеприведенные доводы свидетельствуют и об отсутствии ущерба в его уголовно-правовом смысле, так как имущество, за которое получались денежные средства, было передано собственнику денежных средств. Получение каждым имущества в собственность исключает и признак безвозмездно, который в фабуле и не был назван, а также объясняет, в какой связи, описание признаков деяния не содержит признака обращения в пользу виновного в судебном приговоре. Влияет и на отсутствие данных характеризующих субъективную сторону состава мошенничества.

Кроме этого, обстоятельства, что данное помещение не соответствует санитарным, техническим и иным нормам, непригодно для проживания, на квалификацию содеянного не влияют, на что указал Верховный Суд в п. 9 Пленума «о мошенничестве».

В этой связи, спор о качестве строения и иных, связанных с исполнением договорных обязательств, в силу которых одна сторона передает денежные средства а другая занимается строительством за эти денежные средства и передает фактически объект недвижимости, не исполняя в полном объеме договор в части качественных характеристик, несет сугубо гражданско-правовой характер, не образуя хищения.

Оценка юридически значимых обстоятельств, имеющих уголовно-правовое значение при квалификации мошенничества по эпизоду ЖСК «ЮК» соответствует, данной по эпизоду ЖСК «Л...», за исключением следующего.

В описательно-мотивировочной части приговора суд указал, что Г. совершила два эпизода мошенничества, то есть хищения чужого имущества путем обмана, совершенного группой лиц по предварительному сговору, в особо крупном размере. Квалификация действий Г. в описательно-мотивировочной части отличается от квалификации ее действий данной органом предварительного расследования, и закреплена как в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, так и в обвинительном заключении.

По эпизоду ЖСК «ЮК» действия Г. были квалифицированы, помимо указанных признаков, и по признаку, совершенное лицом, с использованием своего служебного положения, так как являлась заместителем председателя ЖСК «ЮК».

Изготавливая (флеш-приговор), при идентичности всего текста фабулы, сама квалификация действий была вынесена в начало описательно-мотивировочной части, и далее последовало две фабулы. Так и указано в квалификации, что она дана по двум эпизодам. Признак совершенное лицом, с использованием своего служебного положения, просто был выдернут из контекста. Вмененный признак был утвержден прокуратурой в обвинительном заключении, в ходе судебного следствия орган государственного обвинения представлял доказательства в объеме предъявленного обвинения, и история его исчезновения, в этой связи, вызывает недоумение с юридической точки зрения.

В судопроизводстве обязательным являются требования закона, вытекающие из принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве (ст. 15 УПК РФ), в силу чего исходным является обвинение и квалификация преступления, сформулированные представителем стороны обвинения. Сторона обвинения имеет достаточные процессуальные возможности для изменения объема обвинения, и они были наглядно реализованы, когда сумма совокупного ущерба по двум эпизодам, в порядке изменения объема обвинения было снижена, практически на 50 000 000 рублей.

Любое изменение обвинения, как и квалификация содеянного должны быть мотивированы, на что указал и Верховный Суд РФ в пунктах 19, 20 и 21 Пленума «О судебном приговоре», из которого следует, что выводы относительно квалификации преступления по той или иной статье уголовного закона, ее части либо пункту должны быть мотивированы судом. Если подсудимый обвиняется в совершении нескольких преступлений, то суд должен обосновать квалификацию в отношении каждого преступления. Всякое изменение обвинения в суде должно быть обосновано в описательно-мотивировочной части приговора. В случаях, когда неправильно вменен какой-либо из квалифицирующих признаков преступления, однако это не влечет изменения квалификации содеянного на другую статью или часть статьи Особенной части УК РФ, суду достаточно в описательно-мотивировочной части приговора с приведением надлежащих мотивов указать, что обвинение в этой части признано необоснованным, а не нашедшие подтверждения эпизоды или квалифицирующие признаки исключены из обвинения.

Особенность приговора в сравнении с иными документами уголовного судопроизводства состоит в том, что в нем в концентрированном виде отражаются все доказательства, подтверждающее каждое из обстоятельств, подлежащих доказыванию.

На это указывает и Верховный Суд Российской Федерации в п. 6 Пленума «О судебном приговоре», и основная суть разъяснений, заключается в том, что в судебном разбирательстве должны быть заново и непосредственно исследованы все доказательства, как уже содержащиеся в материалах дела, так и представленные в суд сторонами.

В приговоре отсутствует оценка доказательств, с точки зрения относимости, достоверности и допустимости. Приведен лишь перечень, за исключением, показаний некоторых допрошенных лиц, путем переноса их из обвинительного заключения, без раскрытия их содержания, оценки, с точки зрения, какие доказательства и какое обстоятельство подтверждают, как согласуются с иными доказательствами, на основании каких доказательств суд отвергает позицию и принимает позицию противной стороны.

Из содержания п. 8 Постановления Пленума «О судебном приговоре», следует, что с учетом положений статьи 74 и части 12 статьи 144 УПК РФ о том, какие сведения могут признаваться доказательствами по уголовному делу, суд в описательно-мотивировочной части приговора не вправе ограничиться перечислением доказательств или указанием на протоколы процессуальных действий и иные документы, в которых они отражены, а должен раскрыть их основное содержание. Недопустимо перенесение в приговор показаний, допрошенных по уголовному делу лиц и содержания других доказательств из обвинительного заключения или обвинительного акта без учета результатов проведенного судебного разбирательства.

Существенным нарушением уголовно-процессуального закона, в соответствии с ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ, явилось отсутствие в описательно-мотивировочной части решения по вопросу, имеются ли основания для изменения категории преступления, в совершении которого обвиняется подсудимая, на менее тяжкую в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Это требование закреплено в системном единстве положений п. 5 ст. 307 УПК РФ и п) 6.1 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, и обязывает

при постановлении приговора данный вопрос разрешать в совещательной комнате, а решение по нему отражать в приговоре.

О необходимости разрешения вопроса, связанного с категорией преступления говорится и в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 10 г. Москва «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации», при этом Верховный Суд РФ обращает внимание, что изменение категории преступления на менее тяжкую в соответствии с частью 6 статьи 15 УК РФ позволяет обеспечить индивидуализацию ответственности осужденного за содеянное, и является реализацией закрепленных в статьях 6 и 7 УК РФ принципов справедливости и гуманизма.

Вопросы назначения наказания в приговоре разрешены были также формально, при том, что в п. 27 Пленума о «Судебном приговоре» Верховный Суд указал, что Суды обязаны строго выполнять требования статьи 307 УПК РФ о необходимости мотивировать в обвинительном приговоре выводы по вопросам, связанным с назначением уголовного наказания, его вида и размера.

Данное заключение вытекает, как из анализа судебного приговора, так на это указывает и то обстоятельство, что суд к данным, характеризующим личность подсудимой Г. отнес сведения о том, что она ранее привлекалась к уголовной ответственности.

Верховный Суд РФ в п. 1 Постановления Пленума от 22.12.2015 г. «О практике назначения судами РФ уголовного наказания» указал, что, исходя из положений части 6 статьи 86 УК РФ суды не должны учитывать в качестве отрицательно характеризующих личность подсудимого данные, свидетельствующие о наличии у него погашенных или снятых в установленном порядке судимостей. В силу требований статей 307 и 308 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в приговоре следует указывать мотивы принятых решений по всем вопросам, относящимся к назначению уголовного наказания, освобождению от него или его отбыванию.

В части удовлетворения гражданских исков также следует, одна фраза, о том, что рассматривая заявленные гражданские иски потерпевших о возмещении причиненного им действиями подсудимых ущерба, суд считает их подлежащими удовлетворению в полном объеме. В данной мотивировке суд не указал, в со-

ответствии с каким институтом гражданского права, подлежит компенсации полная сумма стоимости объекта недвижимого имущества, при условиях, что за истцом признано право собственности на этот же объект недвижимого имущества по решению суда и после компенсации полной стоимости, за этим же, лицом в пользу которого состоялось решение суда по гражданскому делу, право собственности сохраняется.

В части рассмотренных гражданских исков в п. 38 Пленума «О судебном приговоре» закреплено положение о том, что при разрешении в приговоре вопросов, связанных с гражданским иском, суд обязан привести мотивы, обосновывающие полное или частичное удовлетворение иска либо отказ в нем, указать с приведением соответствующих расчетов размеры, в которых удовлетворены требования истца, и закон, на основании которого разрешен гражданский иск. При удовлетворении гражданского иска, предъявленного к нескольким подсудимым, в приговоре надлежит указать, какие конкретно суммы подлежат взысканию с них солидарно и какие – в долевом порядке.

В соответствии со ст. 297 УПК РФ, приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Конституционное положение о том, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, определяет значение судебного приговора как важнейшего акта правосудия и обязывает суды неукоснительно соблюдать требования законодательства, предъявляемые к приговору, указал Верховный Суд РФ в Пленуме «О судебном приговоре» от 29 ноября 2016 г. № 55 г. (Далее – Пленум о судебном приговоре)

Приговор является законным, обоснованным и справедливым, если он соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Донская О.Г.

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права,
Ростовский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Ростов-на-Дону

Москалева Е.Н.

старший преподаватель кафедры уголовного права,
Ростовский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Ростов-на-Дону

Быстрое развитие научно-технического прогресса существенно изменило современную действительность. Кардинально изменился характер межличностных взаимодействий. Интернет-ресурсы позволяют людям обмениваться информацией, находясь при этом в самых отдаленных уголках мира. Основными способами общения являются популярные мессенджеры (WhatsApp, Viber, Telegram, Skype, Facebook, Line, WeChat и др.), социальные сети (ВКонтакте, Instagram, Одноклассники, Facebook, Twitter), электронная почта и др. Появились цифровые хранилища, в которые помещается как личная, так и профессиональная информация. Эти изменения оказали беспрецедентное влияние на развитие общества. Современный человек уже не мыслит себя без использования электронных технических средств и тех возможностей, которые они дают¹. Процесс цифровизации является составным элементом информатизации.

В июле 2017 г. Правительством России была разработана и утверждена Программа развития цифровой экономики до 2025 г., это «экономика, создаваемая на новой технологической основе, это экономика, умноженная на новые технологические возможности, прежде всего возможности сбора, хранения и передачи

---

¹ Скобелин С.Ю. Использование цифровых технологий при доказывании преступной деятельности // Российский следователь. 2019. № 3. С. 27.

огромных массивов данных»¹. Цифровая экономика предполагает повсеместную роботизацию.

Цифровизация жизнедеятельности человека отразилась и на преступности, дала толчок развитию этого антиобщественного негативного социального явления, что требует соответствующих корректив в правоохранительной деятельности. «Жизнь любого человека оцифрована и размещена на серверах... при наличии желания и определенных навыков можно узнать все абсолютно о каждом»². Многофункциональность цифровых устройств (гаджетов) расширяет пользовательские и, соответственно, преступные возможности. Посредством сети Интернет на массовом уровне совершаются такие преступления как: доведение до самоубийства или склонения к самоубийству; дистанционные хищения в финансово-банковской сфере; призывы к осуществлению террористической, экстремистской деятельности, массовым беспорядкам; сбыт наркотических средств, оружия; оборот порнографических материалов или предметов, организация азартных игр, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и др.

IT-технологии трансформировали насильственную преступность, она стала содержать интеллектуальные аспекты, «все чаще применяется информационное воздействие на потерпевшего»³, физическое насилие уступает место психическому. Киберпреступления и киберпреступники становятся все более изощренными и жестокими. Прогнозируется, что тенденция увеличения преступлений, совершенных таким способом, будет продолжаться.⁴ Будут распространяться и новые формы противоправных посягательств, связанные с киберпреступностью⁵.

Цифровизация в определенной степени способствует росту латентной преступности. Преступления, совершенные посредством

---

¹ Алиев В.М. Политико-правовые аспекты перехода к цифровой экономике в России // Российский следователь. 2018. № 9. С. 49.

² Москалева О. Опасности, которые таит цифровизация // Жилищное право. 2017. № 10. С. 63–72.

³ Артюшина О.В. Насильственная преступность и IT-технологии // Lex russica. 2019. № 9. С. 82.

⁴ Аничкин Е.С. Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях формирования цифрового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 20.

⁵ Алиев В.М. Указ. соч. С. 51.

сети Интернет не могут быть распознаны с участием классических инструментов правоохраны. Участковый полиции, близкий и соседский круг, не могут участвовать в профилактике таких деяний. Сложности возникают и с распознаванием виновного, скрывающегося под вымышленным именем. При этом последствия от киберпреступлений всегда ощутимы. В частности, кибербуллинг, публичная клевета, онлайн-мошенничество приводят к утрате чувства безопасности не только в онлайн-пространстве, но и в реальной жизни. Цифровые возможности позволяют распространять заведомо ложную информацию, порочащую честь и достоинство лица. При кибербуллинге трудно идентифицировать тирана.

К прогнозируемым негативным факторам цифровизации относятся: увеличение социального неравенства, усиление миграционных процессов, массовой безработицы¹. Все это не может не повлиять негативным образом на преступность.

Правоохранительным органам в условиях цифровизации необходимо вести борьбу в двух направлениях – традиционном и нетрадиционном. С учетом того, что цифровизация – это новое, впервые внедряемое средство регулирования общественных отношений, сложно объективно оценить все вероятные риски его применения. Отсутствие исторического опыта цифрового противодействия преступности, сложная природа социально-экономических реалий, появление множества перемен в культуре, традициях и взглядах, не позволяют выявить четкие закономерности в развитии цифровой ситуации в криминальной среде. Вероятно, многие уже сейчас совершаемые антиобщественные деяния еще не распознаны и не оценены обществом как преступные. Запаздывание в разработке и применении средств реагирования на цифровизацию преступного мира не допустимо, социальные последствия преступности слишком велики. Необходима коренная перестройка всей системы подготовки кадров правоохранительных структур, их набора. Соответственно реформированию должны подлежать и образовательные программы, компетенции будущих специалистов необходимо привести в соответствие с цифровой реальностью.

По существу, в ближайшее десятилетие вся полиция должна стать одновременно киберполицией, использующей новейшие

---

¹ Соловых Н.Н. Цифровая экономика диктует необходимость квалифицированных кадров с новыми компетенциями // Российский следователь. 2018. № 5. С. 64–68.

достижения в работе с искусственным интеллектом и большими данными в передаче информации, ее визуализации, идентификации криминально активных лиц и организации цифрового контроля за их поведением.

Представляется, что в современной действительности могут конкурировать регулятивные и охранительные элементы. С одной стороны, требуется масштабная разработка цифровых мер противодействия преступности, с другой – видоизменению подлежит отношение к охране частной жизни граждан, в том числе в сети Интернет. Можно согласиться с В.Д. Зорькиным, что «наступило время конкретизации прав и свобод человека и гражданина применительно к цифровой реальности. Зарождается новое право, регулирующее отношения в контексте мира цифр и искусственного интеллекта»¹. Перспективные возможности в области противодействия преступности не должны содержать излишние ограничения личности, нарушать ее индивидуальность, иначе возможен обратный эффект реакции общества на нововведения.

Возможности цифровой системы профилактики и предупреждения преступлений активно обсуждаются в юридической литературе. В противодействии преступности особое внимание уделяется цифровым следам. К ним относятся: «сведения с камер видеозаписи подготовки, совершения, сокрытия преступлений; биллинговая информация о соединениях между абонентами (абонентскими устройствами); информация, содержащаяся в памяти смартфона, телефона, рабочего компьютера участника уголовного судопроизводства; метаданные и иная цифровая информация различных устройств, позволяющая определить местонахождение гаджета и его владельца в интересующее следствие время; социальные сети; сведения об истории журналов браузеров пользователя; данные дистанционного зондирования поверхности Земли; цифровые данные компьютерных систем авто-, мототранспорта (датчики EDR и IV)»². Представляется, что электронные технологии должны применяться на этапе первичного обращения граждан за защитой своих прав. В современных реалиях звонки в правоохранительные органы или личная явка с целью сообщения о

---

¹ Зорькин В. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета – Столичный выпуск. 2018. № 115 (7578).

² Аничкин Е.С. Указ. соч. С. 21.

преступлении вполне могут быть заменены онлайн-обращением. «Построение автоматизированной системы приема и регистрации сообщений о преступлении могло бы обеспечить полный учет и преступлений, и потерпевших»¹, что способствовало бы снижению уровня латентности преступлений, позволило бы оценить реальные масштабы преступности, спроецировать соответствующие меры воздействия на нее. В ближайшее время по всей стране будет использоваться система «Безопасный город», суть которой заключается в интеграции данных и их автоматической обработке. Аналитические модели будут выделять и сообщать соответствующим ведомствам о 120 типах угроз, из них 12 ключевых (пожар, теракт, наводнение и др.), а ведомства – быстро реагировать на них по заранее разработанным схемам².

Противодействие преступности в цифровых условиях должно базироваться на парадигме следующих основ: несмотря на внедрение роботизированных элементов во многие сферы жизнедеятельности общества, развитие искусственного интеллекта, необходимо в центре концепции развития цифрового общества всегда ставить биологический ресурс – человека, личностные качества, индивидуальные особенности менталитета, традиций определенных народов. Особое внимание должно быть уделено установлению прямых и обратных каналов связи между государством и гражданином, «совершенствованию механизмов реализации права на участие граждан в управлении делами государства через широкое внедрение информационно-телекоммуникационных технологий в многоуровневую коммуникацию между государством, органами публичной власти и гражданами, институтами гражданского общества»³. Граждане должны быть ознакомлены с особенностями новых цифровых отношений, адаптированы к регуляторам цифровой жизнедеятельности, обучены навыкам девиктимизации в этой среде.

---

¹ Воскобитова Л.А. Цифровизация начального этапа уголовного судопроизводства как необходимое средство обеспечения прав потерпевших // *Lex russica*. 2020. № 4. С. 56.

² Слежка по всей России: систему «Безопасный город» развернут во всех регионах. Электронный ресурс. URL : <https://zen.yandex.ru/media/thebell/slejka-po-vsei-rossii-sistemu-bezopasnyi-gorod-razvernut-vo-vseh-regionah-60b644be86027a3623458486> (дата обращения: 16.06.2021).

³ Васильева Л.Н., Григорьев А.В. Цифровизация общества и перспективы конституционного развития // *Журнал российского права*. 2020. № 10. С. 53.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Донская О.Г.

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права,
Ростовский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Ростов-на-Дону

Общеизвестно, что принципы уголовного права являются его фундаментальной основой, которая определяет основные направления уголовного законодательства Российской Федерации, его задачи и цели. Принципы являются наиболее устойчивыми правовыми нормами и не подвергались изменениям с момента принятия уголовного кодекса РФ. Противоречие принципам автоматически лишает норму статуса правовой.

По своей сути уголовное право носит наиболее репрессивный характер среди существующих отраслей права. Закрепление принципов в тексте уголовного закона фактически установило рамки и пределы возможного применения уголовной репрессии, а закрепление принципа гуманизма свидетельствует о признании личности, ее прав, свобод и законных интересов высшей ценностью государства.¹

Большинство уголовно-правовых принципов являются конкретизацией Конституционных принципов, адаптируя их к сфере регулирования общественных отношений, возникающих между преступником и государством в случае совершения общественно опасного деяния. Принцип гуманизма не исключение.

Особенностью принципа гуманизма в уголовном праве является его, так называемая, двухзарядность. Уголовно-правовой гуманизм несет в себе две основные идеи.

Во-первых, это идея обеспечения безопасности человека, провозглашенная в ч. 1 ст. 7 УК РФ. Здесь речь идет о безопасно-

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) [Электронный ресурс]. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

сти не только участников уголовного правоотношения, но и общества в целом. Это является особенностью принципа гуманизма, поскольку иные принципы уголовного права ориентированы исключительно на лиц, совершивших преступление. Рассматриваемый же принцип гарантирует безопасность общества от преступных посягательств, посредством установления их преступности и наказуемости. В части 1 ст. 7 УК РФ фактически дублируется Конституционное положение, провозгласившее в статье 2 Конституции РФ права и свободы человека высшей ценностью.

Анализируя нормы российского законодательства, справедливо утверждать, что оно практически не содержит норм, относящихся к потерпевшим. Такое положение вызывает критику со стороны исследователей, некоторые из которых видят необходимость в закреплении норм, касающихся прав потерпевших в уголовном законе.¹ Несмотря на то, что права потерпевших напрямую связаны с уголовно-правовыми мерами реагирования на противоправные деяния, России, при назначении наказания, упор делается на соблюдение прав преступников, а не потерпевших.²

Данная ситуация способна нарушить баланс прав и интересов потерпевших и преступников, что может выражаться либо в чрезмерно суровых наказаниях, либо необоснованно мягких, искажающих само представление о наказании.³ Права и законные интересы преступников и жертв преступления не могут быть идентичными исходя из разницы в правовом положении этих двух категорий граждан.⁴ Соответственно и гуманизм уголовного права логично должен, в наибольшей степени, распространяться на потерпевших.

Второй идеей, провозглашенной в принципе гуманизма, является идея гуманного отношения к преступнику, которая за-

---

¹ Суслин А.А. Уголовно-правовые средства обеспечения возмещения вреда потерпевшим : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 28 с.

² Подройкина И.А. К вопросу о принципах уголовного наказания // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 12 (55). С. 75.

³ Подройкина И.А. Гуманизм не означает безнаказанность // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 1(80). С. 115.

⁴ Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право : учеб. пособие. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 70.

креплен в ч. 2 ст. 7 УК РФ. В указанной норме речь идет об уголовном наказании, целью которого не может быть унижение человеческого достоинства или причинение физических страданий. То есть принцип гуманизма ограничивает уголовный закон в закреплении видов уголовного наказания только теми, которые соответствуют идее уголовно-правового гуманизма.

В настоящее время гуманизм уголовного закона достиг высочайшей степени. Все законодательные изменения ведут к либерализации законодательства по отношению к преступникам. Гуманизм проявляется в многообразных мерах, являющихся выражением общей направленности уголовной политики на снижение количества осужденных к реальному лишению свободы.

Зачастую наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицам, совершившим преступления, идут в разрез с пониманием справедливости в уголовном праве. Гуманизм уголовного закона и правоприменительная практика нередко противоречат цели наказания – восстановление социальной справедливости, обесценивают уголовную репрессию и государственное принуждение, подрывают авторитет государства в обществе.

По сути, такой подход не соответствует провозглашенной идее уголовно-правового гуманизма, который в первую очередь закрепляет обязанность соблюдения прав законопослушных граждан. Гуманизм уголовного закона, как справедливо отмечается исследователями, должен проявляться в максимальной защите общества от преступных посягательств при минимально возможных ограничениях прав преступника.¹

Содержание ч. 2 ст. 7 УК РФ предполагает недопустимость умышленного причинения страданий и унижения человеческого достоинства именно в процессе назначения наказания. Для этого государством созданы максимальные условия – перечень наказаний пополнен многочисленными видами, не связанными с лишением свободы, а также множеством мер, освобождающих от уголовного наказания. При этом закон не говорит о невозможности причинения таких страданий в процессе исполнения уголовного наказания.

---

¹ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.И. Изменения российского уголовного закона и их уголовно-политическая оценка // Государство и право. 2012. № 8. С. 39.

Конечно, нормы уголовно-исполнительного кодекса также, как и уголовного отсылают нас к принципу гуманизма, который кодексом не конкретизирован и, по нашему мнению, в некоторых случаях избежать причинения страданий уголовной репрессией не представляется возможным. Ярким и излюбленным примером исследователей этой проблемы является наказание в виде лишения свободы, особенно пожизненного¹. Это обоснованно, поскольку именно указанные виды наказания обладают наибольшей степенью репрессивности, которая неизбежно влечет определенные законом ограничения и приводит к причинению моральных и физических страданий осужденным.

Проблемным аспектом с точки зрения реализации принципа гуманизма является и исполнение уголовного наказания в отношении инвалидов и пожилых осужденных.² Хотя законом предусмотрен ряд мер, предусматривающих более мягкие меры в отношении указанных граждан, силу уголовной репрессии такие осужденные воспринимают значительно острее.

В данном случае, говоря о гуманизме, не стоит забывать, что проявляется уголовно-правовой гуманизм к лицам, нарушившим целостность охраняемых законом общественных отношений, проигнорировавших устои общества. Соответственно и приоритетом в данном случае отдается безопасности общества, а не комфорт лица, совершившего преступление. Однако причинение страданий не должно быть умышленной целью субъекта назначения наказания.

Принцип гуманизма закрепляет в уголовном законе требования международных актов, касающихся прав граждан. В частности, к таким актам относится провозглашенная Организацией Объединенных Наций «Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания», провозгласившая недопустимым применение пыток, и других бесчеловечных, жестоких видов обращения и наказания.

---

¹ Латыпова Э.Ю., Нечаева Е.В. Спорные вопросы содержания принципа гуманизма в уголовном праве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 3(37). С. 357.

² Заборовская Ю.М. Реализация принципа гуманизма в отношении тяжело больных осужденных инвалидов, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Вестник Кузбасского института. 2016. № 4 (29). С. 59.

Соответственно принцип гуманизма несет максимально позитивный заряд, оберегая всех членов общества, не зависимо от их уголовно-процессуального положения, от применения мер, противоречащих провозглашенным международно-правовым идеям защиты личности.

В российской уголовно-правовой системе принцип гуманизма не редко вступает в конкуренцию с иными принципами. Примером является конкуренция гуманизма с принципами законности и справедливости, которые фактически ограничили возможность применения к лицам, преступившим закон, уголовно-правовых мер только теми, которые предусмотрены уголовным кодексом РФ и в пределах, установленных его нормами. Суд не вправе выйти за рамки, установленные УК РФ, даже мотивируя свое решение принципом гуманизма, поскольку закон, в понимании законодателя, является гуманным в априори, соответственно его гуманность является достаточной для всех категорий преступников.

Такое положение с одной стороны ущемляет возможность суда при реализации принципа гуманизма, а с другой является проявлением системности уголовно-правовых принципов, их согласованности и взаимной обусловленности.

Как справедливо отмечено одним из исследователей, гуманизм провозглашает ценность человека и его право на свободу, развитие, счастье, а равенство и справедливость в уголовно-правовом понимании, определяет модель желаемых правоотношений между членами общества.¹ Приведенное высказывание провозглашает идеальную модель соотношения уголовно-правовых принципов.

Иначе обстоит дело при анализе соотношения принципов гуманизма и равенства граждан перед законом. Принцип гуманизма хотя и ограничен рамками законности и справедливости, но при этом, в целом ряде случаев он является средством и основанием оправдания игнорирования принципа равенства граждан перед законом. И такое положение вызывает большее опасения и негодование исследователей.

Особенно ярко конкуренция принципов равенства и гуманизма проявляется в нормах, регулирующих особенности уголовной ответственности несовершеннолетних и женщин. При этом,

---

¹ Большая энциклопедия: В 62 томах. Т. 14. М. : ТЕРРА, 2006. С. 73.

если в отношении несовершеннолетних чрезмерный гуманизм можно обосновать некоторой психологической незрелостью этой категории, которая фактически определяет их как специальную категорию преступников, то чрезмерный гуманизм, резонирующий с принципом равенства в отношении женщин, не является обоснованным и законным.

В некоторой степени возможно оправдать особое отношение государства к женщинам, исходя из их материнской функции, когда уголовное наказание может повлиять на ребенка. Однако, законодатель пошел дальше, фактически определив женщину, совершившую преступление на один уровень с такими категориями, как инвалиды и пенсионеры.

Предположение, что меры уголовной репрессии, которые возможны для совершеннолетних мужчин, способны причинить значительно большие страдания преступникам женского пола с учетом их психических и физиологических особенностей¹ сомнительны и не обоснованы. Большинство из мер, смягчающих уголовное наказание и порядок его отбывания в отношении женщин не связаны напрямую с материнством. Такие меры не просто не могут быть обоснованы принципом гуманизма, но и являются его прямым нарушением.

В заключении настоящей работы необходимо отметить, что закрепленный в уголовном законе принцип гуманизма является многосторонним понятием, вызывающим значительные сложности фактической реализации. В нашем понимании, для реализации уголовно-правового гуманизма, необходимо соблюдение баланса между интересами общества и преступника. Перекос в любое из указанных направлений является нарушением принципа гуманизма.

---

¹ Нунатов Э.Ш. Конституционный принцип равенства прав и свобод мужчин и женщин в уголовном праве зарубежных стран // Право и политика: теоретические и практические проблемы. Сборник материалов 5-й Международной научно-практической конференции. Рязань, 2017. С. 115.

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ ВО ФРАНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ СОВРЕМЕННОСТИ

Рублев А.Г.

канд. юрид. наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Крымский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Симферополь

Как известно, в киберпространстве развиваются новые деструктивные практики: преступное использование Интернета (киберпреступность), в том числе в террористических целях, распространение ложной информации или крупномасштабные мошенничества, шпионаж в политических или экономических целях, атаки на критически важные объекты инфраструктуры государств.

Кибербезопасность охватывает все меры безопасности, которые могут быть приняты для защиты от этих атак. Постоянно растущий уровень сложности и интенсивности кибератак побудил большинство развитых стран в последние годы усилить меры безопасности и принять национальные стратегии кибербезопасности.

Как известно, электронная почта, обмен мгновенными сообщениями, социальные сети – чрезвычайно практичные средства общения, обмена информацией с друзьями или семьей. Но это также открытая дверь для людей с представляющими опасность намерениями. Например, молодой человек с информированной учетной записью или общедоступным профилем в сети Интернет контактирует с неизвестными людьми, которые иначе не могли бы приблизиться к нему в повседневной жизни.

Между тем, к примеру, между онлайн-ставками, продажей наркотиков и оружия, торрент-сайтами, предлагающими нелегальные загрузки, в Интернете есть много мест, не предназначенных для несовершеннолетних. Так, исторически именно зрелость технологий онлайн-видео позволила порноиндустрии ворваться на новый огромный рынок и наводнить Интернет сайтами для

взрослых. Издатели любой ценой стараются привлечь посетителей на свой сайт, не колеблясь и широко распространяя явные и намеренно вводящие в заблуждение рекламные объявления.

Допустим, методы, используемые, например, педофилами, часто демонстрируют коварные подходы с длительными периодами диалога посредством обмена мгновенными сообщениями для создания атмосферы доверия. Часто конечной целью является организация личной встречи.

Кроме того, нередко в Интернете можно найти тематику, предназначенную для подростков, в видеороликах с акцентом на опасную физическую доблесть.

Таким образом, Интернет стал инструментом коммуникации по преимуществу во всем мире, и этот международный охват в сочетании с неспособностью контролировать все коммуникации превратил его в инструмент выбора, который сегодня позволяет, например, экстремистам возбуждать ненависть, собирать средства и вербовать членов. Не секрет, что количество и изоэренность экстремистских веб-сайтов росли в последние десятилетия вместе с расширением охвата аудитории Интернетом.

Необходимо отметить, что имеется тонкая грань между свободой выражения мнения и языком вражды. Более того, определение того, что приемлемо или неприемлемо для выражения и распространения варьируется от страны к стране. В Интернете линия еще тоньше, и ненавистный комментарий, опубликованный на законных основаниях в одной стране, может считаться незаконным в странах, где критерии публикаций более строгие¹.

На фоне изложенного, страны Европы, в частности, Франция принимает активную роль по противодействию киберпреступности, особенно с использованием Интернета в террористических целях.

В рамках противодействия киберпреступности приоритетом для Франции признается направление борьбы с организованной преступностью, поскольку, к примеру, она охватывает в международном масштабе все виды торговли людьми, наркотиками, оружием, угнанными автомобилями, дикой флорой и фауной с вытекающими отсюда коррупцией и отмыванием денежных средств. С уве-

---

¹ URL : https://www.e-enfance.org/les-risques-sur-internet?gclid=Cj0KCQjw8IaGBhCHARIsAGIRRYpE6taaG5fnpeL0iopBt24iYUrRRMVSOqzYoQjyKR0nNVLYy3MxUpq0aArGREALw_wcB

личением мобильности людей, товаров и капитала эти преступления значительно расширились.

Необходимо учитывать, что криминальный элемент во Франции отслеживает новые технологии, чтобы легализовать «грязные» денежные средства, а также и для улучшения своей «традиционной» деятельности или создания новых преступных сфер деятельности, таких как, киберпреступность.

Франция значительно укрепила свои национальные средства борьбы с организованной преступностью как с точки зрения правовых механизмов, так и с точки зрения координации между государственными учреждениями (полиция, правосудие, иностранные дела, экономика, финансы и оборона).

Но борьба с организованной преступностью – это вызов, который беспокоит все международное сообщество. Эта форма преступности представляет собой, наряду с терроризмом (который она помогает финансировать), наиболее значительную невоенную угрозу глобальной безопасности и экономической стабильности.

Поскольку преступники игнорируют границы, борьба с ними подразумевает комплексный подход к борьбе с организованной преступностью и укрепление международного сотрудничества, в частности, на судебном и правоохранительном уровне. Мы говорим об организованной преступности, когда это действие «структурированной группы, которая создается с течением времени и действует согласовано для совершения преступлений с целью получения материальной или финансовой выгоды», согласно определениям Европейского Союза и Организации Объединенных Наций.

Эта политика построена на приоритетной задаче борьбы с киберпреступностью и, к примеру, атаками на информационные системы, торговлей детьми с целью сексуальной эксплуатации и мошенничества, а также неликвидными средствами платежей.

В рамках различных компетентных международных форумов (в первую очередь, Организации Объединенных Наций) Франция является ключевым игроком. Она играла активную роль в переговорах по Палермской конвенции против транснациональной организованной преступности, подписанной в 2000 году¹.

---

¹ Официальный сайт Росфинмониторинга. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года (Палермская конвенция). URL : <https://www.fedsfm.ru/documents/international-conventions>

Вклад Палермской конвенции основан на следующих трех пунктах: разработка универсальных определений некоторых фундаментальных понятий уголовного права в борьбе с организованной преступностью (организованная преступная группа, тяжкое преступление, доходы от преступной деятельности и т.д.); совершенствование уголовных законов, требуя от государств криминализации участия в организованной преступной группе, отмывание денег, препятствование надлежащего функционирования правосудия и коррупции; развитие международного сотрудничества судебных органов путем создания процедур взаимной правовой помощи и выдачи в универсальных рамках. Планируются также конкретные положения для обеспечения отслеживания грязных денег, а также ареста и конфискации преступных активов.

Палермская конвенция реализуется через конференции государств-участников. В 2018 году, после более чем десяти лет переговоров, государства-участники приняли решение о механизме подведение итогов работы на основании конвенции и трех протоколов к ней¹.

В 2015 году Франция приняла Национальную стратегию цифровой безопасности, предназначенную для поддержки перехода французского общества к цифровым технологиям, она отвечает на новые вызовы, возникающие в результате изменений в использовании цифровых технологий и связанных с ними угроз. Здесь учитывается пять направлений действий: гарантировать национальный суверенитет; обеспечить решительный ответ против злонамеренных действий в киберпространстве; информировать общественность; сделать цифровую безопасность конкурентным преимуществом для французских компаний; укрепление в исследуемой сфере Франции на международном уровне.

На техническом и оперативном уровнях различные игроки вносят свой вклад в эффективность французской системы: Национальное агентство безопасности информационных систем, Министерство обороны имеет двойную задачу обеспечения защиты сетей, которые лежат в основе его действия и интеграции цифрового боя в центре военных действий. В целях консолидации действий министерства в этой сфере в 2017 г. было создано Командование киберзащиты, МВД противодействует всем формам ки-

---

¹ URL : <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/secu-rite-desarmement-et-non-proliferation/lutter-contre-la-criminalite-organisee/>

берпреступности, ориентированно как на национальные интересы, так и на обеспечение безопасности физических лиц¹.

В заключение отметим, что помимо изложенных различных аспектов, представляется необходимым укреплять оперативное сотрудничество между государствами-членами Европейского Союза и Россией. Цель состоит в том, чтобы иметь в европейском масштабе инструменты для обмена технической информацией об угрозах, например, позволяющие предвидеть компьютерные атаки и быстро реагировать на них.

Речь идет о применении международного права и реализации прав человека в киберпространстве на основе фундаментальных принципов, чтобы сделать киберпространство безопасным и надежным. Неслучайно, что для разработки стандартов и передовых практик необходим подход с участием многих заинтересованных сторон, которые позволяют открыто и безопасно воспользоваться возможностями, предоставляемыми цифровой революцией. В настоящее время Франция обсуждает со своими государственными партнерами, а также с частным сектором и гражданским обществом конкретную роль и ответственность частных субъектов в укреплении стабильности и международной безопасности киберпространства.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ОТ ПРЕСТУПНОСТИ КАК ПРИОРИТЕТНЫЙ ОРИЕНТИР ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Лапин А.А.

канд. юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО
«Российского государственного университета правосудия»,
г. Краснодар

Современные мировые и отечественные криминогенные реалии, связанные с существенными качественными и

¹ URL : <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/securite-desarmement-et-non-proliferation/lutter-contre-la-criminalite-organisee/la-france-et-la-cybersecurite/>.

количественными изменениями преступности, наряду с ее внутренними закономерностями и взаимодействиями, одновременно свидетельствуют о довольно сложных и явных несоответствиях таким инновационным криминальным тенденциям сложившейся практике противодействия преступности. Естественно, правоохранительная практика, в известной мере, выступает отражением общей национальной уголовной политики, в основном традиционно на протяжении десятилетий ориентирующейся на репрессивный подход (в целом, нюансы отдельных постперестроечных лет незначительны) к преступности, как явлению подлежащему уничтожению. Собственно, проблема безопасности личности, общества, государства в этом случае оказывается, как бы, вторичной, то есть, на государственном уровне подразумевается, что активная борьба с преступниками, подавление криминального потенциала, реализуемого в преступных посягательствах, и есть главный путь достижения безопасности. Потому сегодня, как, собственно, и ранее в правоохранительной системе продолжает господствовать силовая позиция, основанная на необходимости сокращения числа преступлений. И этот ориентир, как правило, выступает главным показателем эффективной антикриминогенной практики полиции. При этом граждане, которым угрожает риск стать потерпевшими, а равно реально пострадавшие от уголовно наказуемых посягательств, нередко, остаются без какой-либо социально-правовой защиты. Более того, у них часто не оказывается возможности даже получить в результате подобных посягательств адекватную компенсацию как за необеспеченность государством безопасности от преступности, так и от понесенного ущерба. О традиционных страховых технологиях в данном случае речь не идет, поскольку таковые находятся, опять-таки, за пределами государственной правоохранительной деятельности.

Реагируя на такие противоречия, криминологическая наука закономерно стремится активно разрабатывать в своих недрах теорию криминологической безопасности. Она призвана создать научно обоснованную базу разрешения существующего противоречия между отмеченными сложившимися ориентирами правоохранительной деятельности и правоохранительными интересами общества, заслуживающего более высокой степени защищенности от преступности. Отсюда представляется вполне обоснован-

ной и потребность общества, а вместе с ним и государства, в формировании и воплощении новых, в том числе правоохранительных, стратегий обеспечения безопасности от преступности.

Представляется, что без научного обоснования таких стратегий, особенно формирующихся и реализуемых в деятельности органов внутренних дел, как лидера обеспечения общественного порядка и общественной безопасности в стране, вряд ли можно повседневно адекватно защищать общество от преступности. При этом, несмотря на то, что проблема криминологической безопасности позиционируется в отечественной криминологической науке в качестве самостоятельного перспективного направления научных исследований¹, нельзя не заметить, что существующий научный багаж обоснования и путей ее решения пока далек от правоохранительной практики. Кстати, и сама теория правоохранительной деятельности во всех своих научных отраслях, а уж тем более практика, к сожалению, не учитывают потенциал и реалий криминологической безопасности, а соответственно оказываются далекими от ее реального обеспечения.

Отсюда очевидная актуальность претворения в практической деятельности теории криминологической безопасности одновременно актуализирует разработку соответствующей стратегии ее реального обеспечения в деятельности главного субъекта правоохранения – органов внутренних дел. Конечно, такая стратегия предполагает решения самых широких задач в различных сферах функционирования нашего общества, так или иначе свя-

---

¹ В своих прошлых публикациях автор неоднократно подчеркивал высокое значение трудов известных российских криминологов Г.А. Аванесова, М.М. Бабаева, В.А. Плешакова, С.Я. Лебедева, Е.Н. Рахмановой и др., посвятивших свое научное творчество обоснованию и развитию в криминологической теории и правоохранительной практике идей криминологической безопасности. Определенные научные достижения в обосновании безопасности от противоправных угроз применительно к отдельным сферам жизнедеятельности содержатся также в трудах А.Б. Антонова, В.Г. Балашова, А.И. Васильева, В.А. Васильева, А.В. Виноградова, В.В. Гордиенко, А.В. Гыске, Н.Д. Казакова, И.Б. Кардашовой, С.А. Клименко, М.А. Лескова, А.С. Николайчука, В.Б. Рушайло, В.А. Прокофьева, Д.А. Симоненко, С.В. Степашина, В.И. Тепечина, С.Г. Шабанова, Л.И. Шершнева и др.

занных с осуществлением уголовной политики. И все же, прежде, она должна найти отражение в деятельности органов внутренних дел, призванных быть не просто субъектом, а стать гарантом обеспечения безопасности от преступности.

Оценивая сегодня такой правоохранительный ресурс, важно понимать, что объективное состояние защищенности личности, общества и государства от преступных посягательств, а равно состояние осознания общественным мнением защищенности от угроз таких посягательств, не будет иметь своего практического воплощения без создания научно обоснованных ориентиров формирования соответствующих такому приоритету стратегий правоохранительной деятельности. В свою очередь, такие стратегии должны быть положены в основу развития уголовной политики государства, определяющей своей главной стратегической целью реальное обеспечение охраны общественных отношений от преступности.

Целью стратегии обеспечения криминологической безопасности является, прежде всего, формирование такой правоохранительной, по своей прямой сути, деятельности органов внутренних дел, каковая была бы способной поддерживать социально приемлемый уровень безопасности общества от преступности. Достижение указанной цели осуществляется в результате применения целого комплекса согласованных мер, обусловленных стратегическими задачами обеспечения криминологической безопасности, каковыми видятся:

- формирование такой степени криминологической защищенности личности, общества и государства от преступных посягательств, при которой преступность во всех ее проявлениях не создавала бы серьезных препятствий для реализации населением основных жизненно необходимых интересов;
- минимизация уязвимости личности, общества, государства для криминальных рисков и преступных посягательств;
- формирование системы государственного обеспечения криминологической безопасности;
- оптимизация правоохранительной деятельности, направленной на минимизацию криминогенного потенциала источников угроз криминологической безопасности;
- активизация предупредительного потенциала правоохранительной деятельности.

Представляющая собой выработку основных критериев, отражающих социально приемлемое объективное состояние защищенности прав, обязанностей, свобод, законных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и угроз таких посягательств, разработка стратегии криминологической безопасности в деятельности органов внутренних дел должна учитывать не только показатели, характеризующие социально приемлемую криминальную обстановку в тот или иной период времени, на той или иной территории, но и, главное, – показатели, отражающие общественное мнение об этой обстановке, показывающие насколько население ощущает свою криминологическую безопасность, то есть свою защищенность от преступных посягательств и угроз таких посягательств.

Здесь важно иметь в виду, что снижение значений показателей преступности в целом и ее наиболее опасных видов, фиксируемое в официальной статистике в современный период, не отражает объективную тенденцию современной преступности, которая по результатам специальных исследований и оценки общественного мнения населения имеет очень высокую латентную составляющую, с тенденцией ее нарастания. Это приводит к неадекватной оценке реальной угрозы криминологической безопасности, дезориентирует поиск стратегических направлений обеспечения криминологической безопасности. Потому для оптимизации предупредительного правоохранительного воздействия на преступность, особенно органами внутренних дел, стратегически важно иметь объективную информацию о состоянии защищенности личности, общества и государства от преступности. В этом случае первоначально всегда необходимо руководствоваться результатами массовых опросов общественного мнения о степени испытываемых населением тревог перед потенциальными рисками подвергнуться преступным посягательствам, степени доверия в этих случаях органам внутренних дел и другим субъектам правоохранительной деятельности, а также о реальных преступных посягательствах в отношении личности, общества и государства, зафиксированных в массовом сознании, однако не нашедших в полном объеме своего отражения в правоохранительной (уголовно-правовой) статистике и следующей за ним практикой уголовного судопроизводства. Такая деятельность, направленная на изучение соответствующего общественного мнения должна обязательно сопровождаться его перманентным целе-

направленным формированием с учетом, опять-таки, целей, задач и принципов, лежащих в основе стратегий обеспечения криминологической безопасности.

Как и всякая стратегия, стратегия обеспечения безопасности от преступности, предполагаемая к реализации в деятельности органов внутренних дел, должна сопровождаться соблюдением определенных принципов. Таковыми, наряду с безусловным всеобщим принципом законности правоохранительной деятельности, представляются:

- приоритет защиты жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан от преступных посягательств перед силовым воздействием на преступность и преступников;

- системность и комплексность обеспечения криминологической безопасности в любой из сфер жизнедеятельности общества и государства;

- приоритет нейтрализации причин и условий преступлений (профилактика) перед иными этапами предупреждения преступности (предотвращение, пресечение);

- оперативность и адекватность правоохранительного реагирования на возникновение рисков и реальные угрозы криминологической безопасности;

- непрерывность профилактического воздействия на источники и субъектов асоциального поведения и антиобщественного образа жизни;

- взаимная ответственность граждан, общества и государства за состояние обеспечения криминологической безопасности;

- взаимодействие государственных структур, общественных организаций и граждан на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном и др.) в обеспечении криминологической безопасности;

- правоохранительная интеграция отечественных и зарубежных структур обеспечения криминологической безопасности;

- общественный и государственный контроль над системой обеспечения криминологической безопасности.

Вместе с тем, реализация органами внутренних дел стратегии обеспечения безопасности от преступности предполагает:

- подготовку программ криминологической безопасности на основе реализации программно-целевого подхода с учетом соответствующих потенциальных ресурсов (организационных, правовых, финансовых, материально-технических, кадровых и др.);

- определение, анализ и криминологическую оценку состояния источников криминальных угроз, их объема и характера проявления, возможных социальных последствий, разработку и реализацию мер их нейтрализации и минимизации;
- оценку состояний и тенденций развития криминологической безопасности в стране, отдельных ее регионах, сферах жизнедеятельности, отраслях экономики;
- формирование системы профессиональной подготовки сил и средств обеспечения криминологической безопасности;
- формирование системы компенсаторных мер криминологической безопасности, нацеленных на восстановление нарушенных в результате преступных посягательств общественных, государственных и личных прав и законных интересов, обеспечение неотвратимости уголовно-правовой ответственности лиц, совершивших преступления;
- формирование системы пропаганды криминологической безопасности.

Учитывая комплексность и системность общей стратегии безопасности от преступности, предполагается, что система ее обеспечения должна включать в себя взаимосвязанные между собой сопутствующие подсистемы:

- стратегии сдерживания угроз криминологической безопасности, в качестве которых выступает в целом вся преступность, а также отдельные виды преступности и конкретных преступлений. Основным критерием стратегии сдерживания глобальной преступности является критерий соразмерности качества и масштаба криминальных угроз и принимаемых в отношении их ответных правоохранительных мер;
- стратегии воздействия на личность преступника, как носителя, субъекта криминальной угрозы. Она в основном направлена на совершенствование системы выявления и привлечения преступников к уголовной ответственности, исполнения наказания и ресоциализации ранее судимых лиц в целях снижения рецидива преступлений;
- стратегии воздействия на источники угроз криминологической безопасности, а именно на криминогенные факторы. Эта стратегия во многом связана с реализацией социальной политики государства;

– стратегии предупреждения преступлений, которая применительно к теории криминологической безопасности рассматривается как стратегия предупреждения криминальных угроз. Эта стратегия предусматривает разработку мер по оказанию сдерживающего, нейтрализующего, в целом превентивного воздействия на криминальные угрозы;

– стратегии защиты объектов криминологической безопасности. Выступает стержневой стратегией в рамках обеспечения криминологической безопасности, поскольку именно эта стратегия предполагает перенос центра тяжести с традиционного воздействия на преступность и преступника на реальную защиту личности, общества, государства от преступных посягательств;

– стратегии виктимологической профилактики направлена на минимизацию потенциальной виктимности личности и нейтрализацию перерастания этой потенциальной виктимности в реальную, развитие противовиктимных технологий в предупреждении преступности.

Наконец, стратегия обеспечения криминологической безопасности в деятельности органов внутренних дел должна стать неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности, которая призвана оказывать воздействие на угрозы, исходящие от преступности, снижая и нейтрализуя их общественную опасность и защищая от их воздействий личность, общество, государство. Это предопределяет перспективу определения в Законе о безопасности ее криминологических аспектов, связанных с обеспечением государственного и общественного контроля над преступностью, процессами и явлениями, ее детерминирующими и сдерживающими. При этом, разумеется, необходимо законодательное закрепление объектов и субъектов обеспечения криминологической безопасности, их задач и функций, прав и обязанностей, ответственности за необеспечение безопасности государства, общества, личности от преступности. Такая законодательная регламентация призвана создать правовую основу криминологического обеспечения национальной безопасности России.

НОВЫЕ ВЕКТОРЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, УЛИЧЕННЫХ ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Шумаков С.А.

старший преподаватель кафедры уголовного права,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар

Коррупция как явление, появившееся одновременно с образованием государства, продолжает существовать и в наши дни, нанося огромный экономический и репутационный ущерб нашей стране.

Выработка экономических, административно-правовых, уголовно-правовых, а также организационных мер по противодействию коррупции – одно из приоритетных направлений государственной политики.

На первом этапе удалось принять основной документ – Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹, а в Уголовном кодексе РФ² появились более четкие составы преступления коррупционной направленности и обновлены санкции за их совершения. В дальнейшем были приняты федеральные законы и указы Президента РФ о декларировании доходов и расходов государственными и муниципальными служащими и членами их семей; о судебном порядке изъятия незаконно нажитого коррупционным правонарушителем активов (недвижимого имущества, ценных бумаг и т.д.). В июне 2020 г. противодействие коррупции вышло на конституционный уровень – в Конституцию РФ были внесены поправки, запрещающие лицам, замещающим государственные должности, иметь денежные средства и финансовые активы за рубежом. За совершение проступка, в том числе коррупционной направленности, могут быть

---

¹ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. 30.12.2008. № 266.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

отправлены в отставку председатели и заместители председателей апелляционных и кассационных судов и так вплоть до Верховного и Конституционного суда РФ.

Анализ правоприменительной практики показал, что следует пересмотреть отдельные положения уголовной политики в отношении лиц, уличенных в совершении коррупционных преступлений и, в частности, получении взяток.

Во-первых, доказано, что многомиллионные штрафы за получение взяток никакого воздействия на преступников не возымели. И наполняемость федерального бюджета не произошла. Преступник фактически останется «вечным» должником перед государством. Выплатить 100–200 миллионов рублей практически невозможно. При условии, что органами прокуратуры приняты меры по изъятию незаконно нажитого имущества в доход государства.

Яркий тому пример, упоминавшийся в недавнем докладе Генерального прокурора РФ И.В. Краснова – уголовное дело бывшего главы Клинского муниципального района Московской области Постриганя Александр Николаевича, приговоренного к 15 годам лишения свободы, штрафу в 115 миллионов рублей. У него, членов семьи и аффилированных физических и юридических лиц изъято имущество на 8 миллиардов рублей.

Выплатить государству многомиллионный штраф осужденный не сможет!

В отдельных случаях необходимо заменять денежные штрафы на длительные работы по тем профессиям и должностям, которые вакантны на рынке труда. Например, по уборке помещений, разнорабочих и т.д.

Во-вторых, как отмечает в своем докладе Генеральный прокурор РФ, «...Требуют совершенствования и правовые нормы о мелком взяточничестве, которое все чаще стало приобретать характер криминального бизнеса, когда такие незаконные действия совершаются на регулярной основе и в организованных формах, а средства уголовно-правового воздействия, применяемые в подобных случаях, недостаточны»¹.

---

¹ Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка в 2020 году и о проделанной работе [Электронный ресурс]. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=61267146> (дата доступа 20.05.2021 г.).

Следует согласиться с теми исследователями, которые предлагают дифференциацию уголовной ответственности за получение взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, и за дачу взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, которая обусловлена различием механизмов и мотивов совершения таких деяний, а также лиц, их совершивших, что в совокупности требует выделения индивидуальных квалифицирующих признаков обсуждаемых преступных деяний¹.

Необходимость отнесения к преступлениям небольшой тяжести лишь тех многоэпизодных фактов получения, дачи мелкой взятки (два и более факта), суммарный размер (стоимость) предмета которых не превышает десяти тысяч рублей, и назначения более строгого наказания за получение мелкой взятки от двух и более лиц, при условии, что должностное лицо совершает отдельное действие, обусловленное взяткой в отношении каждого из них, а суммарный размер взяток превышает сумму в десять тысяч рублей.

Наконец в-третьих, нельзя, к сожалению, согласиться к появлению в нашем законодательстве норм об освобождении от наказания за получение нарушение законодательства о противодействии коррупции, в том числе подобные случаи видимо будут распространятся и на получение взятки при чрезвычайных ситуациях, не зависящих от воли лица, замещающего государственную или муниципальную должность, являющегося государственным (муниципальным) служащим. Внесенный Правительством РФ законопроект², успешно прошедший в Государственной Думе РФ первое чтение, вызвал широкое общественное обсуждение и критику со стороны научного сообщества. Во-первых, бросается в глаза отсутствие какой-либо объективной необходимости в принятии подобного закона. В пояснительной записке к законопроекту не дается внятного обоснования необходимости принятия изменений в ст. 13

---

¹ Бикбаев И.Г. Основания дифференциации уголовной ответственности за взяточничество // Новый юридический вестник. 2019. № 6 (13). С. 24–26; Можина О.Ю. Предупреждение мелкого взяточничества в социальной сфере : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 31 с.

² Проект Федерального закона № 1078992-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования мер ответственности за коррупционные правонарушения» (внесен Правительством РФ) [Электронный ресурс]. URL : https://sozd.duma.gov.ru/bill/1078992-7#bh_histras (дата доступа 20.05.2021 г.).

Федерального закона о противодействии коррупции и ещё в целый ряд федеральных законов. В подобных случаях обычно ссылаются на зарубежный опыт или отечественную судебную практику. Вводя институт освобождения от преследования за совершение коррупционного проступка либо преступления при чрезвычайных обстоятельствах, важно объяснить причины принятия соответствующих поправок, назвать конечную цель принятия изменений в действующее антикоррупционное законодательство. На данный момент официальные представители Правительства РФ, доказывающие необходимость принятия закона, не смогли назвать ни одного случая осуждения лица либо увольнения со службы за совершение коррупционного проступка в условиях чрезвычайной ситуации. А таких ситуаций в течение года в стране происходит огромное множество (пожары в лесах, наводнения и т.д.).

На взгляд автора, во-первых, в Уголовном кодексе РФ уже имеются положения, позволяющие представителям правоохранительной системы, судебскому корпусу дифференцированно подходить к оценке каждого совершенного деяния, учитывать все обстоятельства совершения преступления либо проступка коррупционной направленности и выносить справедливый приговор. Во-вторых, законодательные акты о государственной и муниципальной службе обязывают представителя органа государственной власти (местного самоуправления) объективно, полно и всесторонне изучить обстоятельства, при которых лицо совершило коррупционный проступок, выяснять причины нарушения запретов и ограничений и принимать справедливое решение о наложении дисциплинарного взыскания. Соответственно, государственному (муниципальному) служащему уже сейчас предоставлена возможность в административном (посредством обращения к вышестоящему должностному лицу) либо в судебном порядке оспорить принятое решение, не соглашаясь как с обвинениями о совершении коррупционного проступка, так и с жесткостью наказания.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НЕПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОТКАЗ СВИДЕТЕЛЯ ОТ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ

Клюев А.А.

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар

В качестве одного из опасных деяний, которое включается в число посягательств на нормальную деятельность органов государственной власти занимающихся расследованием и рассмотрением уголовных дел, включен отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (статья 308 УК РФ). Как подчеркивают А.И. Киселев и Е.С. Леханова данное преступное посягательство: «Подрывают принцип неотвратимости уголовного наказания за совершенные преступления, закрепленный в уголовно-процессуальном законе в качестве требования уголовного преследования и назначению виновным справедливого наказания»¹. Виновные лица, своими противоправными и осознанными действиями препятствуют выяснению всех обстоятельств совершенного преступного посягательства, установлению и задержанию лица, совершившего преступление. Все это создает определенные сложности в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, что свидетельствует о высокой общественной опасности рассматриваемого преступления.

Однако, законодатель, предусматривая уголовную ответственность за отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний, регламентирует и ситуацию при которой деяние, запрещенное статьей 308 УК РФ, признается правомерным поведением. Об этом можно судить исходя их содержания примечания к статье 308 УК РФ. Упомянутое примечание предполагает, что лицо (причем в широком смысле, так как в полной мере может распространяться как на свидетеля, так и на потерпевшего) не подлежит уголовной за

---

¹ Киселев И.А., Леханова И.С. Расследование отымания преступных доходов: рекомендации для следователей. М., 2011. С. 211.

отказ от дачи показаний в отношении самого себя, своего супруга или близкого родственника. О правомерности действий лица, указанного в диспозиции статьи 308 УК РФ, или факта разрешения ему выполнения запрещенного поведения (имеется в виду само право на отказ от дачи показаний) свидетельствует фраза «не подлежит уголовной ответственности». В связи с такими правовыми последствиями вопрос пристанного изучения примечания к статье 308 УК РФ приобретает важное значение, ведь от этого зависит конечный итог оценки поведения лица – привлечения или не привлечения его к уголовной ответственности.

Рассматриваемая нами ситуация носит комплексный межотраслевой характер, так как требует учета положений Конституции РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, Гражданско-процессуального кодекса РФ и иных нормативных правовых актов.

В науке уголовно-процессуального права отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний рассматривают в качестве иммунитета. При этом следует учитывать, что его связывают, чаще всего, со свидетелем и называют свидетельским. Такое положение непосредственно вытекает из норм УПК РФ (пункт 40 статьи 5), где указывается следующее: «Свидетельский иммунитет – право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом»¹. Так как показания свидетеля характерны и для иных видов судопроизводства, то вопрос о распространении данного понятия возникает во всех этих разновидностях. Вместе с тем, в отличие от УПК РФ сам по себе термин «свидетельский иммунитет» в рамках конституционного, гражданского, арбитражного и административного судопроизводства не используется, а указывается лишь на перечень лиц, которые вправе отказаться от дачи показаний свидетеля (пункт 1–3 части 4 статьи 69 ГПК РФ, часть 6 статьи 56 АПК РФ, часть 3 и 11 статьи 51 КАС РФ).

Однако, все процессуальные законодательные акты в обязательном порядке ссылаются на конституционные положения в части права лица на отказ от дачи показаний, как основного (базового) права человека. В частности, часть 1 статьи 51 Конститу-

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 года № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; Российская газета. № 72. 2020. 3 апреля.

ции РФ провозглашает следующее: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга, и близких родственников, круг которых определен федеральным законом»¹. Данная норма разъясняется всем лицам, дающим показания в качестве свидетеля, в рамках всех без исключения судопроизводств. Если такое положение отсутствует, то это следует рассматривать как нарушение конституционных прав человека с соответствующей правовой оценкой.

Важным и сложным обстоятельством, которое позволяет отказываться от дачи показаний, является определения круга лиц, на которых данный отказ может распространяться. Это перечень несколько отличается в различных правовых актах. Если обратиться к Конституции РФ, то к ним относится сам свидетель, если сведения, которые он должен сообщить в той или иной части касаются его самого и могут в определенной части затронуть его правовой статус, супруг (супруга), а также близкие родственники, круг которых определен федеральным законом, если сведения содержат информацию о них. При этом Конституция РФ предполагает установление и иных участников, которые вправе отказаться от дачи показаний, при наличии соответствующего указания в федеральном законе, что и имеет место в нормах различных процессуальных актов. Таким образом следует рассмотреть конкретные процессуальные акты для анализа субъектов, имеющих право на отказ от дачи показаний в качестве свидетеля, и соответственно не подлежать уголовной ответственности по статье 308 УК РФ.

Наиболее часто вопрос о свидетельских показаниях, при которых может возникать право на отказ от их дачи, возникает в рамках уголовного судопроизводства. Помимо того, что в УПК РФ непосредственно используется термин свидетельский иммунитет, так в нем еще и указывается круг лиц, которые могут на законных основаниях отказаться от дачи показаний и не подлежать уголовной ответственности по статье 308 УК РФ. В пункте 1 части 4 статьи 56 УПК РФ свидетелю наряду с иными правами предоставляется возможность (в иных процессуальных актах

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята на референдуме 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета. 1994. 25 января.

право на отказ от показной закреплено в самостоятельной части) отказаться от дачи показаний (свидетельствования) против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников. Тем самым законодатель выделяет, как собственно и Конституция РФ, три блока субъектов: самого лица, его супруга (супруги) и близких родственников. При этом удивляет содержание пункта 4 статьи 5 УПК РФ, где близкими родственниками признаются: «Супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки». Супруги, как правило, не являются родственниками, что и подтверждается нормами законодательства с выделением их в самостоятельную категорию лиц, имеющих право на отказ от дачи показаний. Самостоятельно супруги указываются и в примечании к статье 308 УК РФ. В связи с этим повторное указание в пункте 4 статьи 5 УПК РФ на супругов в качестве близкого родственника представляется неправильным.

Что касается перечня близких родственников, которые составляют третью группу лиц, имеющих право на отказ от дачи показаний в качестве свидетеля, то он вполне выверен и обоснован близостью родства, как по восходящей, так и по нисходящей линии. Важно понимать, что не имеет значение, являются ли родители, дети, родные братья (сестры) кровными или признанными таковыми в силу решения государственных органов (усыновление (удочерение)). Обращает на себя внимание, что здесь используется именно родство, а не свойство (родственники супруги (супруга)), даже несмотря на то, что они совместно проживают со свидетелем. Они даже не составляют близких лиц, так как напрямую исключены в пункте 3 статьи 5 УПК РФ. Такое положение представляет не совсем правильным. Дача свидетельских показаний против лиц, находящихся в свойстве может приводить к расторжению браков и иных неблагоприятных семейных последствий, что и пытается избежать законодатель, создавая свидетельский иммунитет.

Наряду с рассмотренным выше положением о праве на отказ от дачи свидетельских показаний уголовно-процессуальное законодательство содержит и положение о том, что часть лиц не могут подлежать допросу в качестве свидетеля. Получается, что для отказа от дачи показаний, сами свидетели, супруги и близкие родственники должны явиться в правоохранительные органы и заявить о своем нежелании давать показания. При этом они могут и давать

показания, то есть отказаться от своего права, что достаточно принципиально. Что касается лиц, которые не подлежат допросу, то исходя из грамматического толкования получается, что следователь, дознаватель или судья (суд) не должны их в принципе вызывать и пытаться допрашивать. Однако, если обратиться к части 3 статьи 56 УПК РФ, то запрет на допрос определенных лиц носит не универсальный характер, как у лиц, находящихся в родстве, а ограниченный, обусловленный выполняемыми ими действиями, что требует еще выяснения и установления данного обстоятельства в ходе личной беседы. В частности, ограниченный запрет на допрос установлен в отношении судьи, присяжного заседателя, адвоката, защитника подозреваемого, обвиняемого, священнослужителя, члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы, должностного лица налогового органа. При этом в части членов Совета Федерации и депутатов Государственной думы имеется указание на отсутствие их согласия, что предполагает возможность и дачи ими показаний. На наш взгляд, часть 3 статьи 56 УПК РФ не согласуется с положениями Конституции РФ, которая, хотя и предусматривает расширение перечня лиц (часть 2 статья 51), имеющих право на отказ от дачи показаний, но, что самое принципиальное, именно на отказ, а не на запрет их допроса.

Деление лиц на имеющих право отказаться от дачи свидетельских показаний и неподлежащих вызову в качестве свидетелей содержится и в иных процессуальных актах. В частности, Кодекс административного судопроизводства РФ устанавливает самостоятельный перечень лиц, которые не могут быть вызваны в суд для дачи показаний (часть 3 статьи 51 КАС РФ), а также перечень лиц, которые могут отказаться от дачи показаний (часть 11 статьи 51 КАС РФ)¹. Обращает на себя внимание детальность регламентации лиц, имеющих право на отказ от дачи показаний по сравнению с уголовно-процессуальным законодательством в части опекунов, попечителей, братьев, сестер. При этом члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы в КАС РФ включены в число лиц, имеющих право на отказ от дачи показаний, а не в число лиц, не подлежащих вызову. Перечень лиц, имеющих право на отказ от дачи показаний, в КАС РФ, по сравнению с УПК РФ, дополнен еще и Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации,

---

¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 года № 21-ФЗ (ред. от 27.12.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391; 2019. № 52 (часть I). Ст. 7812.

уполномоченным по правам человека в субъекте Российской Федерации, Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, уполномоченным по правам ребенка в субъекте Российской Федерации.

КАС РФ дополняет перечень лиц, которые не подлежат допросу в качестве свидетелей, по сравнению с УПК РФ указанием на: представителей и защитников по уголовному делу, по делу об административном правонарушении, представителей по гражданскому делу, по административному делу; представителей лиц, участвовавших в проведении примирительной процедуры, посредников, в том числе медиаторов, судебных примирителей; судей, присяжных или арбитражных заседатели; священнослужителей религиозных организаций, прошедших государственную регистрацию (часть 3 статьи 51 КАС РФ). Однако закон устанавливает условия такого запрета на допрос, как и применительно к уголовному судопроизводству, что вполне оправданно. Обращает на себя внимание расширение данных лиц, что обусловлено спецификой субъектов правоотношений, связанных с вопросами административного судопроизводства, а также то, что закон допускает и расширение его – другие лица, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей в соответствии с федеральным законом или международным договором Российской Федерации (пункт 4 части 3 статьи 51 КАС РФ).

Практически схожее положение наблюдается и в гражданско-процессуальном законодательстве. В части 4 статьи 69 ГПК РФ установлен практически аналогичный с КАС РФ перечень лиц, имеющих право отказаться от дачи свидетельских показаний, но несколько ограниченный перечень лиц, которые не могут допрашиваться в качестве свидетелей (представители по гражданскому или административному делу, или защитники по уголовному делу, делу об административном правонарушении, или медиаторы, судебные примирители; судьи, присяжные или арбитражные заседатели; священнослужители религиозных организаций, прошедших государственную регистрацию; арбитры (третейские судьи)¹).

Наука уголовного права достаточно давно предлагает расширить перечень субъектов, имеющих право на отказ от дачи показа-

---

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 года № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

ний, за счет лиц, находящихся в фактических брачных отношениях (сожителях, не оформивших свои отношения в соответствии с семейным законодательством). Часть отечественных ученых предлагают распространить и на них право отказаться от дачи показаний, наряду с супругами, в виду равного нравственного фактора поддерживая своего близкого лица¹, к тому же это нашло определенное отражение и в УПК РФ (пункт 3 статьи 5 УК РФ). Другие же полагают, что такое положение не основано на уголовном и ином законодательстве, так как в этой части действует строгое соблюдение закона и расширение перечня лиц, позволяющего избежать уголовной ответственности, не должно быть². Разница позиций обусловлено тем, что последние констатируют существующее положение дел, а первые предлагают изменить подход с учетом объективных обстоятельств, одинаковых при заключении брака и при осуществлении фактических брачных отношений.

Таким образом, вопрос об отказе свидетеля от дачи показаний является сложным, требующим межотраслевого анализа, который позволяет правильно и четко применить примечание к статье 308 УК РФ в части исключения уголовной ответственности.

ОТРАЖЕНИЕ В УГОЛОВНОМ НАКАЗАНИИ ПРИНЦИПАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ОБЫЧНОГО ПРАВА

Петровский А.В.

канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар

Традиционные (обычные) нормы общества поддерживают извечное стремление человека руководствоваться в сво-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С.И. Никулина. М., 2000. С. 959.

² Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. М., 2008. С. 224.

ей жизни принципами, основанными на различение добра и зла, потому что никакой народ не может существовать без этнических правил, регулирующих межличностные отношения¹. В 60-х годах XIX в. правоведами велась оживленная дискуссия по поводу роли обычая (традиции) и целесообразности его изучения учеными для применения судебными органами. В литературе представлено множество вариантов, определяющих понятие «традиция (обычай)», но большая часть этих определений составлены представителями исторического и культурологического научного направления. Русские правоведы И.А. Покровский, Г.Ф. Шершеневич, к указанным социальным нормам относили народные воззрения, выражающие этнокультурное правосознание, применяемые на практике вследствие долговременной привычки к ней у населения². В современный период научная точка зрения не изменилась, в правовой литературе понятие традиции (обычая) в целом определяется как общее правило, возникшее в результате постоянного воспроизводства конкретных образцов поведения, действующие в пределах данного сообщества в отношении всех, кто к нему относится³.

Как известно, обычаи и традиции, являясь одним из древнейших средств и методов воздействия на поведение индивидуума, отражают исторически сложившуюся национальную культуру и национальный характер того или иного народа. Нормы обычного права – это сложный синтез исторически сложившихся, тесно связанных друг с другом установлений, в качестве которых выступают нормы поведения, ценности, обряды, традиции, которые распространяются на область социальных явлений тесно связанной с этническими группами. Эти требования (нормы) достаточно жизнеспособны и устойчивы, они влияют на дальнейшее развитие последующих поколений, выполняют функцию сохранения и передачи опыта, навыков, культурных достижений, немного видоизменяясь в зависимости от объективной действительности и материальных потребностей.

Иностранные ученые, чья область научных исследований юридическая антропология, объединяют нормативные установ-

---

¹ Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия: Проблемы нравственной философии. М., 1989. С. 66.

² Покровский И.А. История римского права. СПб., 1998. С. 52.

³ Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски решения. М., 2002. С. 284.

ления обычного права и традиций в одну систему – «customary law», «folk law»¹. В России обычное право и традиции принято различать, понимая под первыми – совокупность правил поведения, ставших внутренним убеждением членов традиционного общества, рассматриваемые как непреложные, отстаивающие интересы этноса в целом, этнокультурные ценности, этническую солидарность, разъясняющие категорию справедливости внутри социума². Часто термин «обычай» отождествляется с терминами «обряд», «ритуал», но иногда и с понятием «традиция»³. Традиция применяется для объяснения социальных нормативных установок, ставших основой поведения населения и получивших более широкое распространение в социальной или культурной жизни общества и является привычным для ее членов⁴.

Для Российской Федерации, как многонационального государства, использование антикриминального потенциала традиционных (обычных норм) может способствовать усовершенствованию законодательной и правоприменительной системы предупреждения преступлений. У целого ряда народов проживающих в Приволжском, Северокавказском, Южном федеральных округах России исторически сложившиеся традиции (обычаи) играют важную роль в их социализации и жизнедеятельности⁵. Некото-

---

¹ Bennett T.W. A sourcebook of African customary law for Southern Africa. 1st ed. Cape Town. 1991. 484 p.; Folk Law: Essays in the Theory and Practice of Lex Non Scripta: Volume II / edited by A. Dundes, Routledge, 1994. 454 p.; Traditional justice and reconciliation after violent conflict : learning from African experiences / editors: L. Huyse, M. Salter. Stockholm, 2008. 203 p.

² Валеев Д.Ж. Обычное право и начальные этапы его генезиса // Правоведение. 1974. № 6. С. 72.

³ Зыкин А.В., Туфанов А.О. К вопросу о формировании понятий национальная и этническая культура и особенности их контента // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. № 38. С. 344–349; Перегожина Г.В. Уголовно-правовое регулирование реализации народных обычаев : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2018. С. 23–24.

⁴ Чотонов А. О национальных традициях народов Средней Азии. Фрунзе. 1964. С. 15–16; Хидирбирдиев Р.Я. К вопросу о соотношении традиций и обычаев // Вектор науки ТГУ. 2011. № 1 (4). С. 115–117.

⁵ Баранов П.П., Овчинников А.И. Правовая этнология современное самостоятельное направление в отечественной юридической науке // Философия права. 2002. № 2. С. 5–15.

рые традиции (обычаи) имеют приоритетное значение по сравнению с действующим законодательством, потому что их соблюдение обеспечено общественным принуждением и оценочным критерием принадлежности к этносу.

Любая нормативная система, и традиционная в том числе, состоит из определенных императивно-атрибутивных установок и из определенных символов (обрядов, эмблем, священных вещей), которые придают реальность объективируют социальную норму. Важным критерием в этой системе является критерий справедливости – справедливость уголовного наказания, справедливость уголовной ответственности, справедливость ограничений и лишений, применяемых к осужденным за соответствующие преступления.

Кризис справедливости четко прослеживается в проблемах уголовного наказания. Уголовное наказание, в течение тысячелетий предназначенное выполнять функцию сдерживания, сокращения преступности, в настоящее время не эффективно, не выполняет возлагаемых на него задач¹. Собственно, уголовное наказание есть средство достижения возмездия одновременно индивидуального и государственного. Уголовное наказание является мерилем справедливого правосудия в глазах общества, не погруженного в проблематику новаций УК РФ последних 15 лет. Общественное мнение оценивает опасность деяния и те меры уголовно-правового воздействия, которые были применены к виновному за совершенное преступление, делая выводы о справедливости и эффективности правоохранительной системы. Казуальная нормативность присутствующая в системе уголовных наказаний создает сложности для легального уголовного судопроизводства, порождая факты «неформальной юстиции» и самосуда².

Реализация принципов справедливости в результате уголовно-правовой защиты жизни, достоинство личности, психической, физической неприкосновенности индивида не соответствует социальным ожиданиям. Начало было положено после утраты статьями

---

¹ Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. Oxford University Press, 2003. 324 p.

² Милуков С.Ф. Бессистемность как неотъемлемое свойство отечественной уголовно-правовой политики // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2007 г.). М., 2007. С. 271–273.

129 и 130 УК РФ их силы, не смотря на важное профилактическое содержание защиты чести и достоинства карательными средствами¹. Далее, происходит декриминализация побоев, повлекшая рост безнаказанного насилия со стороны склонных к агрессивному поведению лиц. Законодатель отказался от внесения квалифицирующего признака – совершение деяния в отношении двух и более лиц в соответствующие части ст.ст. 115, 116, 119 УК РФ. В нарушение принципа равенства перед законом были установлены разные режимы уголовно-правовой охраны жизни, здоровья, физической неприкосновенности, чести и достоинства для представителей различных социально-профессиональных групп, где степень защиты представителей власти, военнослужащих (317, 318, 333–335, 336 УК РФ) значительно выше, чем у «обычных» жертв преступных посягательств против личности². Специалисты обращают внимание на системные проблемы в реализации уголовно-правового запрета посягать на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну³. Крайне затрудняет обеспечение психической и физической неприкосновенности индивида, отнесение к делам частного и частно-публичного обвинения (ч. 2, 3 ст. 20 УПК РФ) следующих уголовно-правовых норм – ч. 1 ст. 115; 116; ч. 1 ст. 128; 116; ч. 1 ст. 131 и 132; ч. 1 ст. 137; ч. 1 ст. 138; ч. 1 ст. 139. Сложно обстоит дело с нормами Особенной части УК РФ содержащих критерий называемый двойной превенцией (ст. 112; 115; 116; 119; 128; 137; 138; 139; 145; 151; 152; 213; 222; 221; 223; 228; 228; 228; 230

---

¹ Лобанова Л.В. О некоторых новеллах уголовного законодательства и балансе форм и методов уголовно-правовой политики // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 г.). М., 2012. С. 145–150.

² Рахманова Е.Н. Об оптимизации уголовно-правовой охраны личности // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 г.). М., 2012. С. 239–244.

³ Папеева К.О. Некоторые проблемы уголовно-правовой охраны права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 г.). М., 2012. С. 214–218.

УК РФ), которые должны устранять условия и обстановку совершения более тяжких преступлений¹.

Нарушает идею справедливости складывающаяся ситуация в сфере либерализации экономической преступной деятельности, которая выражается в динамике правовых иммунитетов, классовом подходе при назначении наказания и смягчение уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности². Население не понимает всю казуистичную проблематику криминализации (декриминализации) противоправного поведения субъектов экономической деятельности, но постоянно сталкивается с обманом, обвешиванием, обсчетом, введением в заблуждение, злоупотреблением правом со стороны лиц, оказывающих коммерческие услуги и поставляющие товары. Государство равнодушно смотрит на массово распространяющееся ростовщичество, неисполнение договорных обязательств, присвоение имущества участниками договорных отношений и не может предложить эффективные легальные способы защиты нарушенных прав гражданам, либо предупреждения таких деяний, предлагая им разрешать возникшие «споры» в гражданском судопроизводстве.

В заключение необходимо отметить, что игнорирование справедливости как критерия обычного права, для конкретных этносов, в области предупреждения преступлений исключает сакральность государственной власти, позволяющую манипулировать сознанием с целью формирования положительного образа государства, его институтов, социального принуждения, юридической ответственности. Священность отдельных форм предупреждения преступлений (института уголовного наказания) будет генерировать авторитетность, рационально обоснованное уважение к власти.

---

¹ Побегайло Э.Ф. Проблема гуманизации российского уголовного законодательства в современных условиях // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 г.). М., 2011. С. 407–411.

² Клейменов И.М. Сравнительно-исторический анализ условий перехода к устойчивому развитию уголовного законодательства в России // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 г.). М., 2011. С. 434–436; Милюков С.Ф. Возможно ли устойчивое развитие Российского уголовного права? // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 г.). М., 2011. С. 576–580.

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Григорьев А.Н.

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права,
Крымский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Симферополь

Огородников А.В.

магистрант, Крымский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Симферополь

Целями уголовного наказания, в соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ являются восстановление социальной справедливости, а также исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Согласно ч. 1 ст. 49 УК РФ обязательные работы заключаются в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ. Вид обязательных работ и объекты, на которых они отбываются, определяются органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями¹.

Обязательные работы имеют высокую эффективность карательного воздействия, поскольку требуется выполнения, как правило, не престижные виды работ, таких как уборка территорий и помещений, облагораживание улиц и других публичных мест и т.д.

По мнению А.И. Рарога, карательное действие этого вида наказания выражается в лишениях и ограничениях, претерпеваемых осужденным в процессе его исполнения (увеличение продолжительности рабочего дня за счет сокращения времени отдыха; непрерывность исполнения наказания даже во время очередного отпуска по основному месту работы; безвозмездность труда;

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

его неквалифицированный характер; психологический дискомфорт, связанный с судимостью; и т.п.)¹. Нельзя с ним не согласиться, данный вид наказания оказывает высокое нравственное влияние на осуждённых.

Например, несовершеннолетние осуждённые к обязательным работам считают избранную меру унижительной и зачастую уклоняются от её исполнения или предпочитают иное наказание, вплоть до реального лишения свободы².

Как усматривается из статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, к обязательным работам было осуждено за 2016 год 19,17 %, за 2017 год 18,56 %, за 2018 год 17,63 % от общего числа осуждённых³. Наблюдается постепенное уменьшение количества лиц, осуждённых к обязательным работам.

В ряде зарубежных стран обязательные общественные работы предусматриваются не только в качестве основного наказания, но и в качестве дополнительного наказания. Так, уголовное законодательство Испании предусматривает возможность применения обязательных общественных работ в качестве основного, так и дополнительного вида наказания⁴.

По нашему мнению, назначать обязательные работы возможно не только в качестве основного вида наказания, но и в качестве дополнительного, в особенности при условном осуждении к лишению свободы.

Анализируя перспективы назначения обязательных работ в качестве дополнительного вида наказания, следует отметить следующее. После отбытия основного наказания, например, в виде лишения свободы либо при условно-досрочном освобождении, осуждённый сразу приступает к выполнению обязательных работ, что положительно отразится на ресоциализации. Как указывалось ранее, при выполнении не престижных работ, осуждённый

---

¹ Рарог А.И. Уголовно-правовое воздействие : монография. М. : Проспект, 2015. 162 с.

² Козлова В.А. Вид наказания, назначаемого несовершеннолетним за преступление: обязательные работы // Academy. 2019. № 6 (45). 83 с.

³ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

⁴ Шарафеев Т.А. Зарубежный опыт применения обязательных работ // Science Time. 2019. № 4 (64). 24 с.

фактически будет поставлен перед выбором, повысить свой нравственный уровень и отбыть дополнительное наказание в виде обязательных работ, либо уклоняться от его отбывания, в связи с чем, обязательные работы могут быть заменены на лишение свободы, а условно досрочное освобождение может быть отменено.

Таким образом, обязательные работы в качестве дополнительного наказания существенно повышают эффективность основного наказания, и выступают своеобразным индикатором, разграничивающего осужденных на желающих и не желающих встать на путь исправления. При этом, осужденные не желающие встать на путь исправления будут вынуждены вернуться в места лишения свободы.

В научной литературе часто встречается мнение о необходимости гуманизации уголовно-правовых отношений, увеличение практики назначения наказаний в виде обязательных работ, как альтернативы лишению свободы^{1,2}

Кроме того, один из авторов высказывает позицию относительно назначения обязательных работ в качестве основного вида наказания не только в отношении лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, но и в отношении лиц, совершивших впервые тяжкое преступление³.

Следует отметить, что согласно статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, суды уже назначали обязательные работы в качестве основного наказания не только за совершение тяжких преступлений, но и за особо тяжкие преступления в порядке ст. 64 УК РФ. Так, в 2016 году к обязательным работам за совершение тяжких преступлений было осуждено 377 лиц, за особо тяжкие преступления осуждено 5 лиц. В 2017 году к обязательным работам за

---

¹ Самойленко М.В., Рудый Н.К. Обязательные и исправительные работы: их некоторые пути оптимизации порядка исполнения наказания // Научный электронный журнал Меридиан. 2019. № 8 (26). С. 45.

² Петровская В.В. Обязательные и исправительные работы как вид наказания // Пермский период. Сборник материалов VI Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов. 2019. С. 159.

³ Микаелян С.А. Совершенствование уголовного законодательства о наказаниях в виде обязательных работ, исправительных и принудительных работ: взгляд на проблему // Пробелы в Российском законодательстве. 2014. № 5. С. 191.

совершение тяжких преступлений было осуждено 483 лица, за особо тяжкие преступления осуждено 7 лиц¹.

Такой подход не противоречит Стандартным минимальным правилам Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийским правилам), принятых Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/110, согласно которым государства-члены разрабатывают меры, не связанные с тюремным заключением, в рамках своих правовых систем с целью обеспечения других возможностей, сокращая тем самым применение тюремного заключения, и с целью рационализации политики в области уголовного правосудия с учетом необходимости соблюдения прав человека, требований социальной справедливости и потребностей правонарушителя в отношении возвращения к нормальной жизни в обществе².

Как указывает Курманова О.Н., сегодня лишение свободы отбывают и те лица, которые могли бы быть исправлены более мягкими наказаниями, что противоречит не только принципам уголовного права, но и букве уголовного закона³.

Анализируя мнения вышеперечисленных авторов, следует отметить, что назначение наказания в виде лишения свободы, в особенности за впервые совершенное преступление, не всегда носит положительный характер, поскольку содержание осужденных весьма обременительно для государства и нарушает полезные социальные связи осужденного, отрицательно влияет на личность осужденного.

По нашему мнению, в России необходимо активнее назначать наказание в виде обязательных работ, как альтернативе лишения свободы, в том числе за совершение впервые тяжкого преступления, за исключением преступлений против личности, общественной безопасности и общественного порядка. Таким образом, назначение обязательных работ вместо лишения свободы будет способствовать гуманизации уголовно-правовых отношений.

---

¹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

² Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением [Токийские правила]. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml

³ Курманова О.Н. Перспективы применения обязательных работ как вида уголовного наказания // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 6 (86). 321 с.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО ХИЩЕНИЕ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Эфрикян Р.А.

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар

Преступления в сфере железнодорожного транспорта имеют специфику, которая заключается также и в особенностях лиц, их совершающих. В свою очередь, эти особенности предопределяются характером действий, которые должны совершить преступники для достижения своих преступных целей.

Понятие «личность преступника» главным образом отличается от определения субъекта преступления тем, что признаки личности преступника не сводятся к признакам состава преступления, так же как, например, социально-психологические и биологические признаки лица, совершившего преступление, не охватываются конструкцией состава преступления¹, хотя, как будет показано, есть и другие точки зрения. Дело в том, что и человек, и его поведение относятся не только к миру социально-материальному, но и духовному. Именно принадлежность духовному миру определяет сущность человека, а его поведение (в том числе и криминальное) выражает эту сущность. Дополняющая социальную детерминированность, сфера человеческой духовности – это сфера, которая остается сферой свободы и, в силу амбивалентности человека, сферой выбора между добром и злом. Парадоксально, но это так – с человеческой свободой связана возможность выбора зла, то есть деструктивного поведения, возможность обеднения полноты бытия, следовательно, и возможность преступности². Субъективные свойства личности прежде

---

¹ Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. М., 2008. С. 129.

² Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Еще раз о криминологическом понятии преступности и преступления // Журнал российского права. 2004. № 9. С. 31.

всего обусловлены такими внешними факторами как, потребность общественного развития, общественного разделения труда, классовыми интересами и т.п., поэтому основной причиной совершения преступлений являются социально приобретенные отрицательные черты личности.

Человеку с рождения присущи исключительно положительные качества, а уже в процессе взросления, а также воздействия на него внешнего мира, он становится преступником.

Проблематика изучения личности преступника наряду с такими проблемами, как сама преступность, ее причины и условия, предупреждение, является одним из главных направлений в криминологической науке. В теории криминологии личность преступника определяется неоднозначно. Так, в литературе отмечается, что «нет смысла говорить о личности преступника как о научной проблеме, если преступникам не присущи некоторые черты, отличающие их от тех, кто не совершает преступления»¹. К примеру, К.Е. Игошева, отмечает «преступник есть временный социальный тип личности, представляющей общественную опасность ввиду того, что она наносит (может нанести) вред обществу преступными действиями, совершение которых влечет за собой уголовную ответственность»². Таких мнений в науке достаточно много.

Исследуя данную тематику, нами выявлено, что наибольшее число хищений на железнодорожном транспорте совершают лица в возрасте от 25 до 35 лет (39,3 %). После этого следует категория лиц в возрасте от 36 до 45 лет (27,7 %). Лиц в возрасте от 18 до 25 лет среди расхитителей оказалось 18,1 %, в возрасте старше 45 лет – 10,9 % и несовершеннолетних – 5,0 % от общего числа расхитителей. Максимальный возраст похитителя, который нам удалось встретить при сборе материала, составляет 62 года, и им является, как ни странно, женщина. Так, кузбасские транспортные полицейские задержали 62-летнюю официантку вагона-ресторана за кражу двух купюр по 5 тысяч рублей, которые она съела, увидев приближающихся к ней стражей порядка. Официантка развозила по вагонам поезда «Москва – Улан-Удэ» тележку, нагру-

---

¹ Долгова А.И. Изучение личности преступника // Советское государство и право. 1978. № 6. С. 79.

² Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С. 20.

женную продуктами. Один из пассажиров, рассчитываясь с ней за купленные продукты, положил на стол портмоне, в котором были две купюры по 5 тысяч рублей. Так как сдачи у разносчицы не было, она предложила поискать деньги помельче, а когда клиент отвлекся, опустошила бумажник¹ (в изученных нами уголовных делах предельный возраст преступника был 59 лет, а минимальный – 16 лет). Такое распределение возрастов среди лиц, совершивших хищения на железнодорожном транспорте, также имеет свое объяснение. Если иметь ввиду общую характеристику возрастов, то, опять же, это в немалой степени связано с тем, что хищения на железной дороге требуют основательной физической подготовки, что как раз демонстрируют лица в возрасте 25–45 лет. Здесь же нужно заметить, что, как будет показано ниже, большинство хищений совершается либо самими работниками железнодорожного транспорта (что подтверждается рядом исследований²), либо по их наводке, то есть именно в этом возрасте находится большинство работников железной дороги.

По данным С.И. Буз, в общем числе обследованных осужденных за кражи 70,4 % составляли неженатые (незамужние) осужденные и 29,6 % – семейные осужденные. В этом отношении полученные данные практически совпадают с результатами ранее проведенных исследований. Так, по данным Ю.В. Бышевского и А.И. Марцева, соответствующие показатели составляют 73,5 и 26,5 %. Указанные данные свидетельствуют о том, что отсутствие семьи у этой категории преступников во многом связано не столько с их возрастом, сколько со всем образом этих лиц, при котором обычным является пьянство, случайные связи, словом, все то, что не способствует созданию и укреплению семьи. Одновременно эти данные подтверждают правильность мнения о том, что между наличием семьи и совершением краж существует своего рода обратная зависимость: лицам, склонным к совершению краж, и, как правило, злоупотребляющими спиртными напитка-

---

¹ В Кузбассе задержана официантка вагона-ресторана, съевшая украденные деньги // Интерфакс. 2012. 7 апреля.

² Варыгин А.Н. Кражи грузов, совершаемые на железнодорожном транспорте, и их предупреждение (криминологические проблемы) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 32.

ми, значительно труднее создать и сохранить семью¹. Вместе с тем различие указанных данных и данных нашего исследования довольно существенно, это объясняется тем, что на железнодорожном транспорте достаточно много работников железной дороги, которые в семейном плане более стабильны.

По данным И.П. Дубового, «большинство осужденных за преступления на железнодорожном транспорте видели смысл своей жизни в приобретении престижной квартиры или коттеджа, хорошей автомашины, в наличии денежных средств, которые обеспечат им безбедную и праздную жизнь. Следует отметить, что подобные высказывания характерны для преступников с различным материальным достатком, как безработных, так и лиц с достаточно высоким уровнем доходов. Как видно из изученных нами материалов уголовных дел, не случайно большинство опрошенных (67,5 %) отметили, что совершили преступление, чтобы улучшить свое материальное состояние. Другие, а их 4,5 % – чтобы прокормить семью, добыть средства на приобретение самого необходимого (еды, одежды, оплату жилья)». Однако наш анализ уголовных дел показывает несколько иные соотношения потребностей и ценностей.

Прежде всего нужно отметить, что хищения с достаточно явно определенной целью обеспечить «безбедную и праздную жизнь» мы не встретили вообще. Если иметь в виду лиц, которые материально были вполне обеспечены (наличие собственной квартиры, дачи, автомашины и др.), то под такую категорию лиц подходят 25,7 %. Остальные преступники-расхитители совершали преступления с целью улучшить свое материальное положение, причем как в социально-полезном аспекте (помочь семье), так и в социально-негативном аспекте (для приобретения алкоголя, развлечений сомнительного свойства), и из них 18,5 % совершали преступления для того, чтобы выйти из пределов бедности. В этой связи А.И. Долгова отмечает, что в настоящее время все большее распространение получили имущественные преступления по мотивам абсолютной нужды, ради приобретения необходимых продуктов питания и предметов одежды, а также по моти-

---

¹ Аслаханов А.А. Проблемы борьбы с преступностью в сфере экономики (криминологический и уголовно-правовой аспекты) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 203.

вам относительной нужды в целях обеспечения того уровня жизни, который становится характерным для ряда окружающих лиц¹. Как представляется, эта тенденция должна стать предметом обсуждения на всех уровнях государственной власти.

По итогам анализа уголовных дел можно отметить, что достаточно значительная часть из исследованных нами фигурантов уголовных дел были ранее судимыми, в том числе не только за хищения, но и за другие преступления (незаконное предпринимательство, вымогательство, злоупотребление служебным положением и ряд других деяний). По данным нашего исследования, все обследованные осужденные за хищения на железнодорожном транспорте по числу судимостей распределились следующим образом: не имели судимости – 66,3 %; имели одну судимость – 18,2 %; имели две судимости – 6,9 %; три и более судимостей – 5,4 %. Как видно из приведенных данных, рецидив составляет лишь около одной трети из общего числа обследованных осужденных. Эти данные вносят существенные коррективы в традиционное представление о значительной распространенности рецидива среди лиц, совершивших рассматриваемые преступления. Обращает на себя внимание то, что уровень рецидива при хищениях на железнодорожном транспорте существенно отличается у лиц, занятых общественно полезным трудом, и у лиц, являющихся безработными. По нашим данным, в последнем случае рецидив составляет 70,4 %, причем среди них преобладают лица, уже отбывавшие наказания за хищения. Такая тенденция сохраняется уже длительное время, что подтверждается данными других ученых². Здесь можно сделать вывод о меньшей распространенности рецидива среди лиц, совершающих хищений грузов по сравнению с лицами, совершающими хищения личной собственности пассажиров поездов и на других объектах железнодорожного транспорта.

Проблематика борьбы с хищениями на железнодорожном транспорте предполагает уделение внимания групповой преступ-

---

¹ Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 155.

² Мещеряков В.С. Вопросы борьбы с кражами, совершаемыми тунеядцами // Организационно-правовые и управленческие проблемы борьбы с правонарушениями среди лиц, ведущих антиобщественный паразитический образ жизни. Хабаровск, 1985. С. 142.

ности. Такое внимание не случайно уже потому, что здесь проявляются настораживающие тенденции, связанные с увеличением доли хищения имущества, совершаемых в группе¹. Поэтому следует согласиться с мнением Ю.Д. Блувштейна, который отмечает, что подлинная численность преступных групп несколько больше, чем это вытекает из опубликованных данных². По данным нашего исследования, единолично совершили хищения 26,3 %, в группе – 73,7 %. При этом можно отметить, что лица, не занятые общественно полезным трудом, реже, чем другие категории обследованных, совершают преступления в составе группы. Как видно, тенденция продолжает закрепляться, что совпадает с общей тенденцией в развитии преступности в России за последние годы, когда доля преступлений, совершаемых в группе, увеличивается. Подтверждением этого является и УК РФ 1996 г., в котором данные вопросы нашли более детальную разработку, нежели в предшествующем уголовном законодательстве нашей страны.

Существенные особенности в этом плане имеют и хищения, совершаемые на железной дороге, где характерна более высокая интенсивность преступной деятельности: 75,3 % из преступников, прежде чем попасть в поле зрения органов внутренних дел, успевают совершить несколько эпизодов одного преступления или нескольких преступлений. Групповые хищения грузов особенно характерны для лиц, совершающих преступления в пути следования подвижного состава. Распространенность групповых хищений чужого имущества позволяет констатировать наличие некоторых весьма важных закономерностей, учет которых имеет существенное значение в деле профилактики и раскрытия хищений. Одна из них состоит в том, что распространенность групповой преступности меняется при переходе к анализу на уровне числа судимостей, то есть у рецидивистов и у «преступников-дебютантов». Эта закономерность уже отмечалась советскими криминологами³. Так, по данным Ю.В. Солопанова и В.Е. Квашица, по мере увеличения числа судимостей, удельный вес груп-

---

¹ Дергач Н.С. Первоначальный этап расследования квартирных краж : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Томск, 2000. С. 14.

² Блувштейн Ю.Д. Криминологическая характеристика и профилактика отдельных видов преступности. Минск, 1980. С. 96.

³ Квашица В.Е. Групповая преступность и некоторые вопросы криминологии соучастия // Вестник МГУ. Сер. 11 – Право. 1971. № 2. С. 44.

повых хищений среди рецидивистов последовательно снижается¹. Другая характерная особенность таких групповых хищений состоит в незначительном количестве членов преступной группы (в 62,3 % изученных хищений участвовало двое преступников, а группой из 2–3 человек совершено свыше 79,8 % хищений).

Как видно, полученные данные подтвердили вывод Ю.В. Солопанова и В.Е. Квашиса о том, что с ростом численности членов группы, количество расхитителей в них уменьшается. Наконец, следует назвать еще одну особенность групповых хищений чужого имущества. Речь идет о повышенной общественной опасности групповых преступлений, ибо при взаимной поддержке психологическая готовность соучастников совершить опасное преступление гораздо выше; здесь снижается влияние страха и других сдерживающих факторов, в сознании преступников увеличиваются шансы довести преступление до конца, скрыть его следы, реализовать похищенное имущество и т.д. Важно также подчеркнуть, что хищения, совершаемые в группе, чаще всего причиняют значительно больший ущерб.

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ

Капица В.С.

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО
«Российского государственного университета правосудия»,
г. Краснодар

Как известно понятие «экстремизм» шире чем понятие «терроризм». Под экстремизмом можно в широком смысле слова понимать систему взглядов, суждений, ценностей,

¹ Солопанов Ю.В., Квашис В.Е. Рецидив и рецидивисты. М. : ВНИИ МВД СССР, 1971. С. 42–43.

оценок, отличающуюся приверженностью к крайним мерам, радикализму, нетерпимостью к отличным мнениям и ценностям и их отрицанием.

Терроризм же, можно считать следствием воздействия экстремистского влияния или одним из инструментов экстремизма.

Наиболее эффективным средством массового информационного воздействия террористов на молодежь в последнее время становится Интернет. Причинами популярности Интернета в преступной среде можно назвать – легкий доступ к аудитории, обеспечение анонимной коммуникации, слабое регулирование этого вопроса на государственном уровне, глобальное распространение, высокая скорость передачи информации, дешевизна и простота в использовании, мультимедийные возможности.

Экстремистские ресурсы широко используют средства психологической войны, в том числе дезинформацию, запугивание, манипуляцию общественным сознанием, подмену понятий и фактов. На интернет-ресурсах террористических организаций освещается психологический ущерб, наносимый государствам-объектам атаки в результате терактов.

Террористические организации, в том числе действующие в России, используют Интернет для вербовки новых членов, включая террористов-смертников из числа как исламистов, так и экстремистски настроенной молодежи с целью привлечения их сначала в радикальный ислам, а затем и в противоправную деятельность. Кроме того, Интернет используется для формирования лояльно настроенной среды, играющей активную роль в поддержке террористических организаций.

Среди объектов посягательств террористов называют различные охраняемые законом общественные отношения, всегда особое внимание уделяется национальной безопасности и международному правопорядку. Однако трудно согласиться с теми авторами, которые полагают, что опасность терроризма ограничивается общественной безопасностью государства¹. На наш взгляд, данная предпосылка чрезвычайно важна, ведь общественная безопасность является составляющей национальной безопасности. В общем смыс-

---

¹ См., напр.: Дьяков С.В. Направления совершенствования уголовного законодательства о государственных преступлениях // Преступность и правовое регулирование борьбы с ней. М. : Норма, 2011. С. 22.

ле, общественная безопасность выражает уровень защищенности личности, общества и государства преимущественно от внутренних угроз общепопасного характера. Как правило, уровень общественной безопасности характеризуется удельным весом преступлений, влияющих на состояние безопасности общества и отдельных граждан. Терроризм и сопровождающие его явления не ограничиваются только нарушением состояния общественной безопасности, поскольку способны выступать внешней угрозой. Кроме того, уровень преступлений, связанных с терроризмом, не отражает всех проблем, с которыми сталкиваются пострадавшие лица и их семьи, а лишь определяет состояние раскрываемости противоправных деяний, соответственно, базируется на уголовно-процессуальных и уголовно-правовых нормах.

К группе преступлений террористической направленности относят терроризм, террористический акт и иные преступления (похищение человека, захват заложников, зданий, сооружений, воздушного или водного судна, железнодорожного подвижного состава и т.п.), если данные деяния совершены публично, имеют направленность на устрашение людей с целью воздействия на органы государственной власти. Устрашение используется террористами не для причинения вреда непосредственно каким-либо конкретным гражданам, а для осуществления манипуляций с законоустановленной, признанной властью страны. Фактически, люди – инструмент террористов, что недопустимо как с точки зрения гражданского права, призванного оберегать и восстанавливать нарушенные права граждан, так и с точки зрения уголовного права.

Некоторые авторы отмечают, что осуществление любого деяния, которое подпадает под признаки преступлений террористической направленности, нужно обозначать категорией террористическая акция, которая по своему содержанию охватывает и акт терроризма, и террористический акт, и любое иное преступление террористического свойства. Именно эту категорию преступлений нужно сделать объектом внимания тех подразделений и органов, чья деятельность непосредственно направлена на борьбу с терроризмом и иными преступлениями террористического свойства¹.

---

¹ Мусаелян М.Ф. К вопросу о политизированности уголовно-правовых определений терроризма // Российский следователь. 2012. № 12. С. 19.

Хоть научная литература и законодательство террористический акт и акт терроризма употребляют нередко в качестве идентичных понятий, либо соотносят их как целое и часть, но имеются между ними и различия. Так, например:

1. Акт терроризма может быть выражен не только насильственными действиями, за которыми оказались реальные последствия, но и в угрозе совершения действия и даже бездействия, тогда как содержание определения «террористический акт» охватывает только реально осуществленные действия.

2. Насильственное действие или угроза им при осуществлении акта терроризма направлено против неопределенных невиновных лиц, а жертва насилия при осуществлении террористического акта является строго персонифицированной¹.

В то же время акт терроризма и террористический акт при определенных условиях могут совпасть по объему.

По сути террористический акт, представляет собой единичное общественно опасное преступление, в основе которого лежит политическая и идеологическая платформа экстремистских и террористических устремлений. Акт терроризма может представлять собой целенаправленное действие, наиболее продолжительное, охватывающее собой большее количество жертв. Справедливо заметить, что последствия от такой противоправной деятельности на первый взгляд являются наименее опасными, нежели при террористическом акте, однако и последствия от акта терроризма непредсказуемы. Например, пропаганда террористической идеологии может затронуть неопределенное количество человек, которые впоследствии могут совершать террористические акты.

То есть терроризм может выражаться в террористическом акте, но не только в нем – взять хотя бы кибертерроризм, который имеет целью распространение террористической идеологии и является фактом устрашения.

Следует отметить, что в УК РФ отсутствует понятие преступлений террористической направленности, как и их отдельно сформированный перечень. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судеб-

---

¹ Дзиконская С.Г., Капица В.С. Региональные аспекты противодействия терроризму (по материалам Краснодарского края) : монография. Краснодар : Изд-во ЮИМ, 2019. С. 45.

ной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 9 февраля 2012 года № 1¹ определен перечень преступлений террористической направленности. Проанализировав нормы УК РФ и положения указанного Постановления № 1, можно составить условный перечень преступлений террористической направленности.

При этом в рамках указанного перечня только некоторые преступления напрямую связаны с осуществлением террористической деятельности. Все остальные составы преступлений лишь косвенно связаны с террористической деятельностью. Следовательно, данные деяния будут иметь террористическую направленность только в том случае, если удастся выявить цель воздействия на государственные органы власти и органы местного самоуправления, международные организации, которая связана с устрашением населения и другими формами противоправных действий.

Из вышесказанного можно отметить, что терроризм, как указывалось выше, не является неким уникальным и новым видом преступлений. Терроризм – это общеизвестные преступления – взрывы, поджоги, убийства, которые используются в принципиально новых целях. С распространением демократии в мире, распространилась и роль общества в качестве инструмента влияния на различные политические процессы. Демократия чрезвычайно привлекательна для террористов с точки зрения возможности влияния на государство посредством устрашения населения. Но только сильное и сплоченное гражданское общество в состоянии противодействовать террористической угрозе не деформируя при этом права и свободы человека. В связи с этим, реакция общества на терроризм также имеет существенное значение.

По нашему мнению, с учетом степени общественной опасности преступлений именно террористической направленности необходимо рассмотреть вопрос о повышении меры уголовной ответственности за них и ввести дополнительные виды наказания к лишению свободы на определенный срок, пожизненному заключению либо смертной казни.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9.02.2012 г. № 1 (ред. от 3.11.2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

Для организаторов террористических деяний, а также для их пособников в совершении кровопролитных преступлений следует ужесточать наказание, в том числе стоит предусмотреть возможность применения к ним высшей меры наказания – смертной казни.

Очевидно, что те лица, которые совершают акты террористической направленности, а также в большинстве случаев и их родственники, не испытывают жалости к жертвам, не чувствуют своей ответственности перед обществом. Они довольно часто идут на совершение террористических действий, в том числе подрыв самого себя, за большие деньги, которые получают их близкие родственники.

Именно поэтому необходимо уточнить круг субъектов преступления и к лицам, которые подлежат привлечению к ответственности в результате совершения преступления против общественной безопасности, отнести и близких родственников террористов.

Перечень близких родственников террористов, которых можно привлечь к ответственности в случае совершения преступления, должен быть определен отдельным нормативно-правовым актом. При выявлении участия близких родственников террористов в совершении преступления необходимо выяснять уровень их осведомленности о преступной деятельности виновного лица, устанавливать их взаимоотношения, способы коммуникации при подготовке к деянию, а также меры взаимной поддержки, которую они оказывали виновному лицу.

Израиль, например, при решении проблемы террористических актов прибегает к достаточно кардинальной процедуре. К родственникам террориста, гражданам, которые каким-либо образом были причастны к совершенным преступлениям террористической направленности, применяют суровую меру – сносят дом, в котором они проживают.

Перечисленные меры позволяют повысить меру ответственности как самого преступника, так и его родственников (членов семьи). Именно родители должны привить своему ребенку уважение к людям, желание помогать им, патриотизм и гуманизм.

Предлагаемые пути совершенствования уголовного закона имеют цель призвать потенциальных правонарушителей к осознанию степени общественной опасности планируемых преступ-

ных деяний, к оценке негативных последствий для самого преступника, его родственников и родственников жертв терактов. Реализация указанных предложений будет способствовать дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства в части усиления мер ответственности за преступления террористической направленности.

Следует обратить внимание еще на одну из проблем, а именно, то, что толкование диспозиции ч. 1 ст. 205.4 УК РФ вызывает сложности у правоприменителей.

По факту, то есть по организационной структуре, террористические организации не тождественны преступным организациям, а более приближены к гражданско-правовой категории «юридическое лицо». Тем более что террористическая деятельность может осуществляться и политическими партиями и иными политическими образованиями. Думается, именно от такого подхода нужно отталкиваться при решении вопроса о правовом статусе террористической организации. В научной литературе сформировалось мнение, что террористическую организацию (как, впрочем, и экстремистскую) нельзя считать разновидностью преступного сообщества. Некоторые теоретики отечественного уголовного права считают, что ее нельзя отнести к традиционно выделяемым формам соучастия, определенным ст. 35 УК РФ¹. Отличительной особенностью организованных форм террористической деятельности выступает нацеленность ее на совершение террористических преступлений.

В Федеральном законе «О противодействии терроризму» осуществлено необоснованное отождествление понятий «террористическая организация» и «террористическое сообщество». Согласно ч. 2 ст. 24 Закона террористической организацией, деятельность которой подлежит запрещению, признается террористическое сообщество в случае вступления в законную силу обвинительного приговора по уголовному делу в отношении лица за создание сообщества, предусмотренного ст. 205⁴ УК РФ, за руководство этим сообществом или участие в нем. Однако запрет деятельности организации осуществляется только на основании вступившего в законную силу решения суда о признании ее тер-

---

¹ См.: Хлебушкин А.Г. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и квалификация // Уголовное право. 2014. № 2. С. 82.

рористической. Таким образом, единственным отличием террористической организации от террористического сообщества согласно названной норме является порядок признания их нелегитимности (в первом случае – наличие вступившего в законную силу решения суда о признании организации террористической, во втором – обвинительного приговора суда в отношении лица за создание, руководство или участие в террористическом сообществе). С таким законодательным подходом согласиться нельзя, поскольку это совершенно разные уровни организованности в сфере террористической деятельности.

Другая проблема связана с правовыми последствиями выявления террористического сообщества и террористической организации. Как было отмечено ранее, только вступившее в силу решение суда дает основание для признания организации террористической. Вместе с тем судебная процедура в силу своей специфики может протекать достаточно долго, что создает коллизию положений, поскольку факт террористической деятельности выявлен, но немедленное прекращение деятельности террористического сообщества не происходит, что дает возможность этой организации действовать какой-то срок, иногда весьма продолжительный. В силу приведенных аргументов считаем обоснованным в рамках осуществления профилактики терроризма, особенно в условиях реалий нашего времени, ставить вопрос о процедуре приостановления деятельности организации, члены которой подозреваются в террористической деятельности. Тем более, что подобная процедура определена в ст. 10 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015 г.) «О противодействии экстремистской деятельности»¹.

Помимо этого, не выдерживает критики употребляемая в ст. 205⁴ УК РФ формулировка относительно отождествления преступной группы и преступной организации (террористического сообщества), что противоречит положениям ст. 35 УК РФ. В этой связи считаем необходимым привести терминологию указанной нормы в соответствие с положениями о соучастии, содержащимися в Общей части УК РФ. Для этого целесообразно в диспози-

---

¹ См.: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. (ред. от 23.11.2015 г.) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031. URL : <http://base.garant.ru> (дата обращения 21 июля 2019 г.).

ции ч. 1 ст. ст. 205⁴ УК РФ оставить указание на террористическое сообщество, а его дефиницию закрепить в ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму».

Подводя итог, следует сказать, что в обозримом будущем следует осуществить меры, направленные на совершенствование российского законодательства:

– необходимо уточнить содержание законодательно определенных категорий «террористическая организация» и «террористическое сообщество», поскольку они необоснованно отождествляются в ч. 2 ст. 24 ФЗ «О противодействии терроризму»;

– необходимо закрепить в законе не судебный, а административный порядок приостановления деятельности организации, подозреваемой в осуществлении террористической деятельности.

– оптимизация положений уголовного кодекса РФ:

1) устранить пробел и установить уголовную ответственность за публичное оправдание экстремизма;

2) уточнить перечень террористических преступлений, исключив из него те, которые получили регламентацию в общей части УК РФ в рамках института соучастия;

3) наличие в Общей части УК РФ институтов соучастия в преступлении и неоконченного преступления делает излишним включение в Особенную часть УК РФ таких статей, как 205¹ УК РФ и 205³ УК РФ об ответственности за содействие террористической деятельности и прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности;

4) уточнение цели террористического акта, поскольку закрепление в законе указания на дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений является излишне широкой формулировкой, так как совершение любого из действий, относящихся к объективной стороне данного преступления, само по себе неизбежно дестабилизирует деятельность указанных органов и организаций;

5) уточнение ч. 1 ст. 205⁴ УК РФ, так как более обоснованным было бы установление уголовной ответственности за создание организованной группы для совершения преступлений террористической направленности, а равно за участие в таковой с повышением строгости наказания за возобновление деятельности такой группы после ее признания террористической организацией. За создание же террористического сообщества так же установить ответственность, но в квалифицированном составе, закрепив дефиницию тер-

рористического сообщества в ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму»;

б) для придания структурно – смыслового единства систематизировать нормы, предусматривающие уголовную ответственность террористическую деятельность выделив в разд. IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» УК РФ самостоятельную главу «Преступления, выражающиеся в террористической деятельности»;

7) кроме того, по преступлениям экстремистской направленности, куда входят преступления предусмотренные статьями 280, 282, 282.1, 282.2 предусмотрен возраст наступления уголовной ответственности только с 16 лет. По нашему мнению, может быть рассмотрено предложение по снижению возраста уголовной ответственности до 14 лет, т.к. с учетом современного уровня социализации и информируемости, несовершеннолетний вполне сознает общественную опасность деяний и может руководить своими действиями.

В последнее время приобрели популярность материалы информационного характера, содержащие дезинформацию об экологических катастрофах и их последствиях, таких как пожары произошедшие в 2018–2019 году на территориях различных субъектов Российской Федерации, в том числе в Краснодарском крае, а так же ложные сведения о распространении коронавируса, публикуемые в экстремистских целях.

Следует уделить особое внимание вопросу о введении уголовной ответственности за публикацию таких, заведомо ложных сведений в СМИ, так как данная информация, во многих случаях являясь заведомо ложной вызывает недовольство граждан с целью достижения экстремистских целей.

Напоследок, следует заметить, что в Российской Федерации отсутствует целостная правовая регламентация порядка возмещения вреда жизни и здоровью (физического), равно как и имущественного, компенсации морального вреда, причиненного в ходе антитеррористической деятельности. Прежде всего, нуждается в решении вопрос о том, в каких случаях подлежит возмещению подобный вред. В сложившейся практике гражданско-правового возмещения вреда, он осуществляется не в полном объеме, что ущемляет права жертв террористических преступлений.

ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СВЕТЕ ПОЛОЖЕНИЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ДО 2030 ГОДА

Миллерова Е.А.

канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры административного права и уголовно-правовых
дисциплин, ФГБОУ ВО
«Ростовский государственный университет путей сообщения»,
г. Ростов на Дону

Изменение и непрерывное развитие уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации связано с рядом изменяющихся экономических, социальных, политических, духовных факторов. Ученые выделяют каждый фактор, как отдельно развивающийся, так и активно взаимодействующий друг друга.

Исполняя цели уголовно-исполнительной политики с 2010 по 2020 годы, направленной на гуманизацию уголовного наказания, очевидно, что в последние годы суды все чаще назначают осужденным виды наказаний, не связанных с лишением свободы и, по мнению некоторых авторов, эту тенденцию нельзя не признать положительной.¹

Одним из основных направлений, закрепленных в Концепции 2030 года является ликвидация колоний.² Причиной сказанному кроется в их ненужности. Из отчетов ФСИН можно установить тот факт, что на 100 осужденных приходится 130 сотрудников колоний. Решением данной проблемы должно стать объединение нескольких колоний.

В результате проводимой государственной политики, которая позволяет расширить возможности применения альтернативных

---

¹ Танага И.В., Подройкина И.А. Исправительные работы в уголовном праве: некоторые спорные вопросы // Общество и право. 2018. № 3(65). С. 49.

² Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // ИПП «Гарант».

уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества (ограничение свободы, принудительные работы, исправительные работы), численность лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее УИС), продолжает постепенно снижаться. За 10 лет число осужденных снизилось на 369,8 тыс. человек.¹ «Тюремное» заключение резко пошло на убыль, суды сегодня активно применяют альтернативные наказания. Так, например, колонии-поселения загружены где-то на 60 %. Отметим, если ранее конкуренцию институту колоний-поселений в исправительно-трудовом праве РСФСР составлял институт условного осуждения и условного освобождения с обязательным привлечением осужденного к труду, то в настоящее время – конкурентом выступают наказания в виде ограничения свободы, принудительных работ.

Численность осужденных, находящихся в воспитательных колониях, за последние 15 лет сократилась в десять раз, достигнув исторического минимума. Хотелось бы верить, что это связано с сокращением числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, но по данным Федеральной службы исполнения наказаний такая ситуация связана также с расширением спектра наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Самый строгий вид наказания, который назначается несовершеннолетним осужденным, они получают в основном только за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Проведенное нами сравнение утвержденной в апреле 2021 года Концепции 2030 года с ранее действовавшей Концепцией 2020 года показало, что новый документ содержит новые подразделы, которых не было в Концепции 2020 года: оказание медицинской помощи, капитальное строительство, научно-технические обеспечение. Однако отсутствует несколько разделов, которые не присутствовали в прежней концепции. Например, раздел об общей характеристике и современном состоянии УИС РФ, раздел об ожидаемых результатах реализации Концепции 2030 года.

Многие ученые считают, что для текста новой Концепции необходимо было провести очередную специальную перепись

---

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // ИПП «Гарант».

осужденных, которые отбывают наказание в виде лишения свободы и лиц, содержащиеся в следственных изоляторах России. Считается, что данный материал, обладая огромной исследовательской мощностью имеет большой противовес статистическим данным, и именно на них необходимо опираться при решении вопросов связанных с изменением УИС.

На современном этапе развития УИС планируется продолжение работы по оптимизации деятельности исправительных учреждений. Цель Концепции 2030 года – определение основных направлений развития УИС для обеспечения соответствия ее деятельности общепризнанным международным стандартам и потребностям развития РФ.

В целом планируется смягчить условия для заключенных, убрать излишние запреты. Но, пожалуй, самый резонансный пункт программы является – передислокация учреждений уголовно-исполнительной системы за пределы городов в районы с доступными коммуникациями и транспортной логистикой. Причем, за городом будут создаваться мультиучреждения, объединяющие несколько типов режима: исправительную колонию, колонию-поселение, СИЗО. В таком мультиучреждении планируется предусмотреть «клиентоцентричный подход к созданию условий для содержания осужденных, подозреваемых и обвиняемых, предоставления свиданий с их родственниками, осуществления деятельности адвокатов и общественных организаций, включая оборудование помещений для предоставления свиданий, а также для осуществления деятельности судов, органов прокуратуры РФ, следователей»,¹ для того, чтобы не стоять в очереди, ожидая освобождения комнаты для свиданий. Таким образом, подытоживая сказанное, мы пришли к выводу, что задачи, которые ставились перед УИС в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года,² постепенно исполняются. До сентября 2015 года, правоприменительная практика следовала по пути

---

¹ Куликов В. Тюрма на прощание // Российская газета. 2021. № 98. 5 мая.

² Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание Законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

расширения сети колоний-поселений с одновременным увеличением числа направляемых в них осужденных. Реформа, которую планировали проводить, согласно положениям Концепции, называлась тюремной. Она была направлена не только на перепрофилирование исправительных колоний в тюрьмы, но и на аналогичную замену исправительных колоний – колониями-поселениями. Её специфика заключалась в отказе от коллективной формы содержания осужденных, она предполагает создание правовых и организационных условий для замены существующей системы ИУ на 2 основных вида – тюрьмы (общего, усиленного и особого режимов) и колонии-поселения (с обычным и усиленным наблюдением) при сохранении учреждений, созданных для выполнения специальных задач – лечебно-исправительных и лечебно-профилактических; преобразование воспитательных колоний в воспитательные центры. Можно предположить, что система исправительных учреждений в будущем может состоять из тюрем; колоний-поселений; учреждений для несовершеннолетних и лечебно-исправительных учреждений.¹

Следующим направлением Концепции 2030 г. является уменьшение средств, затрачиваемых на содержание колоний. Данное направление не является новым, на наш взгляд, оно перекочевало из прежней Конвенции, потому что с 2018 года в исправительных учреждениях осужденные переведены на сдельную форму оплаты труда. В целях снижения нагрузки на федеральный бюджет и введения дополнительных рабочих мест для осужденных, исправительные учреждения самостоятельно обеспечивают учреждение продуктами питания, развивают подсобное хозяйство, земледелие, вводятся дополнительные рабочие места для осужденных по производству каких-либо изделий. Так, например, колония-поселение в п. Садки и участок колонии-поселения в ИК общего режима в г. Каменск-Шахтинский Ростовской области уже давно выполняют вышеуказанную задачу, обеспечивая личный состав и специальный контингент всеми необходимыми продуктами питания. В этих учреждениях хорошо развито под-

---

¹ Славянин С. Институт тюремного заключения как основная составляющая реформы уголовно-исполнительной системы России // Безопасность уголовно-исполнительной системы. 2010. № 2. С. 82.

собное хозяйство, выращивают крупный рогатый скот, сельскохозяйственную и молочную продукцию.¹

Концепцией 2030 г. предполагались новшества, предлагалось разделить институт условно-досрочного освобождения на два независимых друг от друга института: досрочного и условного освобождения. Первый применялся бы к лицам, которые смогли доказать свое исправление, а условное освобождение к лицам, дальнейшее отбывание наказания возможно без лишения свободы. Однако данное положение столкнулось с критикой ученых, которые отмечают, что данное предложение лишено конкретики, а значит встает вопрос о том, как и каким образом будет происходит классификация осужденных на досрочное и условное освобождение. Подразумевается, что институт условного освобождения будет развивать институт принудительных работ.

Таким образом, принятая Концепция 2030 года имеет достаточно позитивные представления и раскрывает себя как документ стратегического развития, имеющий положительные и прогрессивные сегменты, находящие актуальность, в современном социальном обществе России, обеспечивая наряду с сохранением системы исправления в процессе отбытия наказания, обеспечение сохранения гражданских прав, осужденных и мотивацию к дальнейшему исправлению.

---

¹ ФКУ КП-8 ГУФСИН России по Ростовской области-Садки: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL : <http://www.wikimapia.org>

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПРИ СОГЛАСИИ ОБВИНЯЕМОГО С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ЕМУ ОБВИНЕНИЕМ

Миллеров Е.В.

канд. юрид. наук, доцент кафедры процессуального права,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы,
г. Ростов на Дону

Миллерова Е.А.

канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры «Административное право и
уголовно-правовые дисциплины», ФГБОУ ВО
«Ростовский государственный университет путей сообщения»,
г. Ростов на Дону

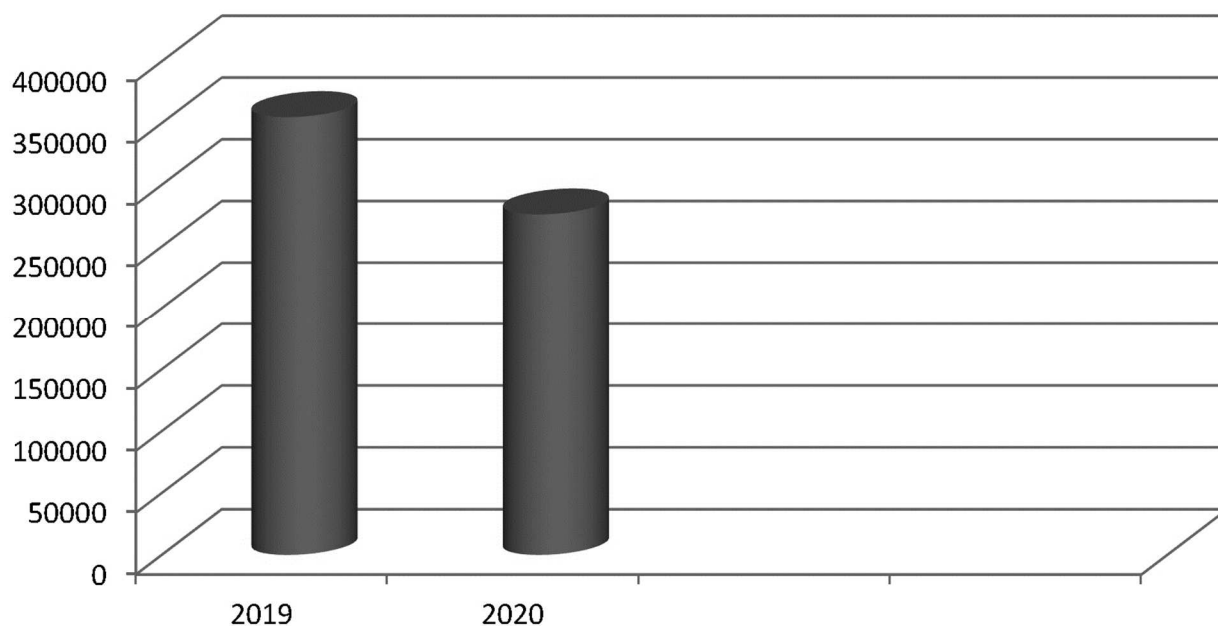

Особый порядок рассмотрения уголовного дела по правилам, предусмотренным главой 40 УПК РФ, прочно вошел в практику российского уголовного судопроизводства, пользуется достаточной популярностью и в большинстве случаев имеет положительные стороны, как для суда, так и для самого обвиняемого. Для суда он способствует упрощению доказывания и судебного разрешения уголовных дел, существенно экономя силы всех участников уголовного судопроизводства. Для обвиняемого – это отсутствие процедуры состязательности сторон и шанс получить привилегию от государства в виде сокращенного срока отбывания наказания.

Исходя из официальных статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2019 году было вынесено 354 864 обвинительных приговора лицам, заявившим ходатайство о слушании уголовного дела в особом порядке при согласии подсудимого с предъявленным обвинением. В 2020 году обвинительные приговоры были вынесены в отношении 530 965 человек, из них, в

порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, вынесено – 276 064 обвинительных приговора.¹ Как мы видим, показатель рассмотренных судами уголовных дел в особом порядке в 2020 г. существенно снизился по сравнению с 2019 годом (см. рис. 1).

Предполагаем, что такое снижение объясняется существенным изменением условий к рассмотрению уголовного дела в таком порядке, которые были внесены в ст. 314 УПК РФ в июле 2020 г.,² а именно с запретом применять особый порядок, предусмотренный главой 40 УПК РФ в отношении лиц, совершивших тяжкие преступления. Таким образом, с 20 июля 2020 в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением судами рассматриваются уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести. Теперь обвинение человека в тяжком преступлении влечет рассмотрение уголовного дела только в общем порядке.

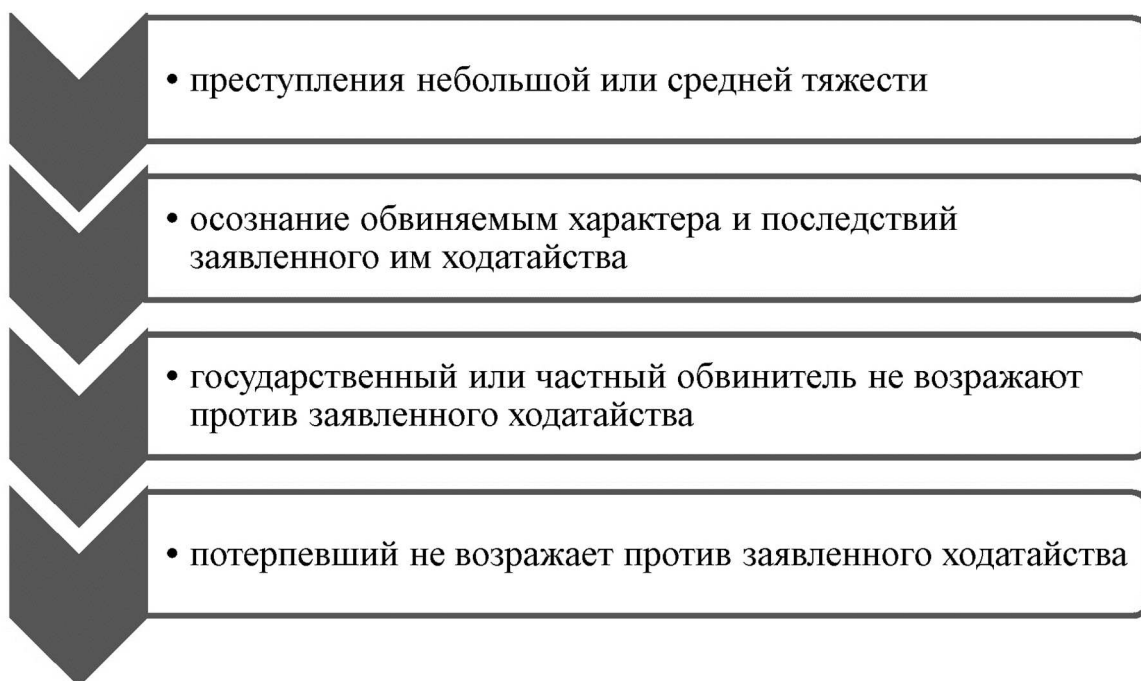

Рисунок 1 – Соотношение количества уголовных дел, рассмотренных судами в России в порядке главы 40 УПК РФ

Предложенный ниже рисунок (см. рис. 2) демонстрирует основания применения рассматриваемого особого порядка.

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // Статистика. 2020 г. URL : <http://www.cdep.ru/>

² Федеральный закон 20.07.2020 № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

Рисунок 2 – Условия применения особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением

Как мы видим, важным моментом в рассмотрении судом дела в особом порядке является не только желание обвиняемого, но и отсутствие возражений по поводу рассмотрения судом дела в таком порядке со стороны государственного или частного обвинителя и потерпевшего.

Поддерживаем позицию законодателя в запрете применять особый порядок, предусмотренный главой 40 УПК РФ, к лицу, совершившему тяжкое преступление, как это практиковалось 17 лет (с 2003 года по июль 2020 года). Тяжкие преступления, ввиду их повышенной общественной опасности, являются более сложными, чем преступления небольшой или средней тяжести, затрагивают интересы большого числа потерпевших, могут вызывать большой общественный резонанс. Они могут совершаться в соучастии и применяемый к ним указанный особый порядок не всегда сможет способствовать раскрытию таких преступлений, так как обвиняемые могут скрыть другого соисполнителя, взяв на себя его вину, чтобы уголовное дело рассматривалось как совершенное одним лицом, соответственно вид и размер наказания будет менее строгим, нежели за преступление, совершенное в соучастии. Возможность обеспечения высокой степени процессу-

альных гарантий вынесения справедливого приговора по тяжким и особо тяжким преступлениям возможно только при рассмотрении уголовного дела в общем порядке, исследовав все доказательства по делу в судебном заседании.

Особый порядок похож на определенную сделку со следствием, когда человек полностью признает вину, а взамен получает определенное снижение срока наказания. При особом порядке считается, что вина человека полностью доказана и долго разбираться нет смысла: обвиняемому просто выносят приговор. Экономится время всех участников судебного процесса. Однако при этом часто страдает доказательственная база по уголовному делу, ведь, по сути, всё обвинение строится вокруг признания самого обвиняемого. Суд перестает выполнять функцию разрешения дел в состязательном процессе, а выступает в роли пассивного регистратора сделанных обвиняемым признаний. Президентом России в его выступлении было сказано, что «особый порядок не должен служить прикрытием некачественной и некомпетентной работой органов предварительного следствия».¹

Учитывая сказанное, напрашивается вывод о том, что вынесение справедливого приговора по уголовному делу, которое рассматривалось в порядке главы 40 УПК РФ, в целом зависит от качества проведенного предварительного расследования, в процессе которого как раз и дается уголовно-правовая оценка содеянного, определяется правильная квалификация преступления и роль лица, в его совершении. Особенностью упрощенного производства в уголовном процессе является отказ от полноценного доказывания. Но подобный отказ некоторые процессуалисты называют «черными дырами» акта правосудия,² в связи с тем, что

---

¹ Шутимова Т.В. Об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XVII Международной научно-практич. конф. Тольяти, 2020. С. 217–223.

² Алексеев Н.А., Федоров И.З. Институт особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением в ракурсе тенденций уголовно-процессуальной практики, актуальных проблем и предложений по их решению // Вестник Российского университета кооперации. 2020. С. 43–44.

поставленный в соответствии со ст. 316 УПК РФ приговор, не может быть обжалован в вышестоящую судебную инстанцию в виду несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции.

Полагаем, для того, чтобы суды могли должным образом устанавливали истину по делу и не допускали судебных ошибок, было бы целесообразным дополнить ст. 316 УПК РФ частью 5.1, в которой законодательно закрепить право судьи в судебном заседании частично исследовать доказательства по уголовному делу, для устранения возможных сомнений в виновности подсудимого, в том объеме, в котором сочтет необходимым, не переходя к рассмотрению дела в общем порядке, то есть проводить «сокращенное» судебное следствие.

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКОВ ОВД

Аведян А.А.

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России,
г. Краснодар

Имеющим свою специфику, в тоже время важнейшим направлением противодействия преступности является виктимологическое предупреждение преступлений и правонарушений¹. Учитывая специфику жертвы исследуемых преступлений – сотрудников ОВД, объективные факторы ее виктимности, эффективное виктимологическое предупреждение насиль-

¹ Вишневецкий К.В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе : монография / под ред. С.Я. Лебедева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010.

ственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД невозможно без надлежащего организационного обеспечения данной деятельности.

Отсутствие в стране целевой государственной программы виктимологической профилактики преступлений и правонарушений является одним из наиболее существенных недостатков существующей системы противодействия преступности, на чем постоянно акцентируется внимание научного сообщества¹. Разработка и реализация такой программ является основой реализации комплексных мер виктимологического обеспечения безопасности от криминальных угроз различных групп населения.

Как и любая системная целенаправленная деятельность, деятельность по противодействию преступности требует наличия актуальной криминологической информации относительно состоянии преступности и связанных с ней социальных процессов².

Необходимо отметить, что Концепция обеспечения собственной безопасности в системе МВД России³ предусматривает в области защиты жизни и здоровья сотрудников ОВД организацию и проведение оперативно-розыскных и профилактических мероприятий по выявлению угроз в отношении ОВД, а также рассмотрение обращений сотрудников ОВД об угрозе их жизни и здоровью и

---

¹ Майоров А.В. Методологическое обоснование концепции виктимологического противодействия преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1. С. 15–21; Майоров А.В. Реализация государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности (2014–2020 гг.)» с учетом внедрения подпрограммы «Виктимологическое противодействие преступности в Российской Федерации» // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 4. С. 79–86.

² Игнатов А.Н. Стратегия противодействия криминальному насилию в современном обществе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 6 (23). С. 157–168; Игнатов А.Н. Прогностическая и футурологическая функции криминологии и их роль в генезисе уголовного права // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград : ВА МВД России, 2017. С. 235–244.

³ Приказ МВД России от 02.01.2013 № 1 (ред. от 28.02.2018) «Об утверждении Концепции обеспечения собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

проведение проверочных мероприятий по ним (п. 16.1). В то же время, в области профилактики правонарушений сотрудников ОВД предусмотрены скудеющие меры: выявление, анализ, классификацию, оценку и прогнозирование внешних и (или) внутренних угроз, определение на этой основе конкретных объектов защиты; проведение аналитических исследований состояния законности и служебной дисциплины и, подготовка прогнозов развития оперативной обстановки и динамики криминогенных процессов; выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений сотрудниками ОВД и прочие (п. 17.4). Как можем видеть, Концепция не предусматривает комплекса надлежащих аналитических и иных мер по информационному обеспечению виктимологической профилактики совершения в отношении сотрудников ОВД преступлений.

В основу виктимологического обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД от насильственной виктимизации должна быть положена аналитическая и прогностическая работа по выявлению криминальных угроз, объективных и субъективных факторов виктимности, процессах и закономерностях виктимизации, а также по оценке эффективности реализуемых превентивных мер виктимологического характера.

Инструментом решения соответствующих аналитических задач является криминологический мониторинг, выступающий неотъемлемым элементом управления противодействием преступности¹. Именно криминологический мониторинг обеспечивает информационный компонент, а также синтез элементов статистики и динамики механизма противодействия преступности, за счет реализации процессов получения, обработки и анализа необходимой, для формулирования соответствующих выводов и принятия управленческих решений, информации².

Непосредственными субъектами криминологического мониторинга, осуществляемого в целях обеспечения личной безопас-

---

¹ Игнатов А.Н. Совершенствование механизма противодействия преступности как составляющей обеспечения национальной безопасности // Власть Закона. 2016. № 4 (28). С. 155.

² Игнатов А.Н. Криминологический мониторинг как составляющая механизма формирования и реализации уголовной политики // В сборнике: Современные проблемы уголовной политики. Материалы VI Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. 2015. С. 200.

ности сотрудников от насильственной виктимизации, должны выступать кадровые подразделения, подразделения психологического обеспечения, а также подразделения обеспечения собственной безопасности ОВД.

Объектами криминологического мониторинга должны выступать:

1) показатели состояния, уровня, динамики и структуры насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД;

2) показатели состояния, уровня, динамики и структуры насильственной преступности, преступлений в сфере управления и иных «фоновых» для насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, явлений;

3) объективные и субъективные факторы виктимности сотрудников ОВД;

4) степень насильственной виктимизации в целом сотрудников ОВД, а также ее дифференциация относительно отдельных групп (служб, подразделений) сотрудников ОВД;

5) процессы и закономерности виктимизации сотрудников ОВД, в частности, проявляющиеся в особенностях обстановки и ситуации насильственной виктимизации сотрудников ОВД, а также иных элементах механизма совершения насильственных преступлений в отношении сотрудников ОВД (в зависимости от субъекта преступления, мотивации преступного поведения способов совершения преступления и пр.);

6) уровень и факторы латентности насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД;

7) социальные последствия насильственной виктимизации сотрудников ОВД преступности ОВД;

8) эффективность управленческих решений в сфере виктимологического обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД от насильственной виктимизации;

9) эффективность конкретных мер виктимологического предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД.

В качестве одной из целей мониторинга в сфере профилактики преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, специалисты указывают на формирование в перспективе

ведомственной комплексной программы виктимологического противодействия преступлениям данного вида¹.

Учитывая то, что виктимность сотрудников ОВД находится в обратно пропорциональной зависимости от подбора личного состава и правильной организации службы², виктимизация сотрудников ОВД при совершении в отношении них насильственных преступлений имеют определенную специфику, объективно обусловленную, их профессиональной виктимностью (конфликтогенным, экстремальным и стрессогенным характером профессиональной деятельности и пр.), а также то, что субъективные факторы виктимности сотрудников ОВД, определяемые особенностями личности сотрудника (как индивидуально-психологические, так и поведенческие) могут иметь место (быть присущи сотруднику) до начала прохождения им службы в ОВД, одной из ключевых мер виктимологического предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, является организация и обеспечение эффективного профессионального отбора сотрудников на службу в ОВД и стабильности кадрового состава ОВД.

Государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» в качестве одних из основных направлений совершенствования деятельности ОВД предусматривает обеспечение уровня укомплектованности личным составом органов ОВД и основных качественных характеристик кадрового состава, достаточных для успешного решения служебных задач, а также повышение качества отбора и подготовки кандидатов на службу в ОВД и совершенствование профессионального психологического отбора кандидатов на службу и учебу³. Именно совершенствование механизма профессионального отбора кадров для замещения должностей в системе МВД

---

¹ Чумичкин А.С. Виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 125.

² Иванова С.В. Стрессоустойчивость сотрудников уголовно-исполнительной системы как фактор противодействия виктимности // Человек в условиях неопределенности. Сборник научных трудов научно-практической конференции с международным участием. В 2-х томах. Под общ. и науч. ред. Е.В. Бакшутовой, О.В. Юсуповой, Е.Ю. Двойниковой. 2018. С. 155.

³ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // СЗ РФ. 2014. № 18 (Ч. 4). Ст. 2188.

России определено в качестве одной из основных мер по обеспечению собственной безопасности в системе МВД России (п. 8.6 Концепции), а высокая сменяемость личного состава (особенно в территориальных органах МВД России на районном уровне и их оперативных подразделениях) признана одной из внутренних угроз собственной безопасности системы МВД России (п. 10.9)¹.

Максимально высокий уровень отбора кандидатов на службу в ОВД должен быть обеспечен как при поступлении на службу, прежде всего за счет совершенствования системы отбора кандидатов с учетом глубокого изучения их личности, моральных и деловых качеств, в том числе с использованием специальных психофизиологических диагностик, так и осуществляться при прохождении службы, прежде всего, при назначении на вышестоящие должности, в том числе за счет совершенствования процедур изучения, выдвижения и назначения кандидатов на руководящие должности в ОВД.

С целью повышения эффективности профессионального отбора сотрудников на службу в ОВД, предупреждения противоправного поведения сотрудников и обеспечения виктимологической профилактики необходимо использовать отечественный и зарубежный опыт и имеющиеся психологические, технические и прочие методики.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ И МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ, ПОДЛЕЖАЩИХ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЮ

Карчевский К.А.

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь

Одной из важнейших направлений политики нашего государства является регулирование общественных от-

¹ Приказ МВД России от 02.01.2013 n 1 «Об утверждении Концепции обеспечения собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ношений в области здравоохранения, а также в сфере оказания медицинских услуг и фармацевтической деятельности. В соответствии со стратегией национальной безопасности Российской Федерации¹ и Стратегией лекарственного обеспечения населения до 2025 года² одной из главных задач развития нашего государства выступает обеспечение населения качественными, действенными и безопасными лекарствами, а также медицинскими изделиями. Следует отметить, что отечественное производство лекарств, вакцин и продукции медицинского назначения благодаря целенаправленным усилиям достигло значительных успехов, имеет перспективы роста и уверенно выходит на мировую арену.

Для обеспечения поставленных задач применяется комплексный подход, в который входят и меры уголовно-правовой охраны указанных общественных отношений. Рассмотрим более детально приведенные Ратифицированная Россией Конвенция Совета Европы «О борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения» от 28 октября 2011 года³ обязала наше государство привести отечественное законодательство, в том числе уголовный закон в соответствие с её требованиями. Одной из целей ратифицированной конвенции является установление уголовной ответственности её участниками, предотвращающую угрозы здоровью населения в сфере производства недоброкачественной медицинской продукции.⁴ Имплементаци-

---

¹ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 05.05.2021).

² Приказ Министерства здравоохранения РФ от 13 февраля 2013 г. № 66 «Об утверждении Стратегии лекарственного обеспечения населения Российской Федерации на период до 2025 года и плана ее реализации». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70217532/> (ред. от 29.12.2020 года).

³ Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 439-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения». URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712290026> (дата обращения: 04.05.2021).

⁴ Конвенция Совета Европы от 28 октября 2011 года «О борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения». URL : <https://docs.cntd.ru/document/560988161> (дата обращения: 15.05.2021).

ция Конвенции привела к внесению изменений в отечественное уголовное законодательство и принятию Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 532-ФЗ,¹ которым в Уголовный кодекс РФ наряду с другими составами введена ст. 235.1 УК РФ, установившая уголовную ответственность за незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий без обязательной для этого лицензии².

Введенная норма во многом имеет бланкетный характер, что обусловлено использованием положений других законов и подзаконных нормативно-правовых актов, таких как Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ,³ в котором дана дефиниция понятию лицензии как специальному разрешению на право осуществления субъектами гражданских правоотношений конкретных видов деятельности, исчерпывающий перечень которых предусмотрен этим же законом. Также данным законом в п. 12 ч. 1 ст. 12 установлено, что производство лекарственных средств подлежит лицензированию. Легальность осуществления данной деятельности определяется положениями ст. 49 Гражданского кодекса РФ, которой установлено, что с момента получения разрешения (лицензии) данная деятельность является законной.⁴

Для того, чтобы квалифицировать деяние по указанной норме, правоприменителям необходимо понимать, что же такое лекарственные средства и медицинские изделия. Для этого необхо-

---

¹ Федеральный закон от 31.12.2014 № 532-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия обороту фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173202/ (дата обращения: 27.04.2021).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. 05.04.2021 года). URL : <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 05.05.2021).

³ Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (ред. от 31 июля 2020 г.). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/ (дата обращения: 29.01.2021).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 21.02.2021).

димо обратиться к таким нормативно-правовым актам как Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ,¹ в ст. 4 которого содержится определение лекарственным средствам, а также – к Федеральному закону от 21.11.2011 № 323-ФЗ,² в ст. 38 которого содержатся дефиниция понятию медицинского изделия.

Отметим, что во введенной ст. 235.1 УК РФ не приведено легального толкования понятию производства лекарств и изделий медицинского назначения. Также данного толкования не предложено в Постановлении Правительства РФ от 6 июля 2012 г. № 686 «Об утверждении Положения о лицензировании производства лекарственных средств».³ Восполняя пробелы в понятийном аппарате введенной нормы уголовного закона рядом научных деятелей справедливо под деятельностью по производству лекарственных средств организациями предлагается понимать такую деятельность, которая осуществляется производителями лекарственных средств на одной стадии, нескольких или всех стадиях технологического процесса.⁴

Необходимо отметить, что до введения указанной нормы, как правило, в правоприменительной практике ответственность за совершение подобных действий наступала по ст. 171 УК РФ за ведение предпринимательской деятельности без обязательной лицензии.

В результате введения в Уголовный кодекс РФ ст. 235.1 УК РФ породило ряд правоприменительных трудностей, связанных с

---

¹ Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (ред. 22.12.2020). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99350/ (дата обращения: 19.04.2021).

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 15.04.2021).

³ Постановление Правительства РФ от 6 июля 2012 г. № 686 «Об утверждении Положения о лицензировании производства лекарственных средств» (ред. 22.12.2020). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132372/ (дата обращения: 10.04.2021).

⁴ Колоколов Г.Р., Егоров Ю.В., Хлистун Ю.В., Савина Л.В. Комментарий к Федеральному закону от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (постатейный) / М.А. Беляев [и др.]. URL : <https://1lib.limited/book/3508829/54cfe0?id=3508829&secret=54cfe0> (дата обращения: 14.05.2021).

разграничением квалификации сходных по своему характеру действий между незаконным предпринимательством (общим составом), ответственность за которое предусмотрена ст. 171 УК РФ, и введенной ст. 235.1 УК РФ (специальным состав). Эта путаница вызвана, прежде всего, наличием одинакового признака в обоих составах преступлений – отсутствие обязательной лицензии. Однако одним из обязательных условий квалификации деяний по ст. 171 УК РФ выступает причинение крупного ущерба либо извлечение дохода в крупном размере, то есть более двух с половиной миллионов рублей. Что же касается ст. 235.1 УК РФ, то в данном случае крупный размер является квалифицирующим признаком, изложенным в части 2, который под собой понимает в сравнении гораздо меньшую сумму, а именно превышающую сто тысяч рублей. В ч. 1 ст. 235.1 УК РФ такой признак не указан, а значит считается не обязательным. Приведенное сопоставление двух составов преступлений выявило существенные отличия, которые помогают разграничивать их не только по непосредственному объекту, но и по объективной стороне ст. 235.1 УК РФ, согласно которой не является обязательным факт реализации произведенных лекарственных средств, медицинских изделий и получение от данной деятельности дохода в каком-либо размере.

Таким образом, по правилам квалификации с момента введения ст. 235.1 УК РФ такого рода действия необходимо квалифицировать именно по данному специальному составу, а не по ст. 171 УК РФ, опираясь на то, что специальный состав преступления осуществляет уголовно-правовую охрану специфической сферы общественных отношений, которые складываются по поводу законности производства лекарственных средств или медицинских изделий.

Данные суждения подтверждаются следственно-судебной практикой, а именно: 15 июня 2017 года провозглашен обвинительный приговор Вахитовского районного суда г. Казани по обвинению Сабирова Э.Р. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 235.1 УК РФ. Из материалов дела следует, что Сабиров Э.Р. являлся генеральным директором юридического лица, которое занималось производством медицинской диагно-

стической и иной аппаратуры. Юридическое лицо, которым руководил Сабилов Э.Р., незаконно произвело медицинские изделия в общем количестве 2 416 968 единиц, не имея на это лицензии. После чего, по указанию Сабирова Э.Р. медицинские изделия были реализованы на сумму 17 151 598 рублей 58 копеек.¹ Аналогичная позиция изложена в приговоре Приволжского районного суда Республики Татарстан от 30 ноября 2017 года по делу № 1-694/2017.² Анализируя приведенную судебную практику хотелось бы обратить внимание на то, что доход от действий, осужденных значительно превысил крупный размер, установленный для незаконных предпринимательства и производства лекарственных средств и медицинских изделий, что не повлияло на квалификацию действий виновных по ст. 235.1 УК РФ.

Подводя итоги данной публикации необходимо сказать, что рассмотренные вопросы на сегодняшний день весьма актуальны по причине того, что изготовление лекарственных средств и медицинских изделий без обязательной для этого лицензии ставит под угрозу группу общественных отношений, охраняемых нашим государством. Кроме того, производство медицинской продукции без соответствующего разрешения (лицензии) является потенциально опасным и может нанести непоправимый урон здоровью значительных слоев населения. Возникающие в правоприменительной практике вопросы конкуренции ст.ст. 171 и 235.1 УК РФ имеют место, однако существенных затруднений в разрешении не вызывают, что способствует формированию устойчивой и единообразной следственно-судебной практики.

---

¹ Приговор Вахитовского районного суда г. Казани от 15.06.2017 по делу № 1-226/2017. URL : <https://sud-praktika.ru/precedent/319212.html> (дата обращения: 29.04.2021).

² Приговор Приволжского районного суда города Казани Республики Татарстан по делу № 1-694/2017 от 30.11.2017.ю URL : <https://sud-praktika.ru/precedent/544784.html> (дата обращения: 29.04.2021).

ВОПРОСЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ОБРАЩЕНИЕ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ И МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ

Дервянская Т.П.

канд. юрид. наук, старший преподаватель
кафедры уголовного права и криминологии,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь

Административная ответственность наряду с уголовной является одним из видов юридической ответственности, устанавливаемой государством путем издания правовых норм, определяющих основания ответственности, меры, которые могут применяться к нарушителям, порядок рассмотрения дел о правонарушениях и исполнения этих мер. Административные правонарушения специального характера имеют особенности, присущие только сфере обращения лекарственных средств и медицинских изделий.

Административное законодательство в сфере обращения лекарственных средств и медицинских изделий представлено ответственностью за нарушение установленных правил в сфере обращения медицинских изделий (ст. 6.28 КоАП РФ), обращение фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок (ст. 6.33 КоАП РФ), несвоевременное внесение данных в систему мониторинга движения лекарственных препаратов для медицинского применения либо внесение в нее недостоверных данных (ст. 6.34 КоАП РФ), нарушение законодательства об обращении лекарственных средств (14.4² КоАП РФ).

Существование административной ответственности за правонарушения, связанные с незаконным обращением лекарственных средств и медицинских изделий, закономерно ставит вопрос о разграничении норм уголовного и административного права. Разграничение преступлений и административных правонарушений сле-

дует осуществлять на основе тщательного анализа составов обоих посягательств. Критерии разграничения преступления и проступка чаще всего кроются в признаках объективной стороны состава (способ, последствия, место, время и др.), реже – в признаках субъективной стороны (форма вины, цель, мотив) и субъекта.

Так, при формулировании составов ст. ст. 6.28 и 6.33 КоАП РФ законодатель в диспозиции этих статей прямо указывает, что нарушение установленных правил в сфере обращения медицинских изделий и обращение фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок будет административно наказуемым только в том случае, если эти деяния не содержат уголовно наказуемого деяния. Соответственно, для правильной квалификации таких правонарушений необходимо не только уяснение признаков состава административного правонарушения, но и подробное рассмотрение его во взаимоотношении со схожим составом преступления.

Статья 6.28 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за действие или бездействие, выражающееся в нарушении конкретных правовых норм, регламентирующих порядок обращения медицинских изделий, при этом в соответствии с ч. 3 ст. 38 Закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» обращение медицинских изделий включает технические испытания, токсикологические исследования, клинические испытания, экспертизу качества, эффективности и безопасности медицинских изделий, их государственную регистрацию, производство, изготовление, ввоз на территорию РФ, вывоз с территории РФ, подтверждение соответствия, государственный контроль, хранение, транспортировку, реализацию, монтаж, наладку, применение, эксплуатацию, в том числе техническое обслуживание, предусмотренное нормативной, технической и (или) эксплуатационной документацией производителя (изготовителя), а также ремонт, утилизацию или уничтожение.

При этом ст. 235¹ УК РФ предусматривает уголовную ответственность за производство медицинских изделий без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна). Соответственно администра-

тивной ответственности подлежит лицо, осуществляющее производство медицинских изделий в нарушение установленных правил за исключением случаев производства без лицензии (специального разрешения). Порядок производства медицинских изделий определен ГОСТ Р 15.013-2016¹, данный стандарт рассматривает работы, относящиеся к таким стадиям жизненного цикла медицинских изделий, как исследование, разработка, изготовление (производство), снятие с производства.

Анализ судебной практики позволил сделать вывод о том, что наиболее часто объективная сторона правонарушений, предусмотренных ст. 6.28 КоАП РФ заключается в нарушении требований применения медицинских изделий. Так, применяются медицинские изделия, не зарегистрированные в установленном порядке. Примером может служить ООО «МУ «ЦМК-Дземги», где в медицинских целях использовались медицинские изделия, на которые отсутствовали регистрационные удостоверения, а именно: «Кресло Барани», «Стоматологическая установка», «Ширма медицинская», а также «Простыня одноразовая». На медицинских изделиях «Кресло Барани», «Стоматологическая установка», «Ширма медицинская» на момент проверки отсутствовали информационные таблички, содержащие сведения на русском языке о маркировке включающую наименование и производителя товара, или иные другие обозначения, с помощью которых возможно идентифицировать данные объекты, как медицинские изделия².

Также применяются медицинские изделия с истекшим сроком годности или нарушением условий хранения, например, ООО «Биофарм» применяло медицинское изделие с истекшим сроком годности, а именно: лейкопластырь «Унипласт кровоостанавливающий М-ДОК № 8»³.

Кроме того, значительная часть нарушений, связана с хранением и применением медицинских изделий, не зарегистриро-

---

¹ ГОСТ Р 15.013-2016 Система разработки и постановки продукции на производство. Медицинские изделия. URL : <https://docs.cntd.ru/document/1200139386>

² Решение арбитражного суда Хабаровского края от 05 июня 2020 г. по делу № А73-21645/2019.

³ Решение арбитражного суда Республики Ингушетия от 06 июля 2020 г. по делу № А18-503/2020.

ванных в установленном порядке, так, Бюджетное учреждение здравоохранения Удмуртской Республики «Республиканская офтальмологическая клиническая больница Министерства здравоохранения Удмуртской Республики» г. Ижевск осуществляла хранение и использование при проведении операций по кератопластике незарегистрированных медицинских изделий: «Материал для кератопластики» производства отделения заготовки трупных тканей БУЗ УР «РОКБ МЗ УР»¹.

Нередко административным правонарушением являлось также нарушение требований по эксплуатации, в том числе техническому обслуживанию, предусмотренных нормативной, технической и (или) эксплуатационной документацией производителя (изготовителя). В качестве примера можно привести МАУЗ ОТКЗ ГКБ № 1 установлен факт обращения медицинских изделий с нарушением правил эксплуатации и технического обслуживания. Согласно паспорту Прибора ЭХВЧ-350-03-«ФОТЭК» гарантийный срок эксплуатации нейтрального электрода – 12 месяцев, при числе циклов дезинфекций не более 500. Записи, подтверждающие проведение дезинфекции многоразового нейтрального электрода, а также учет проведенных дезинфекций и визуальных осмотров нейтрального электрода не представлены. При этом, при обращении медицинских изделий (аппарата электрохирургического высокочастотного ЭХВЧ-350-«ФОТЕК», нейтрального электрода) в отделении детской хирургии МАУЗ ОТКЗ ГКБ № 1 при проведении хирургических вмешательств у пациентов неоднократно возникали ожоги мягких тканей, что в свою очередь требует длительного лечения и реабилитации².

Таким образом административная ответственность предусмотрена за нарушение любых правил обращения медицинских изделий, кроме производства медицинских изделий без специального разрешения (лицензии), если такая лицензия (такое разрешение) было обязательным.

Рассматривая статью 6.33 КоАП РФ «Обращение фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незаре-

---

¹ Решение арбитражного суда Удмуртской республики от 10 сентября 2020 г. по делу № А71- 19756/2019.

² Решение арбитражного суда Челябинской области от 25 июня 2020 г. по делу № А76-6593/2020.

гистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок» и ее отличие от ст. 238¹ УК РФ, в первую очередь отметим, что уголовной ответственности подлежит только незаконное обращение лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок в крупном размере. Также имеют значительное отличие объективные признаки рассматриваемых составов правонарушения и преступления. Для наглядности объективные признаки представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Объективные признаки ст. 6.33 КоАП РФ и ст. 238¹ УК РФ

Предмет	Объективная сторона	
	ст. 6.33 КоАП РФ	ст. 238 ¹ УК РФ
Фальсифицированные лекарственные средства и медицинские изделия	Производство Реализация Ввоз	Производство Сбыт Ввоз
Контрафактные лекарственные средства и медицинские изделия	Реализация Ввоз	–
Фальсифицированные биологически активные добавки	Оборот	–
Фальсифицированные биологически активные добавки, содержащие не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции	–	Производство Сбыт Ввоз
Недоброкачественные лекарственные средства и медицинские изделия	Реализация Ввоз	Сбыт Ввоз
Незарегистрированные лекарственные средства	Производство Реализация Ввоз	Незаконное производство Сбыт Ввоз
Незарегистрированные медицинские изделия	–	Незаконное производство Сбыт Ввоз

Анализируя представленную информацию, можно сделать вывод что за обращение контрафактных лекарственных средств и медицинских изделий предусмотрена только административная ответственность. При этом, в соответствии с действующим законодательством, под контрафактным лекарственным средством или ме-

дицинским изделием понимают лекарственное средство или медицинское, находящееся в обороте с нарушением гражданского законодательства¹. И, напротив, не предусмотрена административная ответственность за обращение незарегистрированных медицинских изделий, при этом присутствует такая ответственность за обращение незарегистрированных лекарственных средств.

Кроме того, в качестве предмета рассматриваемых правонарушений и преступления существенно отличаются биологически активные добавки. Так, административно наказуемым является оборот любых фальсифицированных биологически активных добавок, при этом уголовная ответственность предусмотрена только за оборот фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции.

Различия в объективной стороне данных составов не столь существенны, законодатель, предусмотрел в качестве как уголовно-наказуемых, так и административно-наказуемых деяний, входящих в незаконное обращение лекарственных средств и медицинских изделий, производство и ввоз на территорию Российской Федерации, при этом административной ответственности подлежит реализация фальсифицированных лекарственных средств и медицинских изделий, а также незарегистрированных лекарственных средств, а уголовной – сбыт.

Стоит отметить, что действующее законодательство не содержит понятия сбыта фальсифицированных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, и медицинских изделий. Федеральные законы «Об обращении лекарственных средств» и «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» лишь включают понятие «реализация».

Также усматриваются отличия рассматриваем норм и по субъективной стороне, так уголовная ответственность за ввоз на

---

¹ Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «Об обращении лекарственных средств» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021); Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

территорию российской федерации незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий возможна только в том случае, если у виновного присутствовала специальная цель – сбыт таких лекарственных средств и медицинских изделий, для схожего состава административного правонарушения цель ввоза незарегистрированных лекарственных средств не имеет значения.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что вопрос о соотношении уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконное обращение лекарственных средств и медицинских изделий с нормами административного законодательства, в теории уголовного права практически не рассмотрен. Значение этого вопроса нельзя недооценивать, т.к. его разработка способствует выявлению сущности общественной опасности преступлений, связанных с незаконным обращением лекарственных средств и медицинских изделий.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

Капица Т.А.

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
ЧОУ ВО Южный институт менеджмента,
г. Краснодар

Убийства являются наиболее тяжкими преступными посягательствами на личность. Убийства новорожденных детей всегда вызывает общественный резонанс и негодование. Ведь мать, это самый близкий человек, который должен заботиться и оберегать ребенка, особенно в младенчестве. Убийство матерью новорожденного ребенка законодатель связывает со специфическим состоянием женщины в момент совершения преступления и относит данное преступление к числу привилегированных, ссылаясь на особое психофизическое состояние, вызванное беременностью и родами. Безусловно, беременность и роды являются сложнейшими биологическими процессами, которые могут послужить триггером, на наш взгляд, только если в данный период женщина

окажется в сложной жизненной ситуации, либо имеются психические расстройства, не исключающие вменяемость.

Анализ ст. 106 УК РФ позволяет выделить три самостоятельные преступные деяния:

- убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу после родов;
- убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации;
- убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Отсутствие конкретизации в уголовном законе уже много лет вызывают вопросы при квалификации преступлений данной категории и являются дискуссионными.

Убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу после родов вызывает множество вопросов, законодатель не конкретизирует ни период времени, ни эмоциональное состояние женщины в момент совершения преступления. В связи с чем, остается загадкой, что именно хотел закрепить законодатель, формулируя данную норму.

Мазановский районный суд (Амурская область) установил, что подсудимая, узнав о своей беременности скрывала этот факт от посторонних лиц и медицинских работников, в медицинские учреждения по поводу беременности не обращалась. Имея умысел, направленный на убийство новорожденного ребенка сразу же после родов, вследствие недостатка денежных средств для воспитания ребенка и его материального обеспечения, после чего, желая стимулировать родовую деятельность и избавиться от нежелательной беременности, с целью реализации своего умысла, направленного на убийство новорожденного ребенка сразу же после родов, нашла в сети информацию о лекарственном препарате, стимулирующем родовую деятельность, приобрела его и ввела внутримышечно. После выхода ребенка из родовых путей, являясь матерью новорожденного, живорождённого, жизнеспособного, доношенного ребенка мужского пола, понимая и осознавая, что родившийся новорожденный ребенок живорожденный и жизнеспособный, реализуя свой умысел, направленный на убийство новорожденного ребенка сразу же после родов, действуя умышленно, осознавая общественно-опасный характер

своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно-опасных последствий в виде причинения смерти новорожденному ребенку путем его утопления в ведре с водой, и желая этого, взяла новорожденного ребенка в руки и поместила его в ведро с водой вниз головой. В результате умышленных действий, смерть новорожденного ребенка наступила от механической асфиксии в результате закрытия просвета дыхательных путей водой при утоплении. Суд назначил виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ и наказание в виде лишения свободы сроком на 1 (один) год 6 (шесть) месяцев с отбыванием наказания в колонии-поселении.¹

Балезинский районный суд (Удмуртская Республика) установил, что Фофанова В.В. из-за неустроенности личной жизни, находясь в тяжелом материальном положении и не желая заботиться о ребенке, действуя умышленно, с целью убийства новорожденного ребенка сразу же после родов, обрезав пуповину, зная о низкой температуре окружающей среды, положила новорожденного в полимерный пакет, завязав ручки пакета, после чего в оставила новорожденного ребенка в кустах и покинула место происшествия. В результате ребенок скончался от переохлаждения. По месту жительства Фофанова В.В. характеризуется положительно: имеет постоянное место жительства, регистрации, проживает с родителями, спиртным не злоупотребляет, на учете у нарколога и психиатра в БУЗ УР «Балезинская РБ МЗ УР» не состоит, по характеру спокойная, уравновешенная. Инвалидности, тяжелых, хронических заболеваний не имеет. Таким образом, своими действиями Фофанова В.В. совершила преступление, предусмотренное ст. 106 Уголовного Кодекса Российской Федерации «убийство матерью новорожденного ребенка», т.е. убийство матерью новорожденного ребенка сразу же после родов. Суд назначил наказание в виде ограничения свободы на срок 2 года.²

Приведенные выдержки из судебной практики свидетельствуют, что не было сиюминутного порыва в момент совершения

---

¹ См. Приговор Мазановского районного суда от 22 марта 2017 г. Решение по делу № 1-25/2017. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/Ymhv5PXNcGdW/>

² См. Приговор Балезинского районного суда от от 13 июля 2020 г. Решение по делу № 1-111/2020. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/Ymhv5PXNcGdW/>

преступления, вызванным болевым синдромом, страданиями, которые имели место быть в момент родовой деятельности. Поэтому критерий «во время или сразу после родов», на наш взгляд, не обоснован. Как верно утверждает, Лопашенко Н.А. отсутствие в законе указаний об эмоциональном и психическом состоянии является не справедливой, поскольку заранее обдуманное и спланированное убийство матерью своего новорожденного ребенка нельзя отнести к привилегированному составу.¹

Анализ материалов уголовных дел позволяет сделать вывод о том, что большая часть преступлений данной категории является умышленными и хладнокровными, женщина скрывает факт беременности, принимает меры, чтобы скрыть изменения во внешности, придумывает различные оправдания для родственников, знакомых, соседей, что подтверждает отсутствие внезапного импульсивного решения, вызванное болевым синдромом. Так же, отсутствие обращения в медицинское учреждения в период беременности, принятие мер к благоприятному течению и исходу беременности, тайные роды, сокрытие следов преступления, отсутствие детских вещей, необходимых для заботы за новорожденным свидетельствует о планировании преступления. Поэтому, считаем не справедливым относить убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу после родов в отсутствие психотравмирующей ситуации, либо в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Законодатель не раскрывает понятие психотравмирующей ситуации, отсутствие конкретики порождает вопросы и трудности при квалификации. На наш взгляд, систематический детский плач, отсутствие возможности выспаться матери, одиночество матери не следует относить к психотравмирующей ситуации. Так же следует установить связь между сложными жизненными обстоятельствами и их влияние на психологическое состояние женщины во время и после родов. Ведь желая уйти от наказания женщина может симулировать симптоматику послеродовой депрессии, ссылаться, что оказалась в не экологичной ситуации.

Убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости является наиболее понятной и заключается в установлении у преступ-

---

¹ Лопашенко Н.А. Убийства : монография. М., 2013. С. 451–458.

ницы психических аномалий, которые могли повлиять на формирование ее личности. Так, в Лузском районном суде было установлено, что подсудимая Труфановой Д.Б. во время совершения инкриминируемого ей деяния и в настоящее время обнаруживаются признаки расстройства. Во время совершения инкриминируемого деяния Труфанова Д.Б. находилась в состоянии эмоционального напряжения, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, которое в сочетании с индивидуальными психологическими особенностями, обусловленными психическим расстройством, оказало влияние на поведение Труфановой Д.Б. в указанной ситуации. Суд назначил наказание в виде лишения свободы сроком на 1 (один) год 6 (шесть) месяцев с отбыванием в колонии-поселении и принудительную меру медицинского характера в виде принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях.¹

В практике известны случаи убийства двух и более новорожденных, что не находит своего отражения в законе. Так Калининским межрайонным следственным отделом следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Тверской области расследовалось уголовное дело в отношении 37-летней местной жительницы, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ. По данным следствия, женщина, забеременев, намеревалась прервать беременность, однако оттянула сроки и в итоге не смогла этого сделать. Тогда она начала предпринимать различные меры к тому, чтобы вызвать роды. В итоге, в декабре 2016 года у нее в домашних условиях начались роды, после которых она намереваясь избавиться от ребенка сразу же после его рождения. Женщина родила двойняшек, которых завернула в простыню и положила на пол в комнате, оставив без ухода в опасном для жизни и здоровья состоянии, лишенными возможности принять меры к самосохранению. Спустя сутки мать закопала тела детей в огороде собственного дома. Когда следователями Следственного комитета и сотрудниками МВД стал выясняться вопрос о месте захоронения младенцев, женщина показывала им ложные места. Однако, в ре-

---

¹ См. Приговор Лузского районного суда от 17 июля 2020 г. Решение по делу № 1-49/2020.

зультате слаженных действий сотрудников отдела криминалистики СУ СК РФ по Тверской области и ОУР ОМВД России по Калининскому району, тела младенцев были обнаружены¹.

На наш взгляд все вышеперечисленное свидетельствует о том, гуманность законодателя является неоправданной. Необходимо внести уточнения в диспозицию данной нормы и дать разъяснения ее толкования.

А так же добавить часть 2 ст. 106УК РФ и внести пункт о совершении деяния в отношении двух и более новорожденных.

ГЕНЕЗИС ВЫДАЧИ ПРЕСТУПНИКОВ (ЭКСТРАДИЦИИ) КАК ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Рудик М.В.

канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь

Иликбаева Е.С.

канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь

Институт экстрадиции представляет собой достаточно сложную систему правовых норм, которая имеет место быть в случаях необходимости выдачи того или иного лица для уголовного наказания в другую страну. Современные условия жизни требуют упрочнение связей взаимодействия между госу-

¹ Женщине предъявлено обвинение в убийстве новорожденного ребенка. Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Тверской области. URL : <http://tver.sledcom.ru/news/item/1106811/>

дарствами, в связи с чем и возрастает роль института экстрадиции в настоящее время. Необходимо сказать, что данный институт имеет множество нюансов, которые существенно влияют на применение норм на практике. В связи с этим можно сказать, что столь сложный институт не мог сформироваться одномоментно, а имеет длительный путь развития. Исходя из этого, рассмотрение истории зарождения и становления данного института представляет особую актуальность, так как позволит еще глубже изучить основные его положения в настоящий момент.

Приступая к рассмотрению исторического пути, следует сказать, что корни института экстрадиции берут свое начало в глубокой древности. В этот период еще не было создано строгой правовой системы и правовых норм, регламентирующих институт экстрадиции. К данным случаям относятся такие случаи, когда лицо совершило тяжкое преступление в отношении иностранного гражданина, чтобы его выдача была оправданной с точки зрения удовлетворения чувства мести того народа, к которому относится иностранный гражданин¹.

Основные положения института экстрадиции начали формироваться в XVII веке. Однако уже в Средневековье государства начали заключать двусторонние договоры, которые нельзя не упомянуть при рассмотрении исторического пути становления института экстрадиции. Одними из наиболее древних договоров можно считать договор 1242 года заключенный между голландским князем Вильгельмом II и графом Брабанта Генри II.

Немаловажными договорами выступают договоры между египетским фараоном Рамзесом II и царем хеттов Хеттушилем III в 1296 году. Данный договор предусматривал, что «если убежит из земли египетской один человек, или два, или три, чтобы прийти к великому князю страны хеттов, великий князь должен схватить их и повелеть отправить обратно к Рамзесу II. Что же касается человека, которого приведут к Рамзесу II, пусть не взыщут с него вины, пусть не уничтожат его дом, его жен и его детей (пусть не убьют его), пусть не повредят его глаз, его ушей и

---

¹ Курс по уголовному праву. Общая часть. Новосибирск : Сибирское университетское издательство, Норматика, 2017. 186 с. URL : <http://www.iprbookshop.ru/65248.html> (дата обращения: 24.04.2021).

ног...». При этом данные требования предусматривались для обеих сторон договора¹.

Кроме того, можно также упомянуть о договоре 1303 года, заключенный между королем Англии Эдуардом III и королем Франции Филиппом Красивым по поводу выдачи лиц, совершивших преступление.

Начало исторического пути становления института экстрадиции начинается с момента образования Древнерусского государства. Проанализировав исторический путь, можно выделить несколько основополагающих этапов.

Первый этап берет свое начало в период Средневековья, когда между Древней Русью и иностранными государствами начали заключаться первые основополагающие договоры. В качестве первого можно выделить договор, заключенный князем Олегом в 911 году с Византией, именуемый Договор о мире и дружбе.

Нельзя также упомянуть о «Договорной записи со Швецией от 19 (29) октября 1649 г. о выдаче перебежчиков». Подобные договоры также заключались с Австрией в 1808 году и Пруссией в 1804 году.

Данный исторический период длится вплоть до начала XIX века, а именно до отечественной войны России с Францией 1812 года.

Второй этап становления института экстрадиции в РФ берет свое начало после победы в вышеуказанной войне, а именно в 1815 году. В данный период с XVIII в. до первой половине XIX в. Россия заключила всего пять договоров и практически во всех речь шла о выдаче дезертиров: два – с Австрией, два – с Пруссией и один с Саксонией, последние по времени были заключены в 1815 г. – с Австрией, в 1816 г. – с Пруссией, в 1834 г. – с Австрией и Пруссией.

Следующий период начинается со второй половины XIX века, с 1865 года и до принятия Закона 1911 года. Некоторые авторы, анализируя данный период отмечают, что Россия во второй половине XIX в. Достаточно быстро смогла устранить отставание в вопросах экстрадиции в сравнении с европейскими государствами.

---

¹ Беспалько В.Г., Маякова А.С. Актуальные проблемы уголовного права: учебное пособие. М. : Российская таможенная академия, 2014. 256 с. URL : <http://www.iprbookshop.ru/69689.html> (дата обращения: 24.04.2021).

Это в основном удалось за счет большого количества заключенных договоров с различными государствами, которые регулируют вопросы экстрадиции. Исключением стала Франция, дипломатические связи с которой не были налажены вплоть до конца XIX в. При этом, можно отметить, что за 45 лет данного периода развития, Россией было заключено около 24 договоров с 17 странами. Первым договором в этот период был договор с Данией 1866 года. Кроме того, в качестве примеров можно привести договоры с Нидерландами (1867), Италией (1871), Англией (1886) и др.

В международной практике постепенно стали исключать политические преступления из сферы выдачи, были определены экстрадиционные преступления, утвердился принцип невыдачи собственных граждан и т.д. Наряду с совершенствованием договорно-правовой базы, выдачи получила развитие и практика принятия национальных законодательных актов об экстрадиции. Были приняты законы об экстрадиции в Бельгии, Великобритании, Франции, Швейцарии, Австрии, Германии, Швеции, России.

Четвертый этап выпадает на время развития института экстрадиции в период СССР. Начало этого периода приходится на принятие Закона 1911 года «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств». Данный закон состоял из 25 статей, которые были также включены в Свод законов Российской империи и составляли отдельную главу данного законодательного акта. Кроме того, закон был включен в Устав уголовного судопроизводства имея тоже самое название. В связи с этим закон получил двойную нумерацию: от ст. 852/1 до ст. 852/25. Следует отметить, что данный нормативный акт для своего времени был достаточно информативным, полностью соответствовал практике экстрадиции. Закон позволил сделать значительный скачок в развитии института экстрадиции в виду своего соответствия действующим на то время мировым стандартам в сфере выдачи лиц. Данный факт в значительной мере улучшил дипломатические правоотношения между Россией и европейскими странами в виду того, что расширил границы взаимодействия в уголовной сфере, выведя Россию на качественно новый уровень на международной арене.

Особенностью периода СССР стало то, что взаимодействие осуществлялось как со странами социалистической направленности, так и со странами, имеющими капиталистический уклад.

Следует отметить, что за относительно краткий период времени, с 1917 года по 1991 год сложилась сложная система договоров с иностранными государствами в сфере экстрадиции. Правительство СССР, отрицая капитализм во всех его проявлениях, четко осознавало, что необходимость взаимодействия с капиталистическими странами, в большинстве своем со странами Европы, представляет собой большую актуальность для борьбы с внутригосударственной преступностью.

Следующий период представляет собой современный этап становления института экстрадиции в Российской Федерации, то есть с 1992 года до настоящего времени. После распада СССР и появления на международной арене достаточно большого количества самостоятельных государств, ранее входивших в состав СССР, вопрос экстрадиции приобрел новое принципиальное значение¹.

Следует сказать, что вплоть до настоящего времени закона, регламентирующего конкретно вопрос экстрадиции, отечественным законодателем принят так и не был. В связи с этим большинство авторов отмечают необходимость принятия такого закона для отечественной правовой системы.

В тоже время институт экстрадиции так или иначе регламентируется уже имеющимися правовыми актами. В частности, Конституция РФ в ст. 61 и ст. 63 регулирует данные вопросы экстрадиции. Кроме того, нормы об экстрадиции также сформулированы в УК РФ и УПК РФ. Более подробно нормы данных правовых актов будут рассмотрены в следующих параграфах научно-исследовательской работы.

Особую роль в становлении института выдачи преступников в РФ стало принятие Федерального закона РФ «О ратификации Европейской конвенции о выдаче, Дополнительного протокола и Второго дополнительного протокола к ней» в 1999 г. Значимость данного документа представляется в том, что Россия вводит в

---

¹ Соотношение национального и международного права по противодействию национализму, фашизму и другим экстремистским преступлениям: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной выдающемуся российскому ученому Николаю Сергеевичу Алексееву (Москва, 30 октября 2015 г.) / С.А. Алексеев [и др.]; под ред. А.И. Бастрыкин. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 239 с. URL : <http://www.iprbookshop.ru/72448.html> (дата обращения: 24.04.2021).

свое законодательство международные нормы, затрагивающие вопросы выдачи преступников, совершивших преступления против мира и безопасности человечества, чем значительно расширяет границы взаимодействия в сфере борьбы с преступностью.

Нельзя не отметить то, что важным шагом на пути развития норм института экстрадиции в РФ могла бы стать ратификация Римского статута¹, который был принят в 1998 году. Девятая часть данного международного акта представляет собой семнадцать статей, которые регламентируют международное сотрудничество и судебную помощь между государствами. Несмотря на то, что Россия 13 сентября 2000 года подписала данный документ, однако вплоть до 2016 года она его не ратифицировала. Так. В 2016 году Президент РФ Владимир Владимирович Путин подписал распоряжение об отказе России участвовать в Римском статуте.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что становление института экстрадиции в РФ и в мировой истории имеет глубокие корни, в следствие чего представляет собой достаточно сложный правовой институт. В истории экстрадиции в РФ авторы выделяют пять основных периодов ее формирования. Вместе с тем каждый период характеризуется принятием тех или иных правовых актов как внутри государства, так и с иностранными государствами, которые либо напрямую регламентируют вопросы экстрадиции, либо закрепляют положения о взаимодействии в сфере расследования уголовных преступлений. Следует также сказать, что концепция выдачи преступников как концепция экстрадиции постепенно уточняется и модифицируется. Она приобретает иной вид. Новую концепцию экстрадиции, идущую на смену концепции выдачи, можно определить, как концепцию правовой помощи, стремящуюся обеспечить не только наказание преступника, но и справедливость уголовной ответственности лиц, подозреваемых в совершении преступлений, и тем самым повысить эффективность международных усилий в борьбе с международной преступностью.

---

¹ Актуальные проблемы уголовного права (особенная часть): монография / М. : Российская академия адвокатуры и нотариата, 2017. URL : <http://www.iprbookshop.ru/72638.html> (дата обращения: 27.04.2021).

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО УТОЧНЕНИЯ ДИСПОЗИЦИИ Ч. 1 СТ. 150 УК РФ

Юшина Ю.В.

канд. юрид. наук, старший преподаватель
кафедры уголовного права и криминологии,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь

Существенно снизить градус многолетней дискуссии ученых по поводу особенностей квалификации действий взрослых лиц, в случаях вовлечения ими несовершеннолетних в совершение преступлений позволили разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (далее ППВС РФ от 01.02.2011 г. № 1)

Вместе с тем, остались неразрешенными ряд проблемных вопросов относительно толкования отдельных пунктов и терминов указанного Постановления Пленума, которые нуждаются в уточнениях либо коррекции. К разряду таковых, по нашему мнению, следует отнести, актуальные для сотрудников правоохранительных органов, вопросы отсутствия легитимного толкования термина «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления». В настоящее время под данным термином следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания у лица, не достигшего 18-ти лет совершить преступление. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана, угроз, так и форме предложения совершить преступление, разжигания чувства зависти, мести и иных действий.¹

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12082757/>

В науке уголовного права эту позицию поддерживает большинство отечественных ученых.¹ Однако некоторые ученые трактуют термин «вовлечение» как подстрекательство совершить преступление, понуждение или принуждение к чему-либо.²

Кроме этого перед правоприменителями возникает закономерный вопрос: можно ли рассматривать термины «склонение», «вовлечение» и подстрекательство как идентичные или все-таки необходим дифференцированный подход к этим категориям.³

Формированию различных точек зрения способствовала (и в настоящее время способствует) позиция законодателя, отказавшегося от использования в конструкции специальных норм к ст. 150 УК РФ единого (универсального) термина «вовлечение». Подтверждением данного тезиса выступает на наш взгляд редакция ст. 230 УК РФ, в которой использован термин «склонение» и диспозиция ст. 133 УК РФ, в которой применен термин «побуждение».

В то же время, законодатель не рассматривает данные термины как тождественные, подтверждением чему является изложение объективной стороны ст. 240 УК РФ, как: «вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией».

Прямое толкование объективной стороны ст. 151.2 УК РФ позволяет сделать логический вывод о признании законодателем термина «склонение» составной частью термина «вовлечение».

Отсутствие легитимного толкования термина «вовлечение» повлекло за собой возникновение множества авторских версий

---

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации в 4 томах. Особенная часть / Отв. ред. В.М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017; Косова Н.Н. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и (или) иных антиобщественных действий: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 21.

² Осипьян А.В. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий (уголовно-правовые и криминологические аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов на Дону, 2006. С. 6; Российское уголовное право. Особенная часть. Т. 2 / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога, 2007. С. 163.

³ Голоднюк М.Н., Лазарев Э.Б. Дискуссионные вопросы понятия «вовлечение» как конструктивного признака ст.150 УК РФ // Вестник Моск. ун-та. Серия 11 – Право, 2009. С. 3.

определения этого понятия. Так, по мнению Г.Ю. Чумаковой: «вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность – это запрещенные законом общественно опасные действия, направленные на умышленное возбуждение у несовершеннолетнего, с помощью физического или психического воздействия, желания и стремления участвовать в совершении одного или нескольких преступлений».¹

«Вовлечь – значить побудить, привлечь к участию в чем-нибудь и не только побудить, а втянуть, ввести силой, принудить, соблазнить к какому-нибудь делу, заманить, заставить принять участие».²

Обобщая указанное можно констатировать, что виновное взрослое лицо в процессе вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления использует, в основном, два способа.

Первый, условно обозначим ненасильственный, к нему относятся обещания, обман, предложение совершить преступление, возбуждение у подростка чувства мести, зависти.

Второй способ предполагает применение к несовершеннолетнему мер физического или психического насилия. В качестве психического насилия взрослым могут быть высказаны различные угрозы (например, угрозы уничтожения или повреждения имущества).

Обладающие более повышенной степенью общественной опасности угрозы применения физического насилия (нанесения побоев, причинение вреда здоровью любой тяжести, незаконного лишения свободы) предусмотрены ч. 3 ст. 150 УК РФ.

В связи с чем мы считаем достаточно убедительной позицию Ю.Е. Пудовочкина³ ведь, вовлечение состоит в воздействии

¹ Чумакова Г.Ю. Вовлечение несовершеннолетнего в преступление и иные виды антиобщественных действий / Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). Челябинск, 2017. С. 38.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. Советская энциклопедия, 1968. С. 84; Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка. Т. 1, 1995. С. 217.

³ Пудовочкин Ю.Е. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: новые решения и новые проблемы // Актуальные вопросы юриспруденции. [Электронный ресурс]. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vovlechenie-nesovershennoletnego-v-sovershenie-prestupleniya-novye-resheniya-i-novye-problemy/viewer> (дата обращения 15.04.2021).

на сознание несовершеннолетнего благодаря убеждению в целесообразности, выгоды совершения преступления или иных антиобщественных действий. Желанные для взрослого лица действия совершаются по собственной воле подростка. А принуждение же, (в этом кроется главное отличие от вовлечения) проявляется в активных действиях, вследствие которых, несовершеннолетний побуждается (понуждается), вопреки своему желанию, совершить преступление. Например, такими способами как шантаж, физическое насилие или угроза его применения при которых априори нельзя вести речь о наличии свободного волеизъявления подростка совершить преступление или участвовать в нем

Признавая «вовлечение» и «принуждение» не тождественными терминами, мы полагаем целесообразным укрепление законодательной конструкции ч. 1 ст. 150 УК РФ путем введения в нее термина «принуждение», то есть изложения в следующей редакции: «Вовлечение либо принуждение несовершеннолетнего к совершению преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста».

СОТРУДНИКИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ КАК СУБЪЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Котляр А.И.

преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности ОВД,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь

В настоящее время в Российской Федерации активно реализуются превентивные меры, направленные на борьбу с таким общераспространенным преступным явлением как коррупция. Однако, согласно аналитических данных Генеральной прокуратуры Российской Федерации по сравнению с предше-

ствующим периодом 2020 года в первом квартале 2021 года массив преступлений коррупционной направленности увеличился на 18,7 % (с 10 тыс. до 11,9 тыс.)¹, что свидетельствует об отсутствии желаемой результативности используемых мер по борьбе с деяниями данной категории.

Согласно положениям Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»² применение мер по предупреждению коррупции в Российской Федерации является приоритетом. Выделение отдельных видов преступности по критерию субъекта преступлений является устоявшимся в криминологии методологическим приемом. Личность преступника является основным и важнейшим звеном всего механизма преступного поведения³. Следовательно, на сегодняшний день для превенции противоправных деяний коррупционной категории остается актуальным изучение личности преступника, закономерностей его поведения и факторов, которые способствуют формированию и реализации преступных установок.

Меры профилактического воздействия должны приниматься с учетом типологии личности злоумышленника, лишь в этом случае они будут эффективными. Существуют различные критерии классификации деликвентов, в том числе и лиц, осужденных за совершение противоправных деяний коррупционной направленности. В современной криминологической науке представлено достаточно большое количество разработок по определению типовых особенностей личности коррупционера – чиновника, который совершает должностное преступление, руководствуясь, преимущественно, корыстной мотивацией¹. Необходимо принимать во внимание тот факт, что изучая сущность человека, его соци-

---

¹ Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России за март 2021 г. // Официальный сайт Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL : crimestat.ru/analytics

² Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // «Российская газета» от 30 декабря 2008 г. № 266.

³ Игнатов А.Н., Хун А.З. Преступления коррупционной направленности, совершаемые сотрудниками органов внутренних дел: определение категории // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 32.

¹ Лапшин Валерий Федорович. Типологии личности преступника-коррупционера в современном криминологическом учении // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2019. № 3. С. 78.

альный статус, функции, мотивы, потребности, ценностные ориентации, установки, необходимо выделять только те особенности, которые стали следствием противоправного поведения.

Имеющиеся исследования широко рассматривают проблемы преступной деятельности должностных лиц органов государственной власти, которая выражается в использовании ими своих властных полномочий и служебного положения в целях личного обогащения, при этом острое внимание уделяется сотрудникам правоохранительной сферы. Связано это с особым статусом субъектов данной деятельности, преобладанием деструктивных процессов и общим кризисом функционирования органов правопорядка в нашей стране.

Сотрудники Министерства внутренних дел Российской Федерации являются специфической категорией должностных лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений. Учитывая общественную опасность и масштабность криминальных форм проявления коррупции, противодействие ее проявлениям в органах внутренних дел является одной из первостепенных задач¹. В структуре данной правоохранительной системы особое место занимают сотрудники подразделений правового обеспечения – юрисконсульты, которые криминологией в качестве субъекта коррупционного преступления до настоящего времени не исследованы.

Изучение характеристики личности юриста-коррупционера, проходящего службу в органах внутренних дел, обусловлено следующей спецификой. Во-первых, такое лицо замещает должность в правоохранительном органе, который является одним из основных субъектов профилактики и борьбы с преступностью коррупционной направленности. Во-вторых, на юрисконсульта возложено выполнение обязанностей, в которые непосредственно включены мероприятия по противодействию коррупционных проявлений внутри системы МВД России, таких как правовой контроль, в том числе осуществление правовой экспертизы проектов правовых актов, оценка законности принятых ведомствен-

---

¹ Игнатов А.Н., Хун А.З. Преступления коррупционной направленности, совершаемые сотрудниками органов внутренних дел: определение категории // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 5 (71). С. 131–134.

ных правовых актов и контроль за соблюдением законодательства, регулирующего служебную деятельность в системе МВД России, а также проведение антикоррупционной экспертизы издаваемых нормативных правовых актов¹. Несмотря на это, сотрудники подразделений правового обеспечения, проходящие службу в органах внутренних дел, также подвержены такому социально опасному явлению как коррупция.

Согласно законодательству в сфере противодействия коррупции одной из применяемой меры ее профилактики служит институт представления сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. В соответствии с положениями приказа МВД России от 16 декабря 2016 г. № 848², должности всех наименований, в служебные обязанности которых входит осуществление полномочий по защите интересов органов внутренних дел в судах и (или) по проведению правовой экспертизы проектов конкурсной документации и документации об аукционе, запросов котировок цен на товары, работы, услуги для обеспечения нужд МВД России, а также проектов соответствующих договоров, соглашений, государственных контрактов обязаны представлять сведения о своих доходах, об

---

¹ Приказ МВД России 05.01.2007 № 6 «Об утверждении Наставления по организации правовой работы в системе МВД России» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289909/ (дата обращения: 06.05.2021).

² Приказ МВД России от 16 декабря 2016 г. № 848 «О Перечне должностей федеральной государственной службы в Министерстве внутренних дел Российской Федерации и должностей в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством внутренних дел Российской Федерации, при замещении которых сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации, федеральные государственные гражданские служащие и работники, а также граждане при назначении на должности в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством внутренних дел Российской Федерации, обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 20.01.2017).

имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. Следовательно, в число таких должностных лиц включены сотрудники подразделений правового обеспечения органов внутренних дел, которые непосредственно реализуют вышеуказанные направления деятельности.

Согласно указанным положениям можно сделать вывод, что законодатель закрепил следующие функциональные обязанности юрисконсульта системы МВД России, при осуществлении которых могут проявиться коррупционные деяния:

- защита интересов органов внутренних дел в судах;
- проведение правовой экспертизы проектов конкурсной документации и документации об аукционе, запросов котировок цен на товары, работы, услуги для обеспечения нужд МВД России;
- проведение правовой экспертизы проектов соответствующих договоров, соглашений, государственных контрактов.

Обязанности по выполнению данных направлений служебной деятельности содержатся в Наставлении по организации правовой работы в системе МВД России, утвержденном приказом МВД России 05 января 2007 г. № 61, порядок их реализации регламентируется федеральным законодательством и ведомственными нормативными правовыми актами.

Таким образом, установлен ориентировочный круг служебных правоотношений, в которых юрисконсульт может реализовать имеющиеся преступные наклонности. Указанные сведения могут быть положены в основу дальнейшего изучения данного вопроса, помогут определить круг преступных деяний, которые следует отнести к категории преступлений коррупционной направленности, совершаемых юрисконсультом, проходящим службу в системе МВД России.

---

¹ Приказ МВД России 05.01.2007 № 6 «Об утверждении Наставления по организации правовой работы в системе МВД России» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289909/ (дата обращения: 06.05.2021).

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ

Крюк В.С.

старший преподаватель кафедры уголовного права,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар

Проблемам криминологического обеспечения посвящено значительное число диссертационных исследований, публикаций. Так, например, О.С. Ефремова, изучая вопросы криминологического обеспечения предупреждения преступлений в субъекте Российской Федерации, выделяет следующие его основные этапы:

- а) информационный;
- б) аналитический;
- в) научный;
- г) прогностический;
- е) материальный;
- ж) управленческий¹.

А.В. Евсеев, исследуя проблемы криминологического обеспечения предупредительной деятельности органов внутренних дел, определяет следующие его этапы (элементы):

- сбор криминологически значимой и обоснованной информации;
- анализ состояния, тенденций и закономерностей преступности, причин и условий совершения преступлений, закономерностей индивидуального преступного поведения, личности преступника и потерпевших от преступлений;
- подготовка прогнозов возможного развития криминальной ситуации на обслуживаемой территории;
- определение криминогенных угроз, нейтрализация которых должна являться приоритетом предупредительной деятельности органов внутренних дел;

---

¹ Ефремова О.С. Этапы криминологического обеспечения предупреждения преступлений в субъектах Российской Федерации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1(4). С. 237–240.

- выработка адекватных мер предупреждения преступлений;
- оценка эффективности проводимых мероприятий предупредительного характера¹.

Существует еще ряд подходов к структуре криминологического обеспечения предупреждения преступлений, однако, при определенных авторских различиях, касающихся элементов или стадий (этапов) такой деятельности, нет значительных расхождений, а тем более полярных мнений относительно самого понятия криминологического обеспечения и его содержания.

Между тем, в целях эффективного предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в семейно-бытовой сфере, наиболее приемлемой, как нам представляется, является схема, предложенная С.Я. Лебедевым, посвятившим проблемам криминологического обеспечения противодействия преступности и отдельных ее видов значительное число работ².

По мнению С.Я. Лебедева, криминологическое обеспечение предупредительной деятельности должно в себя включать:

- регулярное (систематическое) наполнение повседневной профессиональной деятельности в области реализации правоохранительной политики новой научно-аналитической информацией криминологического характера;
- постоянный криминологический контроль (мониторинг) над целенаправленным и обоснованным использованием криминологической информации в соответствующей правоохранительной практике;
- периодическое криминологическое сопровождение подготовки, принятия и реализации различного уровня управленче-

---

¹ Евсеев А.В. Криминологическое обеспечение как основа повышения эффективности предупредительной деятельности органов внутренних дел // Актуальные вопросы противодействия преступности: теория и практика; сб. научных статей участников междунар. науч.-практ. конф. (Коломна, 29 апреля 2016 года) / ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет. 2016. С. 117–118.

² Защите от преступлений, связанных с торговлей людьми, – целенаправленное криминологическое обеспечение // Российский криминологический взгляд. 2013. № 3. С. 211–215; Криминологическое обеспечение национальной безопасности России // Россия в современном мире: проблемы, поиски решения. Научные труды ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. 2005. С. 176–184 и др.

ских решений, направленных на предупреждение преступности (криминологическая экспертиза)¹.

Выбор такой структуры криминологического обеспечения предупреждения внутрисемейного насилия был связан, главным образом, с тем, что предложенные профессором С.Я. Лебедевым стадии (этапы) такого обеспечения представляют собой крупные логически завершенные блоки, снабжающие и «вооружающие необходимым криминологическим арсеналом» всю предупредительную деятельность. Другие же авторы предлагают схемы более раздробленные и, по нашему мнению, менее оптимальные для организации криминологического обеспечения предупреждения преступлений.

Информационно-аналитический блок по праву возглавляет всю деятельность по криминологическому обеспечению предупреждения преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, поскольку его главным назначением является наиболее полное отражение объекта предупредительного воздействия. Разумеется, в первую очередь речь идет о насильственных преступлениях, их детерминантах, лицах, совершающих данные посягательства, жертвах таких преступлений. Причем данная информация, с одной стороны, должна дать представления о масштабах внутрисемейного насилия в целом, с другой стороны – увязать деятельность многочисленных субъектов – носителей профилактических функций, в единую систему превенции.

Криминологическая информация должна включать в себя все имеющиеся показатели, отражающие состояние преступности в сфере семейно-бытовых отношений и ее последствий: абсолютные количественные и относительные характеристики; детерминированность, мотивы; криминогенные и виктимогенные ситуации; социально-демографические, нравственно-психологические и уголовно-правовые признаки преступников и потерпевших. Все эти сведения можно отнести к информационно-аналитическому

---

¹ Лебедев С.Я. Криминологические предпосылки и перспективы научного обеспечения развития системы общественной безопасности в Южном регионе России («Новая криминология российского Юга») // Сб. материалов VI Международной научно-практической конференции «Современные проблемы уголовной политики». 25 сентября 2015. Краснодар. С. 95–103.

блоку криминологического обеспечения предупреждения рассматриваемых преступлений.

Между тем, даже с учетом повышенной степени латентности внутрисемейного насилия получить хотя бы приблизительные данные о реальном состоянии данного вида преступности представляется весьма затруднительно, поскольку уголовно-правовая статистика отражает лишь те проявления насилия среди членов семьи, отношения которых закреплены в гражданско-правовом порядке. При росте так называемых гражданских браков (или сожительства), существенный массив насильственных преступлений попросту не попадает в систему учета внутрисемейных правонарушений, тем самым существенно сужая масштабы внутрисемейного насилия, в том числе особо тяжких его проявлений – убийств и причинений тяжкого вреда здоровью.

Как отмечает Д.А. Шестаков, получить важные сведения о жертвах внутрисемейных преступлений из официальной российской статистики практически невозможно. По его мнению, для уяснения действительного положения дел с внутрисемейными насильственными преступлениями необходимы новые подходы к получению более объективной информации о таких деяниях путем создания более разветвленной статистики потерпевших, ориентируясь на данные не только правоохранительных органов¹. С этим нельзя не согласиться, поскольку «львиная доля» потерпевших от семейно-бытового насилия, как показывает практика, предпочитают об этом молчать.

Согласно результатам проведенного нами анкетирования, среди женщин, обратившихся в Краснодарский краевой кризисный центр помощи, 54,1 % ответили, что подвергались постоянным избиениям, побоям и психологическому насилию со стороны своих мужей и сожителей; 38,8 % испытывали унижения и психологическое насилие; 7,1 % подвергались избиениям и побоям. При этом 74,5 % женщин, испытывая насилие или его угрозу, ни-

---

¹ Шестаков Д.А. Теоретические основы семейной криминологии в применении к противодействию внутрисемейным насильственным преступлениям. Материалы международной научно-практической конференции. Баку : Академия полиции Азербайджана, 2016. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.criminologyclub.ru/news-club/221--1-r-29-2016-.html> (дата обращения (30.01.2021 г.)).

куда не обращались за помощью. На вопрос «Почему ранее не обращались за помощью?», 68,7 % ответило: боялась, что будет хуже; 14,6 % – было стыдно, не хотела огласки; 10,4 % не знали о существовании Кризисных центров; 6,3 % надеялись, что ситуация изменится к лучшему.

Таким образом, наличие информации, максимально отражающей масштабы семейно-бытового насилия, является необходимым условием для принятия научно-обоснованных решений в сфере правоохранительной деятельности и, в частности, предопределяет эффективность предупреждения внутрисемейного насилия. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо развитие единой концепции аналитической работы во всех правоохранительных органах, выработка, с одной стороны, типизированного, а с другой стороны, вариативного понимания ее целей и задач, создание типовых методик анализа и т.д. При этом полноценное криминологическое обеспечение предупреждения внутрисемейных насильственных преступлений подразумевает не только регулярное информационное пополнение новыми актуальными данными, но и постоянный криминологический контроль над рациональным использованием получаемой информации.

Между тем, как показывает практика, субъекты профилактики семейного насилия весьма часто не просто нерационально относятся к получаемой информации, а игнорируют тревожную информацию о фактах насилия в семье. В результате из информационно-аналитического блока криминологического обеспечения предупреждения семейно-бытового насилия выпадает значительный объем сведений о проявлениях семейного насилия, содержащихся в различных органах и организациях, учебных и социальных учреждениях. Распространены случаи умалчивания медицинскими, образовательными организациями, органами опеки о проживании детей в семьях наркоманов и алкоголиков, совершения в отношении них психического и физического насилия, в том числе в приемных семьях. Эти факты в нарушение требований Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» остаются без должного внимания и своевременных мер реагирования. Несообщение в правоохранительные органы о преступных действиях, совершенных в отношении детей, способствует соверше-

нию внутрисемейных насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних, приводит к безнаказанности семейных насильников¹.

Наряду с этим, весьма важной составляющей криминологического обеспечения предупреждения насилия в сфере семейно-бытовых отношений должна стать криминологическая экспертиза законопроектов и действующих нормативных актов. Хотя справедливости ради следует заметить: идея о том, что нормативно правовое обеспечение деятельности по предупреждению преступности нуждается в криминологической экспертизе, сама по себе не нова. Об этом еще в 80-е годы прошлого столетия писали отечественные криминологи. Между тем, это вопрос, как показывают теория и практика, актуален и сегодня, что главным образом связано с оптимизацией не только законотворческого, но и правоприменительного процессов, нацеленных на криминологическую профилактику преступлений.

Криминологическая экспертиза, как справедливо отмечается в литературе, открывает широкие горизонты перед практикой предупреждения преступности, предоставляя государству возможность более эффективного использования огромного потенциала криминологической науки не только в правотворчестве, но и в оздоровлении существующей криминологической ситуации в России².

При этом под криминологической экспертизой, если говорить применительно к теме нашей статьи, следует понимать социально-правовое исследование нормативных актов или их проектов, регламентирующих деятельность по предупреждению насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений, на предмет соответствия действующим социальным потребностям общества. Криминологическая экспертиза должна ответить на вопрос о допустимости принятия, изменения и реализации нормативных правовых актов с позиций вероятного профилактического влияния их регламентаций на внутрисемейное насилие, на причины, усло-

---

¹ Официальный сайт прокуратуры Кировской обл. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.prokuratura-kirov.ru/news/detail.php?ID=27282> (дата обращения 01.02.2021 г.).

² Пинчук Л.В. Криминологическая экспертиза законопроектов: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 3–4.

вия, факторы и обстоятельства, формирующие криминогенные свойства личности семейного насильника. Сегодня это становится все более и более актуальным, поскольку, по некоторым оценкам, только на федеральном уровне за последние 10 лет законопроекты о профилактике домашнего насилия вносились более 40 раз, но так и не прошли ни одного чтения в Госдуме¹.

Наряду с этим, криминологическое обеспечение предупреждения внутрисемейного насилия должно, на наш взгляд, предусматривать деятельность по планированию предупредительного законотворчества. Как отмечается в литературе, планирование законотворческого процесса:

- упорядочивает большой поток законодательных инициатив;
- определяет приоритетность направлений той или иной сферы общественных отношений, требующих правового урегулирования;
- согласовывает действия всех ветвей власти в процессе законотворчества².

Завершая рассмотрение вопросов, связанных с криминологическим сопровождением предупреждения семейно-бытового насилия, следует еще раз подчеркнуть, что успех противодействия внутрисемейному насилию во многом зависит от системного криминологического обеспечения такой деятельности, требующей регулярного наполнения новой аналитической информацией, контроля над ее целенаправленным и обоснованным использованием. В свою очередь, это предполагает развитие единой концепции аналитической работы в правоохранительных органах, выработку, с одной стороны, типизированного, а с другой стороны – вариативного понимания ее целей и задач; создание типовых методик анализа внутрисемейного насилия и алгоритмов противодействия ему; соответствующую криминологическую экспертизу подготовки и принятия различного уровня нормативно правовых и управленческих решений, направленных на предупреждение семейно-бытового насилия.

---

¹ URL : <https://www.roi.ru/55538/> (дата обращения 30.01.2021 г.).

² Калина В.Ф. Юридическая техника: учебник для прикладного бакалавриата. М., 2014. С. 58.

ФОРМЫ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Цыганков А.Ю.

аспирант кафедры уголовного права,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет
им. Трубилина»,
г. Краснодар

Законодательство различных стран мирового сообщества представлено различными правовыми системами. В современной теории права классификация правовых систем обычно осуществляется на основе социально-экономических, духовных (идеологических) и технико-юридических факторов. В рамках сравнительно правового исследования институтов уголовного права целесообразно опираться на социально-географические критерии типологизации правовых систем современности. Анализ регламентации института множественности преступлений целесообразно осуществить, основываясь на следующих правовых системах: система общего права (англо-саксонская); система континентального права (романо-германская); система азиатско-тихоокеанского права; система мусульманского права.

Одной из традиционных правовых систем, к которой относится и российское законодательство, является континентальная система права (романо-германская правовая семья). Для континентальной системы права характерны полная кодификация уголовно-правовых норм, приоритет материального права над процессуальным правом и исключение судебного прецедента из системы источников уголовного права. Во главе уголовно-правовой воздействия лежат идеи профилактики и ресоциализации¹. Все это существенным образом наложило отпечаток на регламентацию форм множественности преступлений в государствах романо-германской правовой семьи. Зарождение института множественности преступлений, судя по дошедшим до нашего времени источникам права, происходит в Европе уже на ранних стадиях

---

¹ Pradel J. Droit penal. T. 1. Editons Cujas. Paris, 1997. P. 317.

формирования государственности, и проявлялось в усилении мер государственного принуждения в случае, когда лицо, два и более раза совершало преступные деяния. Аналогичная правовая оценка неонакротной преступной деятельности была присуща так же законодательству Месопотамии и Индии. Нельзя не обратить внимания на то, что общие подходы к множественности преступлений, зародившиеся на заре современной цивилизации, сохранили свою актуальность в законодательстве зарубежных государств и в настоящий период времени.

Принято считать, что впервые термин «рецидив» в оценке преступного поведения был введен в правовой оборот еще в источниках римского права. Изначально он использовался для обозначения специфики поведения лиц, «возвращавшихся» к ранее избранному преступному пути, несмотря на осуществленное в отношении них уголовное преследование. На взгляд И.Б. Агаева необходимым элементом этимологического значения понятия рецидива является повторение какого-нибудь явления, наличие двух следующих друг за другом фактов¹. Уже в римском праве сформировалась концепция, согласно которой, при устойчивом проявлении привычки совершать преступление, а именно, в трактовке древнеримских юристов, при совершении преступления в третий раз, как бы «ничтожны» не были ранее совершенные лицом деяния, поведение преступника требует максимально строгого наказания – смертной казни².

Обращает на себя внимание тот факт, что институт множественности преступлений своим истоки находит в необходимости усиления уголовной ответственности в отношении привычных корыстных преступников. Объяснения этому следует искать в объективных предпосылках традиционно большего распространения именно корыстных преступлений и формирование криминального профессионализма в среде лиц, совершающих кражи, грабежи, разбой и мошенничества. Следует подчеркнуть, что история становления института множественности в России была

---

¹ Агаев И.Б. Рецидив в системе множественности преступлений. М. : Юристъ, 2002. С. 15.

² Серкова Т.В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. С. 53.

подчинена сходным тенденциям. В целом, в результате рецепции римского права к концу XVIII в., в большинстве европейских государств законодательство предусматривало смертную казнь за третий раз совершенное воровство. В основу ужесточения наказания для неоднократных преступников была положена концепция устойчивости криминального поведения субъекта, даже после применения к нему уголовного наказания.

В современном зарубежном уголовном праве, как и в законодательстве России, правовая оценка множественности преступлений находится в плоскости вопроса о дифференциации уголовной ответственности. Устоявшийся подход заключается в том, что множественность преступлений признается обстоятельством, отягчающим ответственность. Зачастую в зарубежном законодательстве оценивается общественная опасность не только повторно совершенного преступного деяния, но и общественная опасность личности привычного преступника. Подтверждением этому выступает практика полного суммирования наказания, назначенного за каждое из совершенных преступлений, в результате чего окончательный размер наказания в виде лишения свободы превышает продолжительность жизни человека. Такая практика известна, в частности, уголовному законодательству США и Испании.

Длительный период времени институт множественности преступлений с точки зрения теории уголовного права составлял неотъемлемую часть института назначения наказания. Лишь к концу XX в. в зарубежной уголовно-правовой доктрине завершилось формирование самостоятельного научного направления – теории множественности преступлений. Ярким примером, подтверждающим незавершенность формирования правового института множественности в зарубежном законодательстве, выступает французское законодательство. В УК Франции не представлено общего понятия множественности преступлений и отдельных ее форм. В данном источнике регламентированы лишь вопросы назначения наказания (глава 2 «Режим наказаний», подотдел 2 ««О наказаниях, применяемых в случае рецидива»). В УК Франции содержится положение об усилении ответственности в отношении ранее судимых лиц. Так, в статье 132-8 говорится, что если преступник, ранее судим за преступление или проступок, наказуемые 10 годами тюремного заключения, снова совершит

преступление, за которое УК устанавливает 20 или 30 лет лишения свободы, наказывается заточением или пожизненным заключением. Наряду с этим, в статье 132-9 указано, что если за совершение нового деяния предусмотрено 15 лет лишения свободы, то субъект наказывается 30 годами заточения или заключения. Помимо указанного нормативного предписания в УК Франции установлен ряд ограничений в отношении ранее судимых лиц. Так, к лицу, осужденному за рецидив преступных деяний, невозможно применение отсрочки исполнения наказания (ст. 132-31)¹.

Глава 3 УК ФРГ содержит меры наказания при совершении нескольких нарушений закона. В этой главе идет речь о неоднократности и совокупности деяний. В §56 регламентирована возможность отмены условной отсрочки наказания в случае, когда в ходе испытательного срока осужденный совершает еще одно преступление, показывая этим, что отсрочка наказания не привела к положительным результатам и не оправдала себя. В то же время, по УК Германии имеется возможность назначить превентивное заключение, если лицо будет признано «преступником по склонности». Таким преступником считается рецидивист, личность и тяжесть деяний которого по причине его тяготения к совершению преступлений будет признана опасной для общества. В § 66 УК ФРГ предусмотрены два варианта применения превентивного заключения в этом случае. Во-первых, необходимо наличие следующих посылок: а) лицо должно быть осуждено за умышленное преступное деяние на срок не менее 2-х лет; б) до этого лицо уже дважды осуждалось за умышленные преступные деяния, каждый раз к наказанию в виде лишения свободы на срок не менее одного года; в) за одно или несколько этих деяний до совершения нового деяния отбыло наказание в виде лишения свободы на срок не менее двух лет или к нему применялась мера исправления или безопасности. Мы считаем, что данный подход к рассмотрению вышеуказанной проблемы может быть эффективен лишь в романо-германской правовой семье, а также в правовых группах Европы. В законодательстве России данные категории никогда не применялись и не находили отражения на практи-

---

¹ Уголовный кодекс Франции. URL : https://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/sgf/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio50/

ке. Второй случай предусмотрен абз. 2 §66 УК ФРГ, согласно которому возможно назначение превентивного заключения, если лицо при отсутствии у него в прошлом осуждений или применения к нему мер изоляции, совершило три умышленных преступных деяния, за которые было лишено свободы каждый раз на срок не менее одного года и осуждено за одно или несколько такого рода деяний к наказанию в виде лишения свободы на срок не менее трех лет. УК Польши вместо рецидива преступлений содержит нормы о повторности преступлений (глава VII). Согласно ст. 64 § 1, если виновный, осужденный за умышленное преступление к наказанию лишением свободы, в течение 5 лет после отбытия не менее 6 месяцев наказания совершил умышленное преступление, подобное преступлению, за которое уже был осужден, суд может назначить наказание, предусмотренное за это преступление, в размере до верхнего предела наказания, установленного в санкции, увеличенного наполовину¹.

Вместе с тем, на законодательном уровне правовые последствия множественности преступлений продолжают связываться с вопросами наказания. Это проявляется в том, что за редким исключением в уголовных законах зарубежных государств континентальной системы права не закреплена легальная дефиниция форм множественности преступлений. В частности, при наличии упоминания о множественности преступлений в УК Голландии законодательное определение отдельных ее форм в данном источнике отсутствует. Исключением выступает УК Латвии, где к признакам множественности преступлений на законодательном уровне отнесены: 1) совершении одним субъектом двух более самостоятельных преступлений; 2) наличие в его деянии признаков нескольких составов преступлений; 3) умышленный характер действий виновного (ст. 24 УК Латвии). Вместе с тем отдельной главы, посвященной институту множественности преступлений, рассматриваемый источник не содержит, а указанная норма помещена в Главу II «Преступное деяние»².

В УК Латвии выделяются следующие формы множественности преступлений: совокупность преступлений (ст. 25) и реци-

---

¹ Уголовный кодекс ФРГ. СПб. : Юридический Центр Пресс, 2003.

² Уголовный кодекс Латвийской Республики. URL : <https://lawyer-khroulev.com/wp-content/uploads/2019/09/ugolovnij-zakon-latvii.pdf>

див (ст. 26). Формальное указание на формы множественности преступлений закреплено в ст. 32 УК Молдавии – множественность преступлений составляет, по обстоятельствам, совокупность преступлений или рецидив¹. Соответственно в ст. 33 УК содержится развернутое определение совокупности преступлений и ее видов – идеальной и реальной, а в ст. 34 регламентированы понятие и виды рецидива преступлений. При этом предписания о множественности преступлений также не составляют структурно обособленного института и помещены в главу II «Преступление».

Своеобразием отличается УК Литовской Республики, в котором регламентирована лишь одна форма множественности – рецидив (ст. 27), содержащаяся в гл. IV «Стадии и формы преступного деяния»². В УК Казахстана к формам множественности отнесены: неоднократность уголовных правонарушений (ст. 12), совокупность уголовных правонарушений (ст. 13) и рецидив, опасный рецидив преступлений (ст. 14)³. Вместе с тем, в Пениitenciарной кодексе Эстонии вообще не осуществлена регламентация института множественности как такового. Лишь в ст. 63 этого источника установлены принципы применения основного наказания за несколько виновных деяний, а в ст. 64 и 65 – правила назначения наказания по совокупности и последующего назначения наказания по совокупности, в том числе по совокупности приговоров (ч. 2 ст. 65)⁴.

Иной подход наблюдается в УК Республики Беларусь, где в Общей части структурирована гл. 7 «Множественность преступлений», в которой при отсутствии ее законодательного определения, выделяются три формы множественности: повторность преступлений (ст. 41), совокупность преступлений (ст. 42), и рецидив пре-

---

¹ Уголовный кодекс Республики Молдова. URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923&doc_id2=30394923#activate_doc=2&pos=47

² Уголовный кодекс Литовской Республики. СПб. : Юридический Центр Пресс, 2002.

³ Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=5

⁴ Пениitenciарный кодекс Эстонии. URL : https://www.legislationline.org/download/id/6462/file/Estonia_CC_as_of_2002_ru.pdf

ступлений (ст. 43)¹. Такой же подход присущ и УК Узбекистана, Общая часть которого так же содержит главу VIII «Множественность преступлений», в которой выделены следующие формы множественности: повторность преступлений (ст. 32), совокупность преступлений (ст. 33) и рецидив преступлений (ст. 34)². Эти же формы множественности регламентированы в УК Таджикистана (ст. 19–21), однако они не составляют самостоятельного института и содержатся в гл. 3 «Понятие и виды преступлений». Сходная законодательная конструкция применена и в УК Украины, где в Общей части структурирован раздел 7 «Повторность, совокупность и рецидив уголовных правонарушений»³, а также УК Грузии, включающем гл. V «Множественность преступлений»⁴. Особенностью уголовного закона Грузии является регламентация, наряду с общими формами множественности – неоднократного преступления (ст. 15), совокупности преступлений (ст. 16) и рецидива преступлений (ст. 17), специальной вида неоднократного преступного поведения – рэкета (ст. 17.1).

Таким образом, осуществленный анализ зарубежных источников континентальной системы уголовного права свидетельствует об отсутствии унифицированного понимания не только множественности преступлений в целом, поскольку в большинстве государств ее легальная дефиниция не закреплена, но и в отношении регламентации форм множественности преступлений. Лишь рецидив преступлений, вслед за римским правом, остается формой множественности, традиционно включаемой в сферу уголовно-правовой регламентации. Для государств на постсоветском пространстве так же характерно выделение таких форм множественности как неоднократность (повторность) преступлений и совокупность преступлений.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что формирование института множественности преступлений в зарубежном законода-

---

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL : https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb.htm

² Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL : <https://lex.uz/docs/111457>

³ Уголовный кодекс Республики Украина. URL : <https://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/razdel-7/>

⁴ Уголовный кодекс Грузии. URL : <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=229>

тельстве еще не завершено. В рамках основного принципа усиления ответственности за неоднократную преступную деятельность еще не сложились унифицированные подходы относительно места института множественности в системе уголовного права, форм множественности и их отличительных признаков. В изученных источниках зарубежного права чаще всего, подробно закреплены признаки и правовое значение рецидива преступлений, в меньшей степени – совокупности преступлений. Полностью отсутствует в источниках зарубежного права (дальнего зарубежья) такая форма множественности как неоднократность преступлений. И лишь в УК ФРГ и Австрии¹ выделяется такой специфический вид множественности как преступный промысел. Достаточно фрагментарно осуществлено правовое регулирование института множественности в законодательстве государств континентальной системы права. В целом следует констатировать, что наиболее детальная регламентация общих положений о множественности преступлений осуществлена в законодательстве государств ближнего зарубежья. При этом заслуживает внимания УК Беларуси в части указания на то, что совокупность образуют два и более преступления, предусмотренные одной и той же статьей Особенной части УК Беларуси, из которых одни квалифицируются как оконченное преступление, а другие – как приготовление, покушение или соучастие в преступлении.

В ряде государств ближнего зарубежья осуществлена регламентация такой формы множественности как неоднократность (повторность) преступлений (УК Азербайджана, Грузии, Казахстана). Основными критериями неоднократности называются отсутствие судимости (кроме УК Грузии) и совершение однородных или тождественных преступлений. Исключение составляет УК Украины, в ч. 1 ст. 33 которого совокупность образуют лишь деяния, предусмотренные различными статьями или различными частями одной статьи Особенной части УК Украины.

Законодательство зарубежных государств континентальной правовой семьи достаточно унифицировано признает обстоятельством, требующим усиления уголовной ответственности рецидив преступлений. Данная форма множественности нашла закрепле-

---

¹ Уголовный кодекс Австрии [Электронный ресурс]. URL : <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk>

ние в подавляющем большинстве государств дальнего и ближнего зарубежья. Вместе с тем, признаки рецидива преступлений, нашедшие отражение в уголовных законах зарубежных государств лишь в одном элементе понимаются единообразно. Это касается судимости, которая не должна быть снята или погашена на момент совершения субъектом нового преступления. Еще одной формой множественности преступлений, связанной с судимостью, выступает преступный промысел, но она выделена лишь в законодательстве Германии и Австрии. При этом заслуживающим внимания является опыт ряда зарубежных государств по учету при определении рецидива судимостей, полученных субъектом в зарубежных государствах (Узбекистан).

ПОНЯТИЕ НАСИЛЬСТВЕННОГО СПОСОБА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Абисова К.С.

адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России,
г. Краснодар

Насилие, как феномен человеческой истории существовал всегда. Каждому периоду жизни общества соответствует определённый уровень насилия, с сопутствующими формами его проявления. В Российской Федерации по итогам 2020 года зарегистрировано 7695 тыс. убийств и покушений на убийство, 20019 тыс. случаев нанесения тяжкого вреда здоровью, 3535 тыс. изнасилований и покушений на изнасилование, 38392 тыс. грабежей и 5280 тыс. разбоев, 2342 тыс. преступлений террористического характера. К примеру, каждый двадцать второй грабеж (4,6 %), и каждое десятое разбойное нападение (10,2 %) были сопряжены с применением насилия¹. В свою очередь, террористическая дея-

---

¹ URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (дата обращения: 25.05.2021).

тельность, являясь предметно-практической стороной проявления терроризма в форме криминальной практики охватывает широкий спектр преступлений, непосредственно направленных как на достижение результатов террористической деятельности, так и на ее обеспечение, использует преимущественно насильственные методы¹. Как следствие вышеуказанного, криминологические показатели ещё весьма стабильны и серьёзны.

Исходя из сущности насилия и его внешних проявлений, следует разграничить данное понятие на два обособленных вида: физическое и психическое.

Физическое насилие. Оно проявляется в умышленном причинении вреда жизни и здоровью, вследствие чего нарушается телесная неприкосновенность. Насилие в данном аспекте является самоцелью, а мотивы, его детерминирующие могут иметь разнообразную природу (хулиганские, бытовые, вражда, ненависть, месть и др.); Н.И. Панов отмечает, что физическое насилие «может выражаться в непосредственном применении виновным своей мускульной силы к телу потерпевшего (нанесение ударов руками, ногами), либо в применении физической силы посредством использования различных предметов (оружия, сильнодействующих веществ)»². Такой взгляд для настоящих реалий оказался весьма узок и поэтому практика насилия варьируется в зависимости от форм энергетического воздействия на жертву. С этой позиции стоит согласиться с А.Н. Игнатовым, который считает, что «с внешней стороны физическое насилие представляет собой энергетическое воздействие на органы и ткани (их физиологические функции). Посягательство на жизненные свойства или функции организма человека заключается в энергетическом воздействии на обмен веществ и энергии организма с окружающей средой и внутри самого организма, на движение, контрольно-регуляторную функцию и на другие физиологические функции. При энергетическом воздействии процесс вредных изменений в

---

¹ Абисова К.С. К вопросу о разграничении понятий «террор», «терроризм», «террористическая деятельность» // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4(50). С. 120–124.

² Панов Н.И. Квалификация преступлений, совершаемых путём применения физического насилия // Проблемы дальнейшего укрепления социалистической законности в деятельности ОВД. Киев, 1986. С. 32.

предмете воздействия носит чисто материальный характер и связан с переносом физической энергии (механической, химической, тепловой, ядерной и др.). Энергетическое воздействие возможно путем использования материальных факторов внешней среды – механических, физических, химических, биологических»¹. Данное определение является наиболее универсальным и подходящим для современных реалий.

Психическое насилие. По мнению А.М. Подгайного, оно является ничем иным как насилием над личностью в индивидуальном и общественном плане и может «осуществляться путем унижения, оскорбления личности, возведения на нее (либо на группу лиц) клеветы, а также путем создания экстремальных ситуаций в быту (в семье)»². Мы считаем, что такого рода преступление, как клевета, закреплённое в ст. 128.1 и ст. 298.1 УК РФ, следует понимать как психическое (информационное) насилие, поскольку оно неблагоприятным образом воздействует на психологическую составляющую потерпевшего, а также может быть использовано как средство понуждения потерпевшего к совершению различного рода действий, по требованию виновного.

Уголовно-правовое отражение насилия и его видов осуществляется посредством криминализации различного рода насильственных деяний и конструирования соответствующих составов преступлений в уголовном законодательстве. Специфическим интегрирующим признаком, который служит критерием отнесения уголовно наказуемых деяний к категории насильственных преступлений, является насилие как способ совершения преступления. Именно насильственный способ совершения преступления определяет характер и степень общественной опасности деяния, специфику личности преступника, характер и размер наказания.

С учетом рассмотренных выше видов, под насилием как способом совершения преступления, на наш взгляд, следует понимать умышленное противоправное воздействие на человека, его физиологическую составляющую путем использования мате-

---

¹ Игнатов А.Н. Насилие как способ совершения преступления: понятие и сущность // Форум права. 2010. № 3. С. 144–151.

² Подгайный А.М. К вопросу о понятии и формах криминального насилия над личностью // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2006. № 4. С. 429.

риальных факторов внешней среды (механических, физических, химических и биологических) и (или) воздействие на его психическую составляющую путем информационного влияния, которое совершается путем действия или бездействия вопреки или помимо воли человека, способное причинить смерть, физическую и (или) психическую травму, а также ограничить свободу волеизъявления или действий человека.

Однако до сих пор термин «насилие» имеет широкий диапазон толкования и нет одного точного, всеобъемлющего доктринального толкования. Поэтому разработка такого определения и выделение на его основе видов насильственных преступлений будет являться подспорьем для эффективного решения задач, стоящих перед уголовным правом.

Подобного рода пробелов, связанных с законодательными формулировками в УК РФ, где упоминается термин «насилие» и смежные с ним понятия, немало. Мы не ставим перед собой цель рассмотрения всего их перечня, но благодаря приведенным примерам можно увидеть, что в настоящее время законодатель всё-таки не имеет четкой позиции по регулированию признака «насилие» и других смежных понятий.

Речь идет о следующих смежных с «насилием» понятиях: «физическое принуждение» (ч. 1 ст. 40 УК РФ); «психическое принуждение» (ч. 2 ст. 40 УК РФ); «нападение» (ч. 1 ст. 162, ч. 1 ст. 209, ч. 1 ст. 227, ч. 1 ст. 340, ч. 1 ст. 360 УК РФ); «шантаж» (ч. 2 ст. 127.2, ч. 1 ст. 133, ч. 2 ст. 185.5, ч. 1 ст. 283.1, ч. 1 ст. 302, ст. 304, ч. 2 ст. 309 УК РФ); «сопротивление представителю власти» (ч. 1 ст. 212, ч. 2 ст. 213 УК РФ); «причинение вреда здоровью» (ч. 1 ст. 111, ч. 1 ст. 112, ст. 113, ст. 114 УК РФ и др.); «физическое страдание» (ст. 7, ч. 1 ст. 117, ч. 3 ст. 137 УК РФ); «психическое страдание» (ч. 1 ст. 117, ч. 3 ст. 137 УК РФ); «нравственное страдание» (примечание к ст. 117, ч. 3 ст. 137 УК РФ); «физическая боль» (ч. 1 ст. 116 УК РФ); «пытка» (примечание к ст. 117, ч. 2 ст. 302 УК РФ)¹.

Конечно, данные термины связаны с воздействием на тело и психику человека, но они не являются равнозначными. И в действительности, отсутствие четкого разграничения в данном вопросе не позволяет органам предварительного следствия и судам ориен-

---

¹ URL : <http://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 25.05.2021).

тироваться на единый подход при квалификации деяний, совершаемых с использованием насилия. Также данная неопределенность вызывает трудности при квалификации преступлений, составляющих и террористическую деятельность в части насильственного способа реализации. Нужно обратить внимание на устоявшуюся практику понимания термина «насилие» зачастую лишь в физическом аспекте его воздействия и только как парный признак, – производный термин «угроза применения насилия», имея в виду психическое воздействие, а сами термины «физическое насилие» и «психическое насилие» в УК РФ не встречаются.

Между тем в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»¹, указанная терминология («физическое насилие», «психическое насилие») довольно плотно устоялась, вследствие чего возникает вопрос о логичности и целесообразности ее имплементации в текст уголовного закона.

Изложенное позволяет сделать следующие основные выводы.

Под насилием в уголовном праве предлагаем понимать умышленное противоправное воздействие на человека, его физиологическую составляющую путем использования материальных факторов внешней среды и (или) воздействие на его психическую составляющую путем информационного влияния, которое совершается путем действия или бездействия вопреки, или помимо воли человека, способное причинить смерть, физическую и (или) психическую травму, а также ограничить свободу волеизъявления или действий человека. Подчеркивая, что насилие содержит в себе признаки не только физического воздействия на потерпевшего, но и психического.

Мы полагаем, что ввиду особой важности это понятие должно быть раскрыто в самом УК РФ, что позволит избежать ошибок при уголовно-правовой оценке насильственных деяний, в том числе террористической деятельности. Тем более не стоит забывать, что работа в т.ч. правоохранительных органов на данном этапе сводится к статистической регистрации и последующему статистическому анализу деятельности. Не углубляясь в

---

¹ О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 дек. 2014 г. № 16 // Рос. газ. 2014.

процессуальные аспекты, стоит лишь сказать, что при заполнении статистической карты формы 1, требуется указать квалификацию содеянного, а в случае размытого понимания самого термина «насилие» мы во многих случаях не можем говорить о правильной квалификации содеянного, из чего вытекают сомнения в отношении аналитической информации и её соответствия действительности.

ИТ-МОШЕННИЧЕСТВО: АНАЛИЗ ПРЕСТУПНЫХ СХЕМ И МЕТОДОВ БОРЬБЫ

Старостенко О.А.

адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России,
г. Краснодар

В настоящее время информационно-телекоммуникационные технологии являются одной из быстроразвивающихся областей. Использование сети Интернет и осуществление профессиональных обязанностей в режиме «онлайн» становятся повседневным явлением. Прогресс в области цифровых технологий сопровождается активным развитием преступной деятельности, а такие действия, как повышенная активность в социальных сетях, покупка товаров, оказание коммерческих услуг и обмен документами посредством использования электронной почты особенно сильно привлекают внимание Интернет-мошенников.

Согласно официальной статистике Генпрокуратуры – за четыре месяца 2020 года число случаев кибермошенничества выросло на 78 % по сравнению с первыми шестью месяцами 2019 года. Мошеннические способы продолжают усложняться, и выявлять их становится все труднее¹.

---

¹ Статистические данные о зарегистрированных преступлениях на территории Российской Федерации в мае-июне 2020 года. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL : <http://genproc.gov.ru> (дата обращения: 16.03.2021 г.).

По мнению А.В. Самойлова, способ совершения преступления в криминологическом аспекте начал рассматриваться в середине шестидесятых годов¹ наряду с прогрессом науки уголовное право и криминалистика, но должного юридического внимания так и не получил.

В науке криминологии и на сегодняшний день конкретного определения способа совершения преступления нет, но, на наш взгляд, вполне справедливо понимать – действие или совокупность действий, совершаемых в определенном порядке и обладающих тремя основными свойствами:

1. Действия должны совершаться в процессе преступного деяния.

2. Направленность действий на достижение преступного результата.

3. Отражение индивидуальных особенностей преступления.

Полагаем, что способ совершения преступления необходимо рассматривать не просто как элемент механизма преступного поведения, но и его планирования. Г.Г. Шиханцов утверждает, что планирование преступного поведения зависит непосредственно от личности преступника и текущей обстановки, а способом совершения преступления выступает совокупность преступных приемов².

Из данных определений следует сделать вывод о том, что важнейшим элементом характеристики ИТ-мошенничеств выступает способ их совершений. Особенность указанного вида преступлений заключается в информационном характере способа действия преступника и построении доверительных отношений между виновным и жертвой.

Рассмотрим актуальные на сегодняшний день способы совершения мошеннических действий (преступные схемы) в информационной среде:

1. Использование уязвимости. Существующие требования социального дистанцирования привели к возникновению виртуального взаимодействия. Режим дистанционного взаимодействия

---

¹ Самойлов А.В. Учение о механизме совершения преступления: история возникновения и развития // Журнал Курского государственного университета. 2010. № 3(15). С. 28.

² Шиханцов Г.Г. Криминология / ГрГУ имени Янки Купалы. URL : <http://ebooks.grsu.by/criminal/2-prichiny-i-usloviyaprestupnosti-nesovershennoletnikh-i-ikh-preduprezhdenie.htm> (дата обращения: 16.04.2021 г.).

начал осуществляться с использованием приложений систем онлайн-обучения (LMS) и видеоконференцсвязи (Zoom). Масса случаев выявления и использования кибермошенниками уязвимостей в вышеупомянутых системах была зафиксирована и в нашей стране. Сообщается, что одна популярная, но уязвимая платформа была взломана из-за слабого механизма безопасности и пароля, в результате чего злоумышленники смогли захватить сеансы видеоконференцсвязи и получить доступ к содержимому конференции.

2. Ложные благотворительные фонды. Преступники спекулируют человеческими чувствами: принуждают участвовать в благотворительных денежных сборах (пожертвования).

3. Создание фиктивных Всемирных организаций здравоохранения, осуществляющих поддержку граждан в период пандемии COVID-19. Жертве, путем обмана или злоупотребления доверием, навязывают ошибочное мнение, в результате которого она сознательно оплачивает услуги здравоохранения в фонд поддельной клиники.

4. Оказание помощи с пособиями. Злоумышленники запрашивают приватные данные жертвы для оформления несуществующих государственных компенсаций ущерба от распространяемых вирусов с целью незаконного обогащения. Также актуальной мошеннической схемой выступает отсрочка платежей и урегулирование взысканий по обязательной предоплате, получив которую, преступник скрывается.

5. Поддельные курьерские службы заказы еды и лекарств с обязательной оплатой заказа на сайте. Внешне сайты не имеют отличия от «подлинных», но по факту оплата проходит в пользу злоумышленника.

6. Поддельные агентства по трудоустройству Злоумышленники создают фейковые кадровые агентства, осуществляющие прием граждан на работу в удаленном формате. Соискатель вносит в анкету персональные данные, после чего получает письмо о принятии на работу и необходимости перевести деньги за «некое оборудование», в результате чего становится жертвой мошеннических действий¹.

---

¹ Официальный сайт Сбербанк России. URL : <https://www.sberbank.ru/ru/person> (дата обращения: 20.05.2021 г.).

Указанный перечень способов совершения мошенничеств не является исчерпывающим. Наряду с прогрессом в сфере IT-технологий, происходят изменения в преступной среде, отлаживаются новые схемы реализации противоправного умысла, что требует глубокого анализа и изучения данной проблематики.

Анализ устоявшихся воззрений отечественных и зарубежных криминологов на способ совершения кибермошенничества позволяет сделать выводы об отсутствии специальных знаний о способе совершения преступления, криминологической классификации мошеннических действий и наличии различий в понимании способа совершения мошенничества в науках криминология, уголовное право и криминалистика.

Для более детального отражения онлайн-действительности в сознании субъекта и снижения (недопущения) виктимизации личности, профилактики виктимного поведения, а также минимизации виртуальных рисков, нами был проанализирован имеющийся и собранный материал, на основе которого разработана универсальная типология кибермошеннических схем:

1. В зависимости от каналов коммуникации:

– профили пользователей чатов и социальных сетей («ВК», «ОК» и т.д.). Мошенники способны, взломав аккаунты друзей жертвы, отправлять приватные сообщения с просьбами оказать помощь и перевести срочно определенную денежную сумму, проголосовать;

– система мгновенных сообщений (ICQ). Используются фишерами либо киберсквоттерами для обращения к пользователям данных программ в форме предложения неких товаров, услуг за небольшое количество денег. Зачастую мошенники преодолевают социальную дистанцию жертвы за счет притворства дальним родственником или бывшим коллегой;

– онлайн-чаты. Публичные обращения, мошенничества с платежными системами, фишинг с рекламой, Ноах-программы;

– индивидуальный персональный компьютер, ноутбук, планшет, смартфон пользователя. Взломы ПК в виде вирусных атак, установкой баннеров и т.д.;

– веб-сайты. IT-мошенничество зачастую совершается на Интернет-сайтах, которые различаются между собой размещенным контентом и тематикой.

2. По области воздействия:

– частная жизнь. В данную типологию считаем рациональным относить мошенничества, направленные на экспансивный

отклик юзера – проведение благотворительных виртуальных акций, накрутка голосов рейтинга, просьба материальной помощи. Цель описанных действий заключается в психо-эмоциональном давлении на чувства сострадания, сопереживания и милосердия жертвы. Наблюдается тенденция отправки онлайн-сообщений со сторонних аккаунтов (родственников, друзей). Это позволяет привлечь внимание и увеличить желание оказать немедленную помощь. Главная задача киберпреступника – создать идеальный образ, чтобы влюбить в него жертву и получить максимальную финансовую помощь;

– область деловых отношений (профессиональная деятельность). В первую очередь, в данную область необходимо включить киберсквоттинг и тайпсквоттинг (стремление и желание жертвы приобрести необходимый домен, находящийся в собственности мошенников), а также совокупность существующих в природе мошеннических способов, связанных с финансовыми извлечениями прибыли.

3. По референтивным средствам. IT-мошенничество можно и необходимо классифицировать по референтивным средствам, которые были использованы при его оформлении. Иными словами, разделить на оптическое, контекстное и совокупное.

К оптическим средствам, по нашему взгляду, будут относиться созданные мошеннические образы и стили (всплывающие окна в виде баннеров, анимаций, 3D картинок). Их используют при рассылке спам-сообщений, рекламных объявлений, продажи товаров и услуг.

Контекстные средства сопровождаются мошенническими действиями в тексте сообщений. Средой совершения таких действий зачастую выступают ICQ-чаты; социальные сети ВК, Facebook, Мой мир и др.; способом совершения – Ноах-программы, тайпсквоттинг, фишинг.

И, как следствие, совокупные включают в себя оптические образы и контекстные средства.

4. По степени психоэмоционального воздействия на жертву. Использование приемов убеждения, внушения, требования, запугивания и т.д.¹

---

¹ Старостенко О.А. Новые способы мошеннических действий в период пандемии COVID-19 и их классификация // Юридическое образование и наука. 2021. № 2. С. 36–39.

Полагаем, что использование указанной классификации, а также наличие обособленного криминологического института способов мошенничества помогут избежать смешения и пересечения понятий, систематизировать данные, а также укрепить личную и имущественную безопасность.

Кроме того, обеспечить необходимый уровень безопасности возможно с помощью применения традиционных и криминологических способов противодействия.

К первым будут относиться:

- регулярное обновление программного обеспечения;
- использование брандмауэров и систем обнаружения вторжений и т.д.

Ко вторым:

- выявление, ослабление и нейтрализация причин онлайн-мошенничества;
- выявление мотивирующих факторов, побуждающих к совершению преступления;
- установление лиц, обладающих повышенным криминальным риском. Оказание воздействия с целью снижения установленного риска;
- установление лиц по психологическим факторам, указывающим на их способность совершать преступления и соответствующее корректирующее воздействие на них¹.

---

¹ Старостенко О.А., Старостенко Н.И. Система криминологических и правовых мер противодействия мошенничеству в сети интернет // Проблемы правовой и технической защиты информации. 2020. № 8. С. 111–113.

Научное издание

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ
РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«Эффективность российского правосудия по уголовным делам:
современное состояние и перспективы совершенствования»
(27 мая 2021 г.)

Сборник статей

Статьи публикуются в авторской редакции

Технический редактор – А.С. Семенов
Компьютерная верстка – М.Н. Гусева
Дизайн обложки – О.Я. Фоменко

Подписано в печать 15.06.2022
Бумага «Снегурочка»
Печ. л. 15,25
Усл. печ. л. 14,18
Уч.-изд. л. 12,76

Формат 60×84^{1/16}
Печать трафаретная
Изд. № 1245
Тираж 105 экз.
Заказ № 2370

ООО «Издательский Дом – Юг»
350010, г. Краснодар, ул. Зиповская 9, литер «Г», оф. 41/3
тел. +7(918) 41-50-571
e-mail: id.yug2016@gmail.com Сайт: <http://id-yug.com>